

А СИММЕТРИЯ

жизни современного
российского общества:
соотношение традиций
и инноваций

Москва 2017

Институт социологии
Федерального научно-исследовательского центра
Российской академии наук

**Асимметрия жизни современного
российского общества:**
соотношение традиций и инноваций

Москва
ФНИСЦ РАН
2017

УДК 316.3
ББК 60.524
А 90

*Утверждено к печати
Учёным советом Института социологии
Российской академии наук*

Рецензенты:

д-р социол. наук, проф. **А. В. Носкова**
д-р социол. наук **Г. А. Чередниченко**

Авторский коллектив:

О. В. Аксенова, Н. В. Левченко, А. М. Пахарь,
В. Г. Писаревский, М. А. Подлесная,
К. В. Подъячев, И. П. Рязанцев, И. А. Халий

А 90 Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография] / [О. В. Аксенова, Н. В. Левченко и др.]; Отв. ред. О. В. Аксенова; ИС РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 3,01 Мб). – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с. 1 CD-ROM. URL: <http://www.isras.ru/index.php?page id=1198&id=5084>

ISBN 978-5-89697-288-4

Монография содержит анализ данных, полученных авторами в ходе полевых исследований в 10 регионах России в 2014–17 гг. Показано, какие инновации возможны в России благодаря тому, что традиции оказываются способными их воспринять и адаптировать к доминирующей системе ценностей. На примерах традиций, поддерживаемых различными сообществами (местных жителей, профессионалов, педагогов и студентов, экологистов, православных прихожан и т. п.), демонстрируется возможность их трансформации под воздействием инноваций, предлагаемых извне — из-за рубежа и исходящих от отечественной политической элиты. Также отмечается наличие охранительных тенденций, носителями которых является определенная часть обозначенных сообществ.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной ситуацией в России, ученым-обществоведам, студентам социологических и политологических факультетов.

ISBN 978-5-89697-288-4

УДК 316.3
ББК 60.524

© Аксенова О. В., Левченко Н. В.,
Пахарь А. М., Писаревский В. Г.,
Подлесная М. А., Подъячев К. В.,
Рязанцев И. П., Халий И. А., 2017
© Институт социологии РАН, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Раздел I. Социокультурные паттерны на местном уровне	8
Глава 1. Традиции модернизации: социокультурные паттерны жизнедеятельности российских локальностей	8
Модернизация как попытка догнать Запад: методологические проблемы исследования.....	8
Социально-экономический контекст: глобальное и локальное.....	10
Иновация и традиция в жизнедеятельности сообществ: охранительная стратегия.....	12
Опасные инновации.....	13
Традиции развития.....	16
Свойства традиционалистских паттернов.....	19
Список литературы.....	22
Глава 2. Традиционные ценности российских профессионалов в эпоху модернизации	24
Технологическая система и ценности.....	24
Традиция модернизации в России.....	26
Список литературы.....	42
Раздел II. Традиции и инновации в образовании и сознании обучающихся	33
Глава 1. Соотношение традиций и инноваций в школе	33
Типы отношений к нововведениям в школе.....	33
Результаты образовательной деятельности.....	39
Список литературы.....	42
Глава 2. Ценностные ориентации и жизненные стратегии студентов светских и духовных вузов	43
Ценностные ориентации студентов.....	45
Жизненные стратегии студентов.....	53
Раздел III. Экологическое сознание россиян на пути к устойчивому развитию	60
Глава 1. Экологическое движение — авангард носителей экологического сознания	61
История экологического движения.....	61
Цели и достигнутые результаты экологического движения.....	62
Глава 2. Экологическая политика и управление в РФ: контекст экологизации сознания населения или агент влияния на этот процесс?	65

Причины особенностей экологической политики.....	65
Природоохранные структуры.....	66
Стратегические цели и направления деятельности природоохранных органов власти.....	68
Глава 3. Экологическое сознание населения России.....	70
Основные проблемы, беспокоящие россиян.....	70
Уровень обеспокоенности россиян экологическим состоянием в месте их проживания.....	73
Поведение россиян в быту как следствие экологизации сознания.....	76
Список литературы.....	82
Раздел IV. Православие в России: активность в условиях социальных перемен.....	84
Глава 1. Инновации в традиционной активности приходов РПЦ.....	84
Направления деятельности в православных приходах в России.....	84
Есть ли в России что-то похожее на «апостолат мирян»?.....	93
Волонтерская деятельность РПЦ, или государственно-церковное партнерство.....	96
Отношение в православной среде к программе строительства новых храмов (плюсы и минусы).....	97
Отношение в приходах к традиционным ценностям и защите прав верующих.....	99
Связь РПЦ с российской идентичностью, межконфессиональными отношениями, внутренней и внешней политикой.....	102
Приходы РПЦ за рубежом.....	102
Список литературы.....	104
Глава 2. Социальное взаимодействие в православных интернет-сообществах как новая форма общения православных в России.....	105
Цифровая социология — новая отрасль социологического знания.....	105
Православный сегмент социальной сети ВКонтакте и типологизация православных интернет-сообществ.....	111
Православные сообщества ВКонтакте: социальное взаимодействие в онлайн и офлайн.....	116
Список литературы.....	129
Раздел V. Патриотизм в современной России.....	133
Глава 1. Патриотизм как ценность: основания, типы, зависимость от инноваций.....	133
Патриотизм в исторической ретроспективе и его место в анализе российской реальности.....	135
Ценность патриотизма и причины ее размывания в современной России.....	136

Специфика любви к «малой родине».....	139
Список литературы.....	144
Глава 2. Патриотическое воспитание молодежи в регионах РФ.....	146
Теории гражданского общества.....	146
Дискурс патриотизма в современном российском обществе.....	147
Опыт регионов по работе с молодежью.....	149
Патриотическое воспитание: современное состояние.....	150
Список литературы.....	155
Раздел VI. Крым и Севастополь — регулярные трансформации или устойчивое постоянство?.....	156
Глава 1. Крым: сохраненные традиции и современный транзит.....	156
Крым — влияние традиций на процесс присоединения к России.....	156
Возможность успешной современной трансформации.....	160
Адаптационные процессы: проблемы и трудности их преодоления.....	163
Список литературы.....	166
Глава 2. Севастополь – защитник России и ее традиций.....	168
Общая историческая память и ценностное ядро массового сознания.....	168
Воссоединение с Россией и адаптация к иной социальной реальности.....	170
Специфика гражданского общества и раскол управленческой элиты.....	171
Переформатирование партийной системы.....	174
Местное самоуправление – механическое перенесение институтов.....	175
Реформа образования и идеологические противоречия.....	176
Адаптация предпринимательского сообщества.....	178
Список литературы.....	180
Раздел VII. Выборы-2016 в России: результаты инноваций в социально-политическом развитии.....	182
Протестное движение и попытка становления малых партий.....	182
Неудача либерального и других альтернативных дискурсов.....	184
Личность vs партия: специфика электоральной культуры.....	186
Политические партии как элементы обратной связи и институты социализации.....	190
Уровень явки и проблема позитивной повестки.....	192
Судьба многопартийности.....	193
Электоральная культура, ротация элит и политические риски.....	194
Список литературы.....	197
Заключение.....	198

Предисловие

Вот уже 30 лет российское общество пребывает в постоянной трансформации своих традиций под натиском социальных, политических, экономических, культурных и технологических инноваций. Именно этот процесс мы и вынесли в название монографии, обозначив его как асимметрию жизни.

Процесс этот не только длительный, но и сложный, так как традиции всегда сопротивляются проникновению в них инноваций, но в случае с Россией это сопротивление еще более жесткое, поскольку большинство новшеств привнесены извне и продвигаются определенной группой политического класса и творческой интеллигенции, и далеко не все из них способны укорениться в российской традиционалистской почве.

Отсюда основной вопрос, на который в монографии мы пытались найти ответ, заключается в следующем: какие инновации и каким образом могут занять свое место в жизнедеятельности общества, сохраняющего в целом свои традиционные устои?

Наш анализ основан на данных, собранных авторами в 2014—2017 гг. в 10 регионах России — Нижегородской, Самарской, Ивановской, Свердловской, Тамбовской, Курской, Псковской, Смоленской, Архангельской, Орловской областях методом глубинных интервью с основными акторами местных и иных сообществ (всего было проведено 371 интервью), а также 6 фокус-групп, включенного наблюдения и изучения конкретного случая.

В первом разделе монографии рассматривалось, каковы фундаментальные основания жизнедеятельности местных сообществ, под которыми понимаются конгломераты граждан, объединенные местом жительства. Традиции и инновации, поддерживающиеся на этом уровне, главным образом связаны с выбором и действиями таких локальных акторов как профессионалы (врачи, учителя, управленцы, сотрудники библиотек, музеев и других учреждений культуры), являющиеся лидерами общественного мнения в своих городах.

Эта тема развивается во втором разделе, в котором анализируется реальная деятельность педагогов по поддержанию традиций и применению инноваций в ходе образовательного процесса, а также их восприятие теми, кого обучают эти педагоги.

Пожалуй, наиболее бесконфликтное приятие инноваций происходит в экологической сфере. Каковы изменения в сознании граждан, в деятельности государства и структур гражданского общества рассматривается в третьем разделе.

Можно предположить, что наиболее консервативной частью общества является православная церковь и ее прихожане, но и здесь обнаруживаются инновационные преобразования. Инновации в традиционной активности приходов РПЦ, а также роли интернета в распространении ценностных установок православия посвящен четвертый радел.

В пятом разделе монографии анализируется вызывающее ныне масштабные дискуссии явление — патриотизм. Почему он присущ россиянам? Все ли россияне оказываются носителями этого чувства? Что заставляет их любить родину — государство или сами условия их жизни? Рассматриваются также и проблемы воспитания патриотизма — кто этим занимается, какими методами и с какими результатами?

Завершают монографию два раздела, в которых проводится анализ двух конкретных случаев.

Шестой раздел посвящен исследованию современной ситуации в Крыму и Севастополе, чье вхождение в состав России выявило фундаментальные традиции этих сообществ, с одной стороны, а с другой — оно же вызывает ряд инновационных преобразований.

В последнем, седьмом разделе анализируются политические изменения в связи с выборами 2016 г. Этот конкретный случай продемонстрировал, что, несмотря на согласие государства на политические инновации, граждане на это откликнулись весьма слабо – и на выборы не пошли, и за оппозиционные партии не проголосовали. Автором выявляются причины того и другого.

Материалы научной монографии выполнены группой авторов в составе: **О. В. Аксенова** (Предисловие, Заключение, раздел 1, раздел 3, глава 2, общая редакция), **Н. В. Левченко** (раздел 2, глава 1), **А. М. Пахарь** (раздел 1, глава 2), **И. А. Халий** (раздел 3, глава 1, раздел 5, глава 1), **Н. В. Левченко, И. А. Халий** (раздел 3, глава 3), **М.А. Подлесная, И.П. Рязанцев** (раздел 4, глава 1), **В. Г. Писаревский** (раздел 4, глава 2), **К. В. Подъячев** (раздел 5, глава 2; радел 6, глава 2; раздел 7).

Раздел I

Влияние традиций на восприятие инноваций российским обществом

Глава 1. Традиции модернизации: социокультурные паттерны жизнедеятельности российских локальностей

Модернизация как попытка догнать Запад: методологические проблемы исследования

Главной методологической проблемой анализа стала неоднозначность категории модернизации и, прежде всего, категории современности как гипотетического пункта назначения модернизационных трансформаций. Нынешняя попытка модернизации российского общества далеко не первая в истории. Общепризнанной точкой отсчета преобразований, направленных на формирование в России общества западного образца, являются реформы Петра I, однако некоторые трансформации осуществлялись и во времена его отца, Алексея Михайловича, и в эпоху Ивана Грозного. Примерно столько же лет и спорам об отечественной модернизации. Неутрачивающая научная и политическая дискуссия сама по себе свидетельствует об относительной успешности модернизационных преобразований в исторической ретроспективе, поскольку многие институты западного типа были созданы (пусть и с модификациями). С другой стороны, острота споров, отрицание российской модернизации говорит о том, что сам процесс и его результаты далеко не всегда соответствуют представлениям и ожиданиям политиков и ученых, а также образцам, с которых шло копирование. Особенности российской модернизации следует искать в традициях ее осуществления, которые не могли не возникнуть за трехсотлетнюю историю попыток догнать Запад.

В качестве критерия инновационности¹ тех или иных перемен используются характеристики модерна и постмодерна, с ними сверяются

¹ Под инновацией (инновационностью) в данной работе понимаются конкретные социокультурные изменения модернизационного характера. В соответствии с основной гипотезой исследования, предполагается, что модернизация может означать достижение состояния современности (глобального постмодерна), но может иметь и другие цель и содержание.

процессы, ценности и нормы, формирующиеся институты, структуры и паттерны деятельности. Чаще всего в роли таких ориентиров выступают свойства демократического общественного устройства и рыночной экономики: конкуренция, ценность личности и ее прав и свобод, внутренний локус контроля, развитое правовое государство и гражданское общество, плюрализм, свобода слова и прочие политические и экономические свободы и т. п. [Тихонова, 2012: 16–81]. По мнению Гофмана А. Б., именно этот набор представлений о том, что можно и должно считать современным, объединяет множественные концепции модернизации друг с другом и с бытовым сознанием [Гофман, 2012: 27–35]. Однако содержание перечисленных выше понятий менялось по мере перехода от свободного капитализма к регулируемому рынку, а затем к господству глобальных монополий. Замещение реальности симулякрами и конструктами в эпоху постмодерна делает интерпретацию современности в целом и ее признаков в частности еще более сложной и спорной. Трудно определить, например, что собой представляет конкуренция в мире доминирования глобального капитала, или чем является гражданское действие в условиях практически безграничных возможностей манипуляции общественным мнением и поведением отдельных субъектов.

По этой причине, в качестве основного инструмента анализа было выбрано понятие паттерна, в значении шаблона или образца. Это выбор обусловлен высокой степенью абстрактности данной категории, возможностью выделить и зафиксировать наиболее общие свойства различных составляющих жизнедеятельности сообщества (норм и ценностей, интересов, устойчивых практик, стратегий управления сообществами и конкретных действий различных субъектов и т. п.), не отделяя их друг от друга и не нарушая целостности исследуемого феномена.

Было решено не ограничивать анализ сопоставлением обнаруженных паттернов с жестко определенными признаками-маяками современности, но и не формулировать предварительно собственную трактовку модернизации, а выяснить, как понимают традицию, модернизацию и инновацию жители российской провинции, куда направлен вектор социокультурных изменений, каковы их последствия для местных сообществ. В этой связи главной гипотезой исследования стало существование иной модернизации, отличающейся от постоянных попыток приблизиться к западным образцам.

Постмодерн в последние десятилетия получил еще одно, глобальное, изменение и приобрел новые свойства, которые, с нашей точки зрения, нельзя не учитывать. Глобализация осуществляется посредством формирования сетей и потоков. Локальность² теряет значение и деградирует, если она оказывается вне потока или узла глобальной сети. Обратной стороной господства высоких технологий и соответствующих социокультурных паттернов в узлах и потоках, является архаизация сообществ, точнее — своего рода новое варварство, поскольку традиция в них тоже утрачена, а точнее, уничтожена модернизационными процессами³.

В этой связи становится актуальным вопрос, каким образом встраиваются в глобализацию исследуемые локальности, превращаются ли они в элементы ее потоков и модернизируются, или оказываются вне их течения.

Социально-экономический контекст: глобальное и локальное

Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в российских регионах к 2013 г., выглядит относительно благоприятной, в особенности по сравнению с той, которую мы наблюдали 1990-е гг. и в начале нового столетия. Чистые города и поселки, большое количество новых (хотя большей частью бюджетных) иномарок на улицах, новостройки и т. п. Большинство отвечавших говорили об относительном повышении уровня жизни по сравнению с началом столетия, а в некоторых городах — и о реальном благополучии жителей.

² Ряд близких друг к другу по значению понятий нуждается в уточнении. «Местное сообщество» в данном случае означает исторически сформировавшуюся и проживающую на ограниченной территории социальную общность, понятие локальности здесь служит чаще всего синонимом местного сообщества, хотя оно связано скорее с его географическими параметрами. «Регион» используется в значении единицы административного деления, а термин «провинция» - для обозначения социокультурных параметров регионального и локального социума.

³ В начале нового столетия целый ряд социологов из стран третьего мира и бывшего социалистического лагеря обращал внимание именно на эту разрушительную сторону глобализации, настаивая на приоритете сохранения локальной культуры: [Tsing, 2000: 327-360; Gille, O'Riain, 2002: 2715]. Однако в теоретических интерпретациях глобализации деградация локальностей рассматривается скорее как данность: [Кастель, 2000; Urry, 2000; Sassen, 2005: 27-43].

Действительно, по данным Роскомстата уровень безработицы снизился даже в дотационных регионах. В Ивановской области в 2012 г. он составил 6,3%, в Тамбовской — 4,9%, в Нижегородской — 5,4%. В 2000 г. этот показатель составлял соответственно 10,4%, 8,3%, 7,8% [Федеральная...].

Однако при ближайшем рассмотрении это благополучие имеет довольно зыбкую экономическую основу. Некоторое оживление в сфере промышленного производства после долгих лет стагнации наблюдается, в первую очередь, в крупных городах и в ряде случаев связано с расширением военного госзаказа. В самом Нижнем Новгороде помимо предприятий группы ГАЗ (бывшего Горьковского автозавода), производящих грузовики и автобусы, частично сохранилась и продолжает функционировать и высокотехнологическая промышленность, поскольку в советское время в городе военная радиоэлектроника была достаточно развитой отраслью. В то же время, один из центров военного производства Арзамас находится, по общему признанию, в упадке. Предприятия, которые могли бы стать, по мнению наших респондентов, центрами инновационного развития, закрываются, разрушается университет, готовивший когда-то высококвалифицированные кадры для военной промышленности.

Есть ряд малых городов, в которых действуют производственные предприятия, в большинстве своем сохранившиеся с советских времен, как, например, ткацкий комбинат в Шуе Ивановской области или трикотажная фабрика в Рассказове Тамбовской области. В Иваново ткацкое производство ликвидировано полностью, бывшие заводы превращены в гигантские оптовые склады китайских, турецких, индийских тканей.

Малый и средний бизнес есть практически повсеместно, несмотря на серьезные проблемы, отчасти обусловленные высокими налогами и отсутствием государственной поддержки, а также жесточайшей конкуренцией с крупным российским бизнесом и китайским демпингом. Дешевый импорт продуктов, по словам одного из наших респондентов, стал препятствием для развития фермерства, на которое когда-то возлагались большие надежды, особенно в российском Черноземье, что привело к исчезновению деревни как экономического и социокультурного феномена, ее превращение в дачный поселок в лучшем случае.

Таким образом, средний и малый бизнес, вопреки ожиданиям и надеждам, не стал основой собственного развития и модернизации, как замечает наш респондент: *«Мы-то рассчитываем на мелких товаропроизводителей, что они область вытянут, а им невыгодно работать»*. Как и в девяностые годы прошлого века, значительная его часть продолжает действовать в так называемой «серой» зоне, вне рамок, заданных формальными институтами и структурами. В то же время этот бизнес позволяет выжить и даже повысить уровень жизни самим предпринимателям и сохранить сообщество в целом.

И все же главный источник доходов жителей районов всех пяти регионов находится за их пределами. Многие обитатели небольших городов и поселков работают в региональных центрах, однако основной поток трудовой миграции направлен в самый крупный узел глобальных потоков. По словам респондентов, едва ли не в каждой семье есть мужчины, работающие вахтовым методом в Москве таксистами, строителями, а чаще охранниками в офисах. Именно эта форма занятости позволяет развиваться и местному бизнесу, так как зарплата вахтовиков создает и поддерживает спрос на региональном и местном рынках товаров и услуг.

Инновация и традиция в жизнедеятельности сообществ: охранительная стратегия

Представленный в данной статье анализ подтвердил одни из основных выводов наших предыдущих исследований: действующий субъект (актор), с его способностью самостоятельно принимать решения и менять окружающую его социальную реальность, традиционен для России [Аксенова, 2012: 121—144]. Актер может быть коллективным, но в основе его действий всегда лежит личностный активизм. Именно наличие или отсутствие действующих субъектов определяет состояние той или иной сферы жизнедеятельности сообщества, а перспективы ее развития наши респонденты во всех регионах определяли словами: *«Все зависит от человека»*. Результативность действий администрации также во многом зависит, по свидетельству респондентов, от личности руководителя: *«А потом у нас губернатор очень сильный, яркий, самобытный, так что во многом здесь и его личная инициатива — и прикрыть и поддержать. Он все подлинное и настоящее поддерживает, но это уходящее поколение»*.

Мы очень напряженно работаем». Эта особенность устройства российской жизни в целом и сферы управления в частности приводит к определенной неравномерности их развития. Так, в некоторых регионах, несмотря на дефицит ресурсов, развивается культура, в других — социальная сфера, образование, спорт, здравоохранение и социальная поддержка. Районная администрация может оказаться активнее и эффективнее городской и наоборот. В одном из районов большого региона удалось сохранить районные больницы и фельдшерско-акушерские пункты (далее ФАПы) и даже расширить функции некоторых из них, добившись разрешения и финансирования нескольких больничных коек. Это было сделано в период, когда федеральный центр по всей стране закрывал ФАПы, «оптимизируя» здравоохранение.

Кроме того, личностный характер деятельности, признают сами «активисты», делает ее успех в каждом отдельном случае уязвимым: *«В этой школе предыдущий директор такой коллектив себе сильный собрала, что до сих пор все хорошо. Но как-то не сработалась она тут, ее убрали».* Однако в целом число действующих субъектов до сих пор достаточно, для того чтобы сохранять и воспроизводить российские локальности как экономический и социокультурный феномен. Личность, таким образом, является одной из ключевых составляющих обнаруженных нами паттернов. В этой связи важно было выяснить, какую социальную реальность действующие субъекты пытаются формировать, какое место в ней занимает традиция и инновация.

Опасные инновации

В ходе исследования был обнаружен ряд паттернов деятельности, которые можно назвать инновационными, поскольку они соответствуют требованиям современной стадии модернизации, в ее западной версии.

Миграционный паттерн. Прежде всего, это мобильность населения: рабочая сила в глобальной экономике должна перемещаться туда, где она востребована в данный момент, а человек — искать наиболее комфортные для себя условия жизни. В нашем случае главными наиболее распространенными направлениями трудовой миграции являются крупные региональные центры и Москва.

Интервью показывают, что миграционный паттерн поведения в российской провинции сформировался, и он не сводится к действиям, в основе которых лежит недостаток рабочих мест и поиск более высокой зарплаты. Данная модель поведения у молодых людей включает в себя установку на большие возможности для проведения досуга, который предоставляет им столичный город, и на сравнительно легкий труд.

Наши респонденты констатируют это явление как факт, как единственно возможный способ разрешения проблем в сложившейся ситуации, но оценивают его негативно. Причем особо отрицательную реакцию вызывает вахтовая миграция. Отъезд на постоянную работу в ряде городов не так уж велик, а вахта охватила едва ли не все семьи. Вахтовый труд в большинстве случаев оказывается легким, не требующим больших усилий, и в то же время он гораздо выше оплачивается, чем работа в маленьком городе или в селе: *«Люди отвыкли трудиться, легче доехать до Москвы и заработать денег больше, постояв на проходной»*.

Паттерны успеха и комфорта. Работник в условиях современной модернизации должен быть ориентирован на успех (в значении карьерного роста), на более высокий уровень потребления, на комфорт. Установка на успех и достижительность вытесняет традиционные ценности труда, ориентацию на поиск «своего дела». Содержание труда становится вторичным или вовсе теряет значение, важным является лишь возможности карьерного и экономического роста. Ценности потребления и комфорта также являются вполне инновационными, формируются пропагандой в СМИ, поддерживаются развитием торговли, строительством невероятного количества торговых центров практически повсеместно, распространением во всех исследуемых регионах глобальных торговых сетей (АШАН, ОБИ, ИКЕА и т. п.).

Ориентация на комфорт, по мнению наших респондентов, особо разрушительна: *«Та же тема и в культуре — главное не напрягаться, развлекаться и развлекать. В этом инновация. Комфорт — смысл и цель. То, чего никогда не было в деревне. В деревне всегда труд, напряжение и отсюда рассуждения, духовный поиск. А эта инновация — она опасна, разрушительна, она глобальна и распространяется на все»*. В результате высокотехнологические сельскохозяйственные предприятия не могут набрать работников внутри региона, так как

работа в Москве не только выше оплачивается, но и требует меньших затрат труда, и привозят работников из других мест.

Технологические паттерны в образовании. Одним из требований модернизации является соблюдение технологической дисциплины. Необходим устойчивый навык выполнения правил и исполнения инструкций без раздумий об их смысле и назначении. Подобного паттерна в России социологические исследования не выявили. Так, Н. Е. Тихонова показывает, что даже значительная часть представителей силовых структур готовы исполнять приказ лишь в случае собственного согласия с ним [Тихонова, 2011: 23]. Традиционная система образования ориентирована на воспроизводство человека думающего, нуждающегося в объяснении необходимости тех или иных действий. Технологические паттерны требуют их запоминания, выучивания. Именно на их формирование ориентирована тестовая система проверки знаний и подготовка к ней. Эта инновация жестко навязывается федеральным центром, настолько жестко, что учителя и директора школы избегают рассуждений на тему ЕГЭ, или отмечают, что он имеет также и достоинства, среди которых называют внешнюю оценку деятельности школы, которая необходима для развития учебного процесса, расширившиеся возможности выпускникам поступать в самые престижные университеты страны. В то же время студенты очень четко формулируют свое отношение к ЕГЭ: *«Плохо то, что нам не дают знания, а натаскивают на сдачу тестов»*. Такая позиция, скорее всего, результат обсуждения в семье и в школе и отражает реальное мнение взрослых.

Компьютеризация учебного процесса и введение электронных дневников — еще одна инновация, осуществляемая федеральным центром. Одним из ее результатов является вытеснение учителей старшего поколения, которых практически все оценивают как наиболее квалифицированных. Они же являются носителями традиционных паттернов образования. Большинство из них не в состоянии сдать экзамен по компьютерной грамотности, который стал условием продолжения работы.

Паттерны мобильности и комфорта, технологичность мышления и действий, вытеснение носителей традиционных ценностей из образовательного процесса могут считаться инновационными, так как соответствуют требованиям глобальной модернизационной

тенденции. Практически все они привнесены в российские регионы и локальности извне. В целом они клонируют модель устройства глобального мира с его сетями, потоками, и территориями, которым не повезло в них попасть.

Традиции развития

Паттерн «где родился, там и пригодился». Значительная часть населения российских локальностей ориентирована на жизнь и, по возможности, работу в своих городах: *«Почему я должен уезжать? Я родился и вырос в Ворсме, здесь детство прошло, здесь у меня все»; «Лучше всего жить в Шуе. Город маленький, спокойный, все друг друга знают. Если бы при этом иметь московскую зарплату, то здесь был бы просто рай».* Согласно расхожему мнению, сконструированному СМИ, эти люди пассивны, склонны к алкоголизму и прочим формам девиантного поведения. Однако наши исследования показали, что это не так. Большая часть тех, кто предпочитает жить на малой родине, достаточно активны, много работают, некоторые имеют собственный бизнес, поскольку иначе нельзя содержать семью.

Паттерн воспитания всесторонне развитой личности. Данная модель на самом деле включает в себя деятельность родителей, школ, и ряда других социокультурных субъектов. Практические все местные жители вне зависимости от рода занятий ориентированы на воспитание и обучение детей. Этот паттерн не изменился с советских времен. Образование детей остается важнейшей ценностью для родителей, они работают и занимаются бизнесом для того, чтобы ребенок учился. Более того, дети должны получать всестороннее образование, а потому посещают музыкальные и художественные школы. Обучение в них, едва ли не обязательное для большого числа семей, также является традиционным, сформировавшимся в советское время и практически не изменившимся. По мнению представителя администрации одного из исследуемых регионов, наличие школы искусств в селе повышает привлекательность жизни в деревне и позволяет привлечь молодых специалистов. Ориентация родителей формирует и определенный шаблон деятельности власти, вынужденной создавать и поддерживать инфраструктуру для всестороннего образования подрастающего поколения. Она взаимосвязана с целым рядом местных моделей

действий, направленных одновременно на развитие детей и развитие сообщества в целом.

Паттерны развития сообщества. Активность действующего субъекта в координатах традиции и инновации может иметь разную направленность. Однако наше исследование показало, что деятельность большинства региональных и местных акторов ориентирована на сохранение и развитие местного сообщества, а традиционно ориентированная часть жителей является социальной базой этого сохранения. Они считают опасными инновации, которые разрушают сообщество (городское и сельское), его ценности, личность человека, какой она формировалась в российской культуре. В то же время необходимой составляющей этого традиционалистского паттерна деятельности является установка на развитие и прогресс. Директор одной из школ выразила общую позицию: *«Я не знаю, может быть не стоит это записывать. Вечно в процессе развития быть нельзя. Школа должна быть в первую очередь сильна своей традицией, своей основой. Что-то можно добавлять, что-то модернизировать, но основа должна сохраняться. Если будет стабильность, то будет и развитие»*. Модернизация должна развивать сложившуюся, существующую социальную целостность. Ее никто не собирается радикально менять и, возможно, по этой причине модернизацию чаще воспринимают как технический прогресс и экономический рост, а не социокультурные трансформации.

Несмотря на сильное давление из центра, в провинции есть школы, которые сохраняют традиционные подходы к образованию и соответствующие паттерны действий. Школа до сих пор считает воспитание одной из своих главных задач: *«Воспитание у нас сохраняется. Школа это не только уроки, школа будет организмом, если во вторую половину дня она тоже будет открыта для детей»*. Учителя по-прежнему работают с неблагополучными семьями, рассматривая каждую из них как свою проблему, инновационным в этом случае является лишь наличие школьного психолога.

Инновации воспринимаются, если они не противоречат традиционному пониманию развития. Так, складываются новые формы самоорганизации местных сообществ, к примеру, в поселках одного из районов действуют «родительские патрули», главной целью которых является предотвращение наркомании и алкоголизма, втягивания детей

и подростков в криминальную деятельность. В некоторых районах создаются новые формы детского летнего отдыха, например, детские лагеря при домоуправлениях и жилищных кооперативах.

Паттерны сохранения культуры и истории. В районах несмотря на депрессию девяностых и хронический недостаток ресурсов в наши дни удалось сохранить библиотеки, музеи, музыкальные и художественные школы, дома культуры. Руководитель департамента культуры одного из районных центров в начале 1990-х гг. смогла убедить главу администрации начать ремонт библиотеки: *«В то время позарез была нужна центральная библиотека. Она находилась в центре города, в двухэтажном особнячке. Требовалось новое помещение, площади были маленькие, перегруз был. Построили. Десять лет у нас эта библиотека лучшая в области, оснащена с иголочки».*

Попытки перестроить традиционную социокультурную основу сообществ вызывают ответные действия, направленные на ее сохранение. Болезненно воспринимаются изменения в оценке Великой отечественной войны, появившиеся в СМИ и в художественных произведениях. В некоторых районах созданы объединения «детей войны», их участники заняли место ветеранов, которым активная деятельность уже не по силам, их главная задача — рассказать о войне школьникам, противодействовать навязываемым извне трактовкам исторических событий.

Музеи занимают особое место в жизни российской провинции. Районные музеи сохраняют уникальную историю и культуру локальности, ее идентичность, а в некоторых случаях играют роль культурных центров, в которых проводятся выставки, концерты и другие мероприятия.

Музеи наглядно демонстрируют специфику отношения к истории в провинции. В отличие от постоянного пересмотра, перестановки плюсов и минусов, попыток вычеркнуть из истории то одну, то другую эпоху на федеральном уровне, в регионах к собственной истории относятся бережно и сохраняют ее целиком. Ко всем ее действующим лицам и к историческим периодам относятся с уважением.

Главными центрами, вовлекающими население в активность в культурной сфере, в районных центрах и поселках остаются дома культуры. Среди их руководителей и сотрудников большое число

активистов, которые ищут новые формы взаимодействия с местными жителями, но, как и во многих других случаях, они активно сопротивляются инновациям, которые считают разрушительными. Одной из них была идея Министерства культуры организовать дома культуры и библиотеки по немецкой модели, так как в Германии они существуют исключительно за счет самоорганизации граждан, которые приходят и занимаются тем, чем хотят. Попытка провалилась — убрать профессионалов, которые ведут занятия в кружках, секциях и театральных студиях не удалось. Профессиональный библиотекарь и профессиональный работник культуры не просто выполняют функцию: они организуют культурную жизнь сообщества, причем на достаточно высоком уровне, и поддерживают его в местном сообществе.

Таким образом, развитие и сохранение в паттернах действий местных акторов взаимосвязаны и взаимообусловлены, включают в себя консервативные и развивающие элементы одновременно. Само по себе устройство местной жизни, в котором перечисленные структуры являются субъектами его сохранения и развития, оказываются шаблоном, выявленным во всех без исключения исследуемых регионах.

Свойства традиционалистских паттернов

Акторы в российских локальностях разнообразны, действуют в самых разных сферах и отраслях жизни социума: в гражданском обществе, в экономике, в управлении, в профессиональной деятельности. Актором может быть чиновник, депутат, библиотекарь, учитель и т. п. Одинаковых моделей их деятельности также не обнаружено, но можно выделить ряд общих черт. Для каждого из них приоритетно содержание деятельности, ее цель и смысл, которые для некоторых становятся смыслом жизни. Ее форма, структура, в которой она осуществляется, институты в значении норм и правил вторичны. Они имеют значение лишь постольку, поскольку через них приходится достигать цели. Иногда они становятся ресурсом, иногда препятствием, которое надо обойти, главное решить задачу, утверждает наш респондент — региональный чиновник высокого ранга: *«Вот я приеду в Москву, у них там так: есть деньги — решим, нет — не будем решать, если можно не делать, лучше не делать, если деваться некуда — сделаем. У нас на всех планерках тема такая: есть деньги,*

нет денег, надо делать, задача должна быть решена любой ценой». Не имеет значения, где и как ты реализуешь задуманное: так, директор военного завода на пенсии становится лидером протестной экологической организации, затем руководителем административной структуры, которая занимается той же экологической проблемой. Предшествующие исследования показали, что такая смена позиций (в некоторых случаях, работа одновременно в гражданском обществе и в государственных структурах) характерна для многих активистов российского экологического движения.

Не менее важной чертой локальных паттернов является автономность деятельности субъектов по отношению к государству. Несмотря на то, что даже сами респонденты готовы рассказать о патернализме (который они, правда, приписывают кому-нибудь другому, но не себе), выявить его практически не удалось. Местные жители рассчитывают только на собственные силы. *«Я к власти близко не подойду и никогда ничего не попрошу»* — достаточно типичный ответ респондентов среднего возраста на вопрос, что бы вы хотели от власти. Население обращается к государству лишь в самых крайних случаях. Но и те, кого можно назвать властью, довольно автономны по отношению к власти вышестоящей. Акторами из районных и региональных администраций федеральный центр рассматривается как источник ресурсов. Он отчасти враждебен, потому что именно оттуда идут попытки внедрить опасные, разрушительные инновации, о чем прямо говорили наши респонденты: *«Вот эта модернизация — образование гибнет, хотя деньги немалые вкладываются. И все злые как черти, потому что с людьми никто не хотел говорить... У нас иной раз лучше не сделать, как велют, может, как-то разрешится со временем».*

Российский актер способен работать автономно при дефиците системной поддержки или в том, случае, если он не согласен с политикой управляющего центра. Наиболее емко данная позиция сформулирована представителем администрации одного из районов: *«Мы смотрим ваш телевизор для того, чтобы знать, что еще задумали, и быть готовыми к этому. Мы внедрим инновации так, что сохраним все свое, и никто об этом не догадается».*

Еще одним аспектом модели действия локальных акторов в настоящее время является индифферентное отношение к политике.

Более того, сами политические партии (представители которых были в числе респондентов) активны лишь перед выборами, за исключением ЛДПР. Однако активизм последней в районах носит не политический, а социальный характер, направлен на оказание конкретной помощи населению. В некоторых случаях партии рассматриваются как такой же ресурс, как и федеральный центр: *«Мы используем поддержку любой партии, но голосуем за Единую Россию, поскольку только от нее сегодня можно получить реальную, в том числе финансовую, помощь»*. На голоса избирателей обменивается решение насущных для сообщества задач, именно таким образом удалось сохранить ФАПы (там, где это удалось) и даже придать некоторым из них функции стационаров.

Среди акторов, действующих в городском и районном управлении, люди разных возрастных групп, включая тех, кто руководил районом еще в СССР, имеет опыт партийной и советской работы. Их уважают, их считают своего рода ресурсом сообщества, суеверно добавляют «долгих лет жизни» к произнесенному имени. Они способны решать проблемы авторитетом, а не властью, которая сейчас на местном уровне ограничена, так как ряд структур имеют федеральное подчинение: *«Бывает, не хватает нашего калибра, идешь к главе управления, у него калибра хватает. Спрашивается, какое влияние он может оказать на Почту России, она федерального подчинения, так же как филиал Сбербанка, коммерческие банки тоже нам не подчиняются. Если бы наш глава не был умудреннейшим и авторитетнейшим человеком в области, то проблемы бы мы не решили»*. Эти люди в большинстве случаев не являются коммунистами, чаще всего членами Единой России. Но в любом случае именно они воспроизводят традиционную для СССР социокультурную реальность, в которую при этом включены и ранее чуждые ей элементы, например, бизнес и церковь. Степень осознанности этой позиции не имеет значения, равно как не имеют значения и политические ориентации действующих субъектов.

Список литературы

Аксенова О. В. Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 121–144.

URL: [http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=194&jid=181&jj=\(17.10.2013\)](http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=194&jid=181&jj=(17.10.2013)).

Андреев А. Л. Российский социум как «другая Европа» // Общественные науки и современность. 2013. № 3 С. 70–79.

Гофман А. Б. Пятнадцать тезисов в защиту модернизации // Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник / Отв.ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 27–35.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 606 с.

Климова Г. П., Щербакова И. В. «Челночество» и государство: этапы эволюции отношений // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 389–405.

Кузьминов Я. И, Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. К 6-й Международной научной конференции «Модернизация экономики и выращивание институтов», Москва, 5–7 апреля 2005 г. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. 54 с.

Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии РАН. № 3. 2011. С. 10–27.

URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Tihonova.pdf [Дата посещения:17.10.2016].

Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспектива // Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник / отв.ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 62–81.

Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика, рынок труда и занятости, трудовые ресурсы. URL: <http://>

www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# [Дата посещения:17.10.2016].

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 123–136.

Ellul J. The technological System. New York: Cotinuum, 1980. 360 p.

Gille Z., O’Riain S. Global Ethnography // Annual Review of Sociology. 2002. № 28. P. 271–295.

Sassen S. The global city: introducing a concept // Brown journal of world affairs. 2005. № 11 (2). P. 27–43.

Tsing A. The Global Situation // Cultural Anthropology. 2000. № 15 (3). P. 327–360.

Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty First Century. N.Y.: Routledge, 2000. 255 p.

Глава 2. Традиционные ценности российских профессионалов в эпоху модернизации

Институциональные и ценностные перемены в российском обществе находятся в центре социологического дискурса, связанного с проблемами модернизации. Важной, с нашей точки зрения, особенностью исследований этих трансформаций является их нормативность, неизбежная по причине заранее заданной цели, которой является состояние современности, достигнутое в развитых западных странах (модерн или пост-модерн в зависимости от эпохи). Ценности становятся одним из главных препятствий на пути общества к достижению данной цели, так как в отличие от институтов они меняются трудно и медленно [Catton, Daplor 1978]. Институциональные изменения нередко вызывают отторжение на ценностном уровне, в том числе у профессионалов и управленцев, которые должны их осуществлять. Это неприятие перемен, с нашей точки зрения, нельзя свести к противостоянию возникающего нового и отживающего старого. В этой связи необходимо разобраться в том, что представляет собой традиция, какие инновации ею принимаются и какие отвергаются, по каким причинам это происходит, наконец, что именно следует изменить: ценности, реформы или саму цель реформ.

В данном разделе представлены результаты анализа, направленного на выявление ценностей и основанных на них установок российских профессионалов (инженеров и врачей), которые делают неприемлемыми или, наоборот, желательными инновации, внедряемые в ходе современной модернизации⁴.

Технологическая система и ценности

Прежде чем перейти к рассмотрению ценностей российских профессионалов, нужно уточнить ряд категорий. Прежде всего, сама цель

⁴ Анализ выполнен на основании данных, полученных в ходе исследования роли профессионала-актера в функционировании системы управления, которое было осуществлено автором в 2009–2016 гг. Основными методами сбора данных были глубинные интервью (103 интервью), анализ воспоминаний, опубликованных (в том числе в интернет) и хранящихся в домашних архивах, письмах, публикации в СМИ, связанные так или иначе с деятельностью советских и российских профессионалов, с проявлением их профессионального и гражданского активизма (70 источников). Был проведен также вторичный анализ отечественных исторических исследований российских реформ XVIII–XX вв.

трансформаций, современность, здесь не связана с привычным социально-политическим набором свойств (выборная власть, гражданское общество, права человека и т. п.). Постмодерн в профессионально-управленческой сфере представлен гибкой технологической системой, глубоким разделением труда и высокой специализаций. Человеческие взаимоотношения в этой системе формализованы и функционализированы, субъектность человека если не исчезла полностью, то существенно лимитирована, поскольку необходимость строго следования технологическому алгоритму не оставляет человеку свободы профессионального действия [Latour 2005]. Ценностное регулирование этого действия сомнительно, несмотря на наличие раздела «корпоративные ценности» на сайтах транснациональных компаний. Главными регуляторами в указанной сфере скорее являются нормы.

Следует отметить, что четко определенной границы между ценностью и нормой нет. Часто эти понятия используются практически как синонимы. Общепринятым определением ценностей является предложенная Н. Смелзером и А. Гидденсом их трактовка как идеальных целей и принципов, способов их достижения или реализации, детерминированных культурой или являющихся ее элементами [Смелзер 1994; Гидденс 2005]⁵. В свою очередь нормы — это правила, предписывающие или запрещающие определенный тип поведения, их действие обеспечивается различного рода санкциями [Смелзер 1994: 50]. Э. Гидденс полагает, что ценность есть абстрактный идеал, а норма определяет конкретно, что можно, а что нельзя [Гидденс 2005: 34].

Специфика системы, в которой действуют профессионалы, диктует иное разграничение ценности и нормы. В рамках представленного здесь анализа норма определяется как внешний ограничитель действий профессионала, как инструкция, правило, алгоритм, приказ и т. п. Ее интериоризация сводится к выучиванию наизусть. Ценность рассматривается в соответствии с указанным выше определением как идеальная цель или жизненный принцип, как регулятор

⁵ «Ценности – это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов...» [Смелзер 1994: 50]; «Фундаментальными для любой культуры являются представления о том, что должно считаться важным, стоящим и желательным. Эти абстрактные идеи, или ценности помогают человеку направлять свою жизнь в нужное русло и придавать ей смысл» [Гидденс 2005: 34].

внутренний в том смысле, что он требует понимания и эмоционального переживания. Высокоразвитая технологическая система строится на внешних ограничителях. Они, в отличие от ценностей, поддаются исчислению, предсказуемы, а потому надежны. Ценности в ней предельно редуцированы: жизненным принципом здесь может быть лишь безоговорочное выполнение алгоритма, не подразумевающее его осмысление или понимание.

Традиция модернизации в России

Наши исследования показали, что одной из главных особенностей российского модерна является сохранение субъектности профессионала на всех этапах его становления, начиная от реформ Петра I. Российский и советский профессионал должен был обладать фундаментальными научными знаниями, умением самостоятельно мыслить и принимать решения. При всей значимости норм, ценности играли ведущую роль в регулировании его деятельности. Главными из них являются следующие: ценность своего дела и установка на достижение мастерства в нем, свобода профессионального действия и ответственность за его выполнение, прогресс, понимаемый как развитие науки, техники и всестороннее развитие самого человека [Аксенова 2016].

Кроме того, профессиональные ценности неотделимы от гражданских. Наши респонденты в число профессиональных принципов своей деятельности включают порядочность, совесть, справедливость, активную жизненную позицию и ряд других.

Ценности российских профессионалов формировались в течение трехсот лет российской модернизации, а потому их можно считать традиционными. Практически все великие реформы в России начались с попыток клонировать западную индустриальную систему. Последняя была предпринята в период советской индустриализации. Институциональные трансформации были ориентированы на подготовку узкого специалиста, выполняющего строго определенную функцию. Однако уже в конце 1930-х гг. традиционный подход к профессиональной деятельности был реставрирован [Тимошенко 1997]. Индустриализация, проводившаяся в экстремально сжатые сроки, требовала профессионала-универсала способного действовать автономно, при необходимости отступать от инструкции, но так, чтобы

это не привело к катастрофе. Для этого ему нужны были достаточно глубокие научные знания.

Современная ситуация во многом близка к той, что имела место почти сто лет назад. Модернизация в очередной раз носит догоняющий характер. Так же, как и в начале 1930-х гг., предпринимается попытка создать в России технологическую систему западного типа, с ее приоритетом внешних нормативных регуляторов, с формализованной парадигмой управления. Главным источником такого рода трансформаций в профессионально-управленческой сфере снова является управляющий центр.

Отношение профессионалов к осуществляемым им реформам нельзя охарактеризовать как однозначно положительное или отрицательные. Есть целый ряд инноваций, которые они отвергают категорически, но есть и те, которые они принимают.

Прежде всего, все без исключения наши респонденты отрицательно относятся к реформированию образования. Неприемлемым является переход к очень узкой специализации, к тестовой проверке знаний, а также коммерциализация университетской подготовки. Например, наш респондент, инженер, на практике знакомый с работой коллег в Австрии, Германии, Чехии, уверен, что для России копирование их модели опасно, и свою позицию аргументирует. Его сопоставление западной и советской инженерной школы мы при]расположенность к техническим наукам, будет специалистом технической направленности. Ближе к высшей школе корректируют, сужают специализацию и учат дальше. Прежде чем поступать в университет, необходимо найти рабочее место, заключается контракт между университетом, студентом и будущим работодателем. В университете они получают очень конкретные компетенции, заканчивают университет в 25 лет, идут на конкретное рабочее место. Специалист в результате настолько узок, что переместить его на другую специальность невозможно. Если не нашел себя, не вписался, то это катастрофа для всех. Если может уйти к конкуренту, должен заплатить своей компании. У советской инженерной школы широкие знания позволяют понять любой процесс, адаптироваться к любой системе. Для обороноспособности страны — это очень хорошо. Потери во время войны компенсировались, приходили специалисты, которые осваивались на новой работе после короткого промежутка времени. У нас сложился отдельный

уклад, не надо перенимать модели Западной Европы. Молодые специалисты уже немного другие, у них другая реализация жизненной программы, а жизненная программа задается семьей и системой образования. Приходит специалист по-европейски узкоспециализированный, узкозаточенный, его приходится переобучать. Нет нужды в такой предельно узкой ориентации, в 90% все равно надо адаптироваться к предприятию. К тому же у них система образования платная. Россия страна бедная, у нас почти нет среднего класса, а молодежь — наше будущее. Платность закрывает образование способным детям из множества семей, которые не могут заплатить за учебу. У советской системы образования была человечность, ориентированность на социум. Не было цели производить услуги. Цель была дать образование детям из как можно более широких слоев населения. На Западе нет ориентированности на социум. Сейчас заказчики системы образования — корпорации, часто глобальные. В каждой стране они оставляют заявки, сколько и какого образования им надо, а все остальные по остаточному методу. Бюджетных мест с каждым годом все меньше, они сокращаются. Все это подрыв обороноспособности страны».

Тестовая система проверки знаний ведет к катастрофе, по мнению профессионалов старших поколений, а это обширная возрастная группа 35–80 лет), с ними согласны и респонденты из числа молодых инженеров и врачей (25–30 лет), некоторые студенты (20 лет). Например, студент-медик характеризует обучение в своем вузе следующим образом: «Как учились мои родители, и как учимся мы — это небо и земля. Мы в яме. Их учили думать, а нас — вызубрить и ответить». Такую же оценку дает инженер среднего возраста: «Сейчас выпускники технических вузов не понимают истинных, глубинных процессов. Когда я на пальцах им начинаю рассказывать, они удивляются, что это можно так объяснить. Я говорю, что можно представить собственное тело как конструкцию, тогда многое станет понятно». С ним солидарен его восьмидесятилетний коллега: «Молодежь чудесная, прекрасно разбирается в программах, я и сам их все освоил, но программы очень плохо работают в узлах конструкции, а ребята не понимают физических процессов, которые в них происходят, и это опасно».

Практически все респонденты-медики говорили о важности клинического мышления, определяя его так же, как известный

невропатолог Л. Г. Лихтерман: «Клиническое мышление — это реализация высшей формы отражательной деятельности мозга, человеческого познания, мыслительных операций (анализ и синтез, сравнение и различение, суждения и умозаключения, абстракции, обобщения и др.) применительно к задачам медицинской диагностики, прогностики и тактики лечения. Исходя из этого общего определения полагаю, что клиническое мышление врача есть способность охватить, проанализировать и синтезировать все данные о больном, полученные различными путями, при одновременном сравнении с ранее встречавшимися наблюдениями, книжными знаниями и интуицией (опытом) для установления индивидуального диагноза, прогноза и тактики лечения» [Лихтерман 2000]. На языке бытового, клиническое мышление есть умение думать, опираясь на знания фундаментальных законов природы, используя интуицию.

По мнению врачей, реформа образования не позволяет данному типу мышления сформироваться: *«У врача должно быть клиническое мышление. Люди, которые выросли на тестах, не умеют разговаривать с пациентом и не умеют думать. В клинической задаче нет вариантов ответа, более того, в медицине вполне возможно, что дважды два не четыре, а десять. Медицина — она, конечно, доказательная, но организмы разные бывают»* (из интервью с заведующей отделением).

Неприятие вызывает и формализация труда, а также разрушение целостности его предмета. С этими процессами тесно связано и вымывание гражданских ценностей, на необходимости которых настаивают наши респонденты. Особо наглядно традиционные ценностные ориентации российских профессионалов проявляются в реакции участковых терапевтов на реформу городских поликлиник в Москве: *«У нас убрали вызовы. Я работаю в поликлинике 17 лет, для меня это страшно. Я знаю своих бабуль-хроников много лет. Сейчас к бабушке приходит дежурный доктор, который ее видит первый раз. Ему надо за пятнадцать минут про нее все понять. Потом придет совсем другой врач. Потом ко мне придут ее родственники: «Бога ради, назначьте что-нибудь!». Я не имею право назначать заочно. Значит, либо ты бежишь в свободное время, либо должен сказать им, чтобы выкручивались сами. Поэтому, несмотря на то, что участковый врач сохраняется, я считаю,*

что больные брошены. Дело не в том, что на вызовы плохие врачи могут ездить, просто вникнуть во все им не реально»; «Нужно вернуть прежний прием и вызовы. Я своих бабушек не вижу. Имею право четырех больных раз в месяц посетить (патронаж), должна выбрать кого, этого совершенно недостаточно» (из интервью с участковыми терапевтами).

Участковый терапевт был центральным звеном советской системы здравоохранения, созданной Н.А. Семашко на основе опыта земской медицины. Установка на ответственность за своих больных сохранилась в полной мере до настоящего времени. Опрошенные нами терапевты говорили о профессиональной совести, которая заставляет работать в свободное время, об ответственности за больных на своем участке. Ответственность не делает жизнь комфортной, в то же время врачи испытывают дискомфорт от ее нормативной, институциональной отмены.

В то же время есть составляющие реформы, которые одобряются врачами. Прежде всего, это упорядочение приема и облегчение записи пациентов на прием. Сейчас в Москве это можно сделать через интернет, пользуясь смартфоном. Устраивает врачей и ограниченное количество пациентов. При этом они негативно относятся к восьмичасовому рабочему дню, так как, по их словам, внимание доктор может концентрировать в течении максимум шести часов.

Есть еще один элемент реформы, который может быть принята, но при определенных условиях. Московские терапевты уже обязаны лечить пациентов самостоятельно, направлять их к узким специалистам лишь в случае, если в течении определенного срока не смогли справиться с болезнью. Кабинет врача общей практики, пока еще не созданный, предполагает и наличие необходимого оборудования, включая офтальмологическое. Идея менее специализированного подхода к лечению больного соответствует традиционным установкам: *«Я не люблю передавать своих пациентов узким специалистам. Я многое готова лечить сама, поэтому я не против быть врачом общей практики. Это здорово: сам думаешь и сам принимаешь решение»* (из интервью с терапевтом). Условие, при котором данная инновация может быть привлекательна и оценивается как перспективная для России — наличие клинического мышления. Доктор должен уметь думать.

В то же время, стандарт оценивается положительно, если он определяет, например, ряд общих обязательных действий, которые нельзя нарушить. Выпускник медицинского вуза эту последовательность обязан знать наизусть. Этот алгоритм служит своего рода «защитой от дурака», и уж точно защитой от рисков, которые рождены неопытностью молодого врача. Одновременно, заданная и заученная последовательность не должна распространяться на весь мыслительный процесс. Примерно также оценивают необходимость стандарта и врачи скорой помощи. Они полагают, что стандарты деятельности, во-первых, нужны контролирующим организациям, во-вторых, минимизируют ущерб от действий человека, неспособного к профессиональной рефлексии: «Любые стандартизованные рекомендации не возбраняют использование мысли, но коль мыслить не желаешь, так хоть веди больного по стандартам»⁶.

Технические инновации необходимы. В цитируемой выше статье Л. Б. Лихтермана их приемлемость обосновывается следующим образом: «Инструментальные находки расширяют количество признаков, используемых для распознавания патологии и чрезвычайно облегчают задачу, однако никак не могут сузить или подменить клиническое мышление. Врач всегда предпочтет безопасный и кратчайший (прежде всего в интересах больного) путь к диагнозу, а он, конечно, лежит через методы неинвазивного экспресс-видения патологии. Значит ли это, что техницизм угрожает клиническому мышлению? Нет, если не подменяет, а обогащает его «картинками». Проблема сводится не к замене клинического мышления инструментальными находками, а к освобождению клинического мышления для оперирования этими же находками в интересах диагноза и, в конечном счете, больного» [Лихтерман 2000].

Точно также видят роль технических инструментов, программ или нормативных инноваций практически все опрошенные нами профессионалы. Подобные инновации нужны, но они не должны заменять собой мыслительный процесс, не должны вытеснять ответственность и совесть.

⁶ Feldsher.ru, неформальный сайт врачей скорой помощи. URL: <http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03/> [Дата посещения: 15.05.2016].

Список литературы

Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: Институт социологии РАН, 2016. 304 с.

Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.

Лихтерман Л. Б. Что такое клиническое мышление. Размышления опытного врача // Медицинская газета. 2000. № 41.

Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.

Тимошенко С. П. Инженерное образование в России. Люберцы: Производственно-издательский комбинат ВИНТИ, 1997. 82 с.

Catton W. R., Danlop R. E. Environmental sociology and new paradigms // The American Sociologist. 1978. № 13, P. 41–49.

Latour B. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.

Раздел II

Традиции и инновации в образовании и сознании обучающихся

Глава 1. Соотношение традиций и инноваций в школе

В последнее время система школьного российского образования трансформируется под воздействием внедрения нововведений, в результате чего изменяется сама суть самого процесса обучения. Единственное, что вселяет оптимизм, это то, что нововведения пока еще не затрагивают сами программы учебных дисциплин. Так, при проведении фокус-группы в Республике Крым было выявлено, что при Украине историю преподавали с некоторым другим содержанием. По словам респондентов:

«У нас были учебники за 5–7 классы по истории Украины, где было написано, что Украина была под и́нетом России»;

«Я учился в профильном историческом классе и в учебниках было написано, что Россия — это враг. Спасибо учителям, которые объясняли, что это все неправда»;

«Не было написано, что мы один народ».

Остается надеяться, что геополитика не будет играть столь существенную роль в системе российского школьного образования. Однако модернизация школьного образования также предполагает существенное преобразование его системы.

Наше исследование показывает, каким образом формальная трансформация образования внедряется в учебный процесс непосредственно в районных школах регионов РФ, т.е. насколько транслируемые сверху инновации «уживаются» с еще сохранившимися на местах традициями, ведь, как правило, «при планировании деятельности учебных заведений и созидании новых программ происходит столкновения консервативных и прогрессивных тенденций» [Ключарев 2013: 239].

Типы отношений к нововведениям в школе

Можно выделить три типа отношений к различным нововведениям в системе образования граждан России. Во-первых, нововведения вынуждены быть поддержанными в силу определенных сложившихся социокультурных процессов. Во-вторых, инновации не одобряются

обществом, в результате чего нововведения адаптируются директорами и преподавателями школ. В-третьих, инновации охотно принимаются обществом.

Первый тип — это, в основном, неизбежные процессы оптимизации малоресурсных районов, а практически ликвидация многих сел и деревень. В ходе исследования была выявлена набирающая силу тенденция в регионах РФ: присоединение малоресурсных районов к более крупным. Происходит это различными способами, но в результате в малоресурсных районах также происходит объединение нескольких школ в одну: *«В городе закрылась школа-интернат, и детей с разными проблемами отправили к нам, но у нас есть специальные для них программы, и к нам еще перевели детей из лингвистической гимназии, и некоторые уроки мы им преподаем».*

Как показало наше исследование, в регионах данная проблема является следствием современного процесса социокультурного развития. Этому способствует и смена приоритетов у населения, и «прогресс», и смена эпохи, и переход к гедонистическому образу жизни и мышления и т. п.

Таким образом, на селе уже наблюдается четкая миграция населения, сокращается количество общеобразовательных учреждений в виду уменьшения количества населения, и как результат — сокращение числа учащихся: *«в Мичуринском районе осталось 4 сельские школы, закрываются клубы и библиотеки».*

Однако в районах средние школы сохранились: *«У нас 26 школ в районе, и 26 школьных автобусов — мы собираем детей и возим их из тех деревень, которые находятся далеко от школ. Мы отстаиваем наши школы, не даем их закрывать».* В школах учатся в среднем около 400–500 человек, причем в некоторых районных центрах численность учеников начальных классов превосходит численность учащихся среднего и старшего звеньев: *«Самые большие классы на данный момент — это начальная школа, она полностью, как говорится, укомплектована, пробелы только в 9–11 классах и то из-за демографической обстановки в то время».*

Представители городских районных советов, учителя и директора школ все же стараются сохранить свои учреждения, т.к. их закрытие означает ликвидацию поселения: *«Мы любым способом стараемся сохранить школы, даже если там 89 человек. Это все-таки еще один*

культурный центр: дети ходят в библиотеку, в ту же самую, поселковую, и в дом культуры». И как отметил респондент Республики Крым: «У нас сейчас примерно 50% наполняемости школы, поэтому надо оптимизировать, но по уму. Например, младшую школу оставить на местах, а старшим уже ездить в соседнее село, у нас расселение компактное».

Ко второму типу отношений к модернизации системы образования можно отнести следующие несколько видов нововведений.

Во-первых, катастрофически увеличивается количество документации, которую необходимо вести сотрудникам учебных заведений. Особенно остро это ощутили преподаватели Республики Крым, т. к. система образования Украины и России отличается: *«На школу нагрузили очень много бумаг, поэтому не хватает времени. И получается, что мы бы все успевали, если не было бы самого учебного процесса».*

В результате и преподавателей старшего поколения обучают вести электронный дневник, журнал и т. п.: *«У нас единый электронный дневник, т.е. сидит человек, который все заполняет»* (Крым).

Во-вторых, вопреки указаниям, содержащимся в новом законе, во всех исследуемых районах приоритетной задачей образования остается обучение и воспитание детей. Несмотря на то, что обучение проходит согласно федеральным стандартам, педагоги проявляют инициативу: дают знания сверх того, что требуется, и продолжают заниматься воспитанием учеников, причем воспитательные процессы сохраняются даже в вузах районов. Вот примеры ответов директоров школ из разных районов, независимо от его экономического благополучия:

– *«Главное в воспитании ребенка — это школа. У нас есть наставники, которые работают с трудными подростками»;*

– *«Полагаю, что в СССР была выстроена самая лучшая система образования, и пока у нас сохраняются старые традиции в образовании»;*

– *«Не воспитывать не получается: у нас много мероприятий, мы стараемся чем-то занять детей»;*

– *«В первую очередь в школе должно быть воспитание, мы детей любим, и они знают об этом»;*

– *«Мы стремимся любыми способами вытягивать трудных ребят,*

мы должны хвататься за каждого ученика. Когда складывается безвыходная ситуация, мы приглашаем родителей и беседуем с ними».

Как ни странно, но переход на новую, западную систему образования не вызывает и откликов среди родителей школьников. По-прежнему в российских регионах ценится человеческое отношение учителей к ученикам, учительский энтузиазм, их самопожертвование и воспитание подростков:

– «Мой ребенок ходил в частную престижную школу, но мы его оттуда забрали, т.к. там не особенно были приняты добрые и дружелюбные отношения к ученикам, кроме того, все обучение ориентировано на сферу бизнеса, на успешность именно в западном понимании, все должно быть быстро, четко и целенаправленно. А у нас в школах воспитательный процесс сохранился»;

– «Много учителей-энтузиастов в области, которые работают не за зарплату, а по призванию!».

На основании нашего исследования можно выделить следующую специфику районных и сельских школ: это индивидуальный подход к каждому ученику, не просто в связи с профессиональной спецификой, а в виду того, что у учителей существует потребность в том, чтобы все их ученики обязательно поступили. Ради достижения этой цели, районные учителя готовы безвозмездно заниматься с учениками постоянно: *«Мне кажется, что учителя в сельских школах по-другому относятся к ученикам. Они понимают, что нет возможности нанять репетитора, его вообще может не быть на селе, поэтому они сами бесплатно занимаются с учениками, причем, не воюя друг с другом за свой предмет, а делают это комплексно».*

Таким образом, видимо, благодаря заложенным моральным устоям, сложившимся традициям и стереотипам, в провинции российские учителя пока еще не готовы принимать нововведения, не соответствующие их устоявшимся представлениям о преподавании, скорее всего учителя понимают, что «концепт ребенка в современном обществе относится к разряду наиболее нуждающихся в заботе и приватном мире как необходимом условии успешной социализации» [Колесникова 2013: 133]. Тот факт, что учителя не должны терять навыков воспитания школьников, доказывают и другие исследования ученых института Социологии РАН: «Основным содержанием социального воспитания является обеспечение процесса

социализации и саморазвития молодого человека как субъекта деятельности на основе новейших технологий и средств педагогической поддержки» [Пронина 2012: 8548].

В-третьих, российские школы пока не перенимают навязываемые европейские стандарты. Даже несмотря на то, что некоторые исследуемые районы имеют тесные контакты со странами Евросоюза, тем не менее в России до сих пор редко где можно увидеть школьные учреждения, которые были бы ориентированы на уровень образования, доступный «отстающим». Во время полевых исследований был обнаружен только один лицей, выполняющий такую установку. В основном учителя продолжают практику обеспечения высокого уровня образования для всех.

В-четвертых, помимо ЕГЭ, который проводится уже несколько лет, с принятием закона об образовании 2013 г. [Федеральный Закон... 2013] становится обязательной государственная итоговая аттестация (ГИА) после 9-х классов во всех регионах РФ. Экзамен проходит в виде тестирования на специальных бланках, похожих на бланки ЕГЭ. Из-за того, что формой оценки знаний учащихся как после 9-го, так и после 11-го классов, становится тестирование, то и процесс образовательной деятельности педагогов должен был существенно измениться: *«Все негативное усугубилось, идет натаскивание на тест».*

Следует ожидать, что в результате современные дети получают не столько общие знания по различным дисциплинам, сколько обучаются механизму прохождения теста для получения высоких результатов. Однако педагоги, как в сфере воспитания, так и в самом процессе обучения не следуют неукоснительно предъявляемым ныне требованиям: *«Натаскивание идет на дополнительных занятиях, а у кого и в ходе репетиторства».*

Причем, согласно федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, дополнительное образование в программах начального, основного и среднего общего образования становится платным [В костромских школах... 2014], но многие школы продолжают подготавливать учеников, не взимая за это дополнительные средства: *«У нас есть стимулирующий фонд, мы учителям из него дополнительно доплачиваем» так нельзя говорить дополнительно доплачиваем — или доплачиваем или дополнительно оплачиваем.* В целом, можно сказать,

что восприятие ЕГЭ и ГИА как у учителей, так и учеников — отрицательное. В качестве объяснений, почему им не нравится система тестирования, говорят, о том, что это не объективная оценка знаний, что можно учиться на «хорошо» и «отлично» в течение всей школы и при этом получить балл не намного выше, чем «двоечник», что в свою очередь влияет, во-первых, на самооценку «отличника» или «хорошиста», а во-вторых, возникает риск смены жизненных позиций, т.е. существует вероятность того, что подросток сменит предпочтение «трудолюбию» на предпочтение «хитрости и удачи». Также к еще одному из минусов системы ЕГЭ относят следующее: существует группа учеников, которые не в состоянии сдать единый экзамен, в силу своих особенностей или умственных отклонений, хотя такого рода ребенок добросовестно отучился 10–11 лет в школе и получил необходимый набор знаний и навыков: *«У нас есть ученик, который нормально прошел все 11 классов, но он не сможет сдать ЕГЭ. Но мы же не потеряли его как личность! Он участвует во многих школьных мероприятиях, у него много друзей, а получается так, что балл по ЕГЭ все определяет — это неправильно».*

К третьему типу относятся те инновации, которые охотно принимаются населением, например, техническое оснащение школ: *«Я очень удивился тому, как изменилось внутреннее оснащение школ, я первый раз увидел в школе идеальные плиты, системы вытяжек в столовых и насколько оснащены классы химии, физики и т. д.»* (Крым). Несмотря на то, что, по словам респондентов, к 2015 г. прекратилось выделение средств из федерального бюджета на модернизацию школ и многие школы и не успели все заменить, директора школ все-таки умудряются и дальше «выбивать» денежные средства на совершенствование школьных классов: *«У нас 87% учатся в условиях, отвечающих самым современным требованиям, — у нас электронные журналы, дневники и т. д.».*

В ходе исследования не было обнаружено ни одной школы, в которой не были бы созданы современные условия для обучения школьников, как правило, практически все классы оснащены компьютерами, интерактивной доской, начиная с начальной школы.

Важно, что в районах пытаются найти средства для школы любыми способами. Так, например, в одном из районных центров создали «Совет попечителей», т. е. администрация района привлекла разные

организации к финансированию школьных учреждений. В результате за 6 лет было собрано достаточное количество средств для сохранения одной из школ, ее отремонтировали и снабдили всем необходимым. Кроме того в том же «Совете попечителей» *«есть одна организация, которая в каникулы школьникам обеспечивает поездки в Нижний Новгород: в цирк, в театры, на выставки и музеи. Сначала попечители вкладывали деньги только в ремонт школ, а потом стали уже делать гораздо больше, и это была уже инициатива самих попечителей».*

Есть еще один пример способа добывания денежных средств. В некоторых школах есть трудовые бригады, которые занимаются выращиванием овощей, *«чтобы удешевить питание, но они выращивают больше чем нужно, и поэтому мы едем на ярмарку в Нижний Новгород и продаем, и получается денежка для школы».*

Результаты образовательной деятельности

Несмотря на все трудности и проблемы, с которыми сталкиваются директора, учителя и сами школьники, главное — то, чтобы школьники получали достойное образование и двигались вперед. А в этом плане, результаты школьной преподавательской деятельности поражают. Выпускники практически всех районных школ (нередко около 100%) поступают в вузы и ссузы районных и областных центров, в ведущие вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Подтверждение данного факта иллюстрируют следующие высказывания респондентов:

– *«Начиная с 8-го класса мы приглашаем к детям представителей средних учебных заведений, к 9–11 классам мы приглашаем представителей вузов, стараемся, чтобы дети знали, куда можно пойти учиться. Наши дети ориентированы на обучение»;*

– *«У нас все два класса 100% поступили в вузы разного профиля»;*

– *«В нашем вузе в основном учатся из области, либо из самого областного центра».*

Хотя есть и печальные сюжеты: *« У нас тяжело, очень дорогая учеба, нет денег заплатить за учебу, а на бюджет не поступил. Пока работает грузчиком».*

Скорее всего, такие результаты существуют в виду того, что продолжение обучения является способом и возможностью покинуть малоперспективный район в плане работы и самореализации.

Вследствие этого, можно предположить, что дети ориентированы на достижение высоких результатов своей жизнедеятельности, их цели не сводятся к тому, чтобы остаться в небольшом городе без образования и, возможно, без работы. При проведении фокус-групп среди студентов вузов выяснилось, что желание пойти учиться прививалось детям родителями — как из числа местной интеллигенции, так из семей рабочего класса или домохозяек: *«Я пошла учиться в вуз потому, что родители так хотели, хотя мама — домохозяйка, а отец — водитель».*

Но есть и свидетельства того, что многие выпускники стремятся не покидать свой район, а продолжить обучение где-нибудь по соседству: *«В 15 км от нас есть средняя школа, и дети после 9-го класса поступают туда, или в сууз, или в сельскохозяйственный техникум».* Также дело обстоит и после обучения, т.е. далеко не все выпускники стремятся покинуть свою малую родину: *«Основная масса студентов остается в Иваново, работают на частных предприятиях, в сбербанке и т. д.».*

Также нередко выпускники возвращаются после обучения: *«Процентов 70–80 учащихся сельскохозяйственной академии возвращаются обратно, поскольку у нас постоянно есть работа для инженеров, механизаторов, требуются ветеринары».*

Нами была обнаружена еще одна положительная тенденция в области привлечения молодежи в сельские поселения — это сельские надбавки («в районе в сельских школах — 25% надбавка») и обеспечение в некоторых регионах жильем молодых специалистов в сфере медицины, образования и культуры. Как правило, квартиры выделяются из областного бюджета и по губернаторской программе: *«Я поеду в свой родной Холмогорский район работать в школе. Во-первых, я очень благодарна учителям, которые меня учили, во-вторых, я с родины Ломоносова и горжусь своим районом, в-третьих, я приехала в Архангельск три года назад и не могу все равно привыкнуть к суете. А там тихо и спокойно, там можно найти уединение».*

Но, как правило, выпускники стремятся покинуть свой район в силу отсутствия рабочих мест и высокой зарплаты. Места их желанной дислокации — Москва и Санкт-Петербург.

Стоит отметить, что, по словам многих респондентов, за границу современная молодежь не стремится: *«Раньше всем хотелось*

*учиться в Эстонии, сейчас это не распространено, хотя некоторые там учатся, но потом возвращаются обратно». Многие респонденты отмечали, что среди их знакомых достаточно мало людей, которые хотели бы переехать в другую страну навсегда, чаще всего – это желание пожить там некоторое время или поучиться. Из тех, кто хотел бы покинуть страну на некоторое время, учеба за границей воспринимается как престижное достижение, но мало кто из опрошенных согласился с тем, что на Западе или в США намного лучше система образования. Таким образом, желание покинуть страну возникает, скорее всего, даже не в силу насажденного мнения, что «у нас плохо, а там лучше», а для достижения определенного статуса. Стоит отметить, что те студенты, которые хорошо знают историю своей области, края и страны, не стремятся уехать и считают себя патриотами: *«Я патриот, у меня мама из области, я видел настоящий русский быт, я знаю всю историю Архангельской области, мне это очень интересно, и я хочу, чтобы наши традиции сохранились, и буду при необходимости защищать нашу страну»*. Есть еще категория студентов, которые видят свое будущее в том, чтобы жить в районе, расположенном вблизи областного центра, куда и ездить на работу.*

О том, что современная молодежь не стремится покинуть страну, свидетельствуют и исследования, проводимые Институтом социологии РАН — «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России» 2007 г. и «Формирование гражданской и патриотической позиции учащихся старшекласников» 2011–2012 гг. По их результатам, выяснилось, что большинство школьников являются патриотами и смысл патриотизма для них в любви к Родине [Пронина 2012: 8540].

Модернизация системы образования наблюдается во всех исследуемых районах. Как правило, нововведения принимаются и адаптируются директорами и учителями школ, которые продолжают сохранять традиции российского/советского подхода. В ходе исследования выяснилось, что воспитание и сохранившиеся методы обучения дают свои плоды. Если в западных странах и в городах России федерального значения постепенно утрачиваются

некоторые традиционные понятия, то в районах российских регионов еще продолжает сохраняться четкая позиция: мужчина — добытчик, а женщина — хранительница очага: *«Я не понимаю девушек, которые думают о карьере. Всегда так было: муж — глава семьи, который ее обеспечивает, а женщина создает в доме быт и уют».*

Список литературы

В костромских школах появится платная продленка, 2014.

URL: <http://www.rg.ru/2014/09/23/reg-cfo/prodlenka-anons.html>
[Дата посещения: 06.04. 2017].

Ключарев Г. А. « Проблема мелюзги » образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 34–251. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_6/Klucharev.pdf [Дата посещения: 05.04. 2017].

Колесникова Е. М. Педагоги дошкольного образования: специфика профессиональной группы и рынка услуг. // Вестник Института социологии. 2013. № 7. С. 129–152. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Kolesnikova.pdf [Дата посещения: 05.04. 2017].

Пронина Е. И. Особенности гражданской социализации и социальной адаптации молодых в новых социальных условиях // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С. 8536–8549. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Pronina_IV_Kongress.pdf [Дата посещения: 05.04. 2017].

Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, 2013. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovaniy-v-rf/> [Дата посещения: 05.04. 2017].

Глава 2. Ценностные ориентации и жизненные стратегии студентов светских и духовных вузов

Публикация главы посвящена памяти ее автора, молодого ученого, уже подготовившего диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук, Анны Михайловны Пахарь, ставшей одной из погибших в авиакатастрофе самолета, летевшего из Египта 31 октября 2015 года.

Причины обращения населения России в условиях ценностного вакуума в постсоветский период к Православной Церкви коренятся в исторической роли православного христианства в России, которое традиционно являлось основной религией в стране, также возврат к традиции пропагандировался достаточно широко, в том числе в СМИ. В результате, значительная часть населения в данных условиях обратилась именно к православию.

Постсоветское российское государство способствовало восстановлению храмов и монастырей Русской Православной Церкви, также открылись православные учебные заведения: воскресные школы, православные гимназии, Духовные семинарии и академии, интегративные вузы. В результате появилась довольно широкая прослойка детей, получивших (и получающих) религиозно-ориентированное образование разного уровня.

Данное исследование посвящено сравнительному анализу ценностей и стратегий студентов светского и духовного вуза, поиску того, что же составляет в действительности культурный код страны. Студенты духовного вуза, предположительно, как основные носители традиционных ценностей, выступают в нашем исследовании как контрольная группа, маркер, по отношению к которому можно говорить о динамике и трансформации ценностей в светских вузах.

В государственных вузах также немало идентифицирующих себя с православием, и тех, кто идет путем осмысления веры и соотношения своих ценностей с ценностями православия. В нашем исследовании осуществлялось также изучение ценностных ориентиров студентов, относящих себя к социальной группе «православная молодежь», при этом обучающихся в государственном вузе.

Таким образом, православная молодежь — это социальная группа с особыми ценностями, интересами, установками, целями и стратегиями жизненного пути, которые она реализует, и, находясь в эпицентре

происходящего в социуме в силу своего возраста, будет реализовывать в будущем. Изучение ценностных ориентаций данной социальной группы и формулируемых ею жизненных стратегий на стадии принятия на себя ответственности за самостоятельные решения и их результаты, на этапе подготовки к началу профессиональной самореализации, является особо актуальным в настоящее время. Находясь на выпускном курсе вуза, у студента выпускного курса сформировано у студента сформировано мировоззрение, базовые ценностные ориентации и выстроена их иерархия. Студент осознанно выбирает социальные группы, институты, рассматривает компании для последующего трудоустройства, отвечающие ожиданиям и коррелирующие с их собственной «иерархией ценностей».

Основу эмпирической базы составило эмпирическое исследование авторского коллектива⁷, которое проводилось в два этапа (методом опроса и методом глубинного интервью, среди которых пять были еще и биографическими⁸) в период с 2012 по 2014 г. На первом этапе опрошено 913 респондентов: 457 студентов государственных вузов таких, как МГУ имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет, и 456 студентов духовных вузов (в опросе приняли участие учащиеся Московской православной духовной семинарии и академии). На втором этапе собрано 30 глубинных интервью с выпускниками вузов светской и религиозной направленности.

✓ Эмпирическую базу также составили результаты исследований ВЦИОМ, ФОМ, Ромир, Левада-Центра, а также данные следующих проектов:

✓ «Всемирный обзор ценностей» Р. Инглхарта;

⁷ Социологическое исследование «Формирование духовно-нравственной культуры в вузах светской и духовной направленности» является частью большого междисциплинарного проекта «Духовно-нравственная культура и мировоззренческие парадигмы современного российского образования: история и новые тенденции», осуществленного по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации №14.740.11.0790. Руководитель социологической части проекта, доктор экономических наук., профессор И. П. Рязанцев. Автор данной работы принимала участие в проекте в качестве интервьюера экспертов в вузах Москвы и Санкт-Петербурга и в анализе эмпирического материала.

⁸ Биографические интервью длились от 3 до 5 часов. Автор разработала гайд биографического интервью с опорой на социально-психологические идеи известного психоаналитика, последовательницы неофрейдизма Хорни Карен.

- ✓ «Социальный портрет студента ПСТГУ» (2010);
- ✓ «Православный университет и общество в России. Выпускники православного университета: поведение, ценности, установки» (2013 г., Н. Н. Емельянов, Е. Б. Мелкумян, И. В. Павлюткин);
- ✓ «Молодежь России: социологический портрет» (Горшков М. К. и Шереги Ф. Э.);
- ✓ «Исследование национальной идентичности в эпоху фундаментальных вызовов», грант № 99/к Института общественного проектирования, исполнитель: культурно-просветительский РУССКИЙ ФОНД;
- ✓ «Отношение российской молодежи к Русской Православной Церкви», под руководством Рязанцева И. П., МГУ им. М. В. Ломоносова, объем выборки – 2002 респондента, полевой этап – июнь 2008 г., география — 34 субъекта 7 федеральных округов Российской Федерации (автор принимала участие в организации полевого этапа в г. Москва);
- ✓ «Влияние культурного потребления на ценностные ориентации современных молодых москвичей», объем выборки — 203 респондента, полевой этап — январь-март 2010, география — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
- ✓ «Развитие психологической готовности осужденных молодежного возраста к трудовой деятельности после освобождения из мест лишения свободы в ситуации преодоления кризиса», объем выборки — 804 респондента от 14 до 19 лет отбывающих срок наказания в исправительных учреждениях на территории РФ, 42 полуформализованных интервью с представителями администрации колоний, полевой этап — 2010, география — воспитательные колонии девяти регионов России с привлечением ФСИН России (автор принимала участие в анализе данных и написании аналитического отчета исследования).

Ценностные ориентации студентов

Общая характеристика студентов. На момент исследования, средний возраст в вузах светской направленности согласно количественным данным составляет 19,5 лет. Средний возраст студентов духовных вузов примерно на 4 года больше и составляет 23,6 лет.

Страна до поступления в вуз — это Россия для 92% студентов вузов светской направленности и 67% студентов духовных вузов,

оставшиеся 16% — Украина, 7% — Белоруссия, 4% — Казахстан, еще 6% — приезжие из других стран.

По типу населенного пункта студенты распределились следующим образом: среди студентов из светских вузов 82% из крупных городов-миллионников, из поселков и сел около 3%; среди студентов духовных вузов из крупных городов-миллионников 73%, из поселка и села 17%.

Тип школы до потепления поступления в вуз: среди студентов из светских вузов большинство из специализированной средней школы (55%), из общеобразовательной 38%, из религиозно-ориентированной — 1%; среди студентов духовных вузов большинство из общеобразовательной школы (55%), из специализированной средней школы 29%, из религиозно-ориентированной — 13%.

По уровню благосостояния семьи студенты светских вузов материально обеспеченнее студентов духовных вузов: в процентном соотношении материально обеспеченными (могут позволить «автомобиль и дорогостоящий отпуск») являются 71% семей студентов светских вузов и 51% семей студентов духовных вузов. Существенную нехватку денег даже на ежедневные расходы ощущают 6% студентов светских вузов и 16% интегративных. 23 и 33% соответственно отнесли себя по материальному положению к тем, кому «хватает денег на еду».

Ритуальное поведение студентов. По конфессиональной самоидентификации, все студенты духовных вузов (100%) согласны с тем, что они христиане, 99% из них назвали себя православными. Студенты светских вузов распределились следующим образом: христиан 61%, из них православных 56%, католиков с протестантами 5%; атеистов и тех, у кого «своя вера» 18 и 16% соответственно, представителей нехристианских религий (буддизм, мусульманство, иудаизм) около 5% опрошенных.

Для выявления наличия ритуального поведения молодым людям задавались вопросы о частоте посещения богослужений, причастия и исповеди, соблюдения постов и чтения евангелия.

Посещают богослужения раз в месяц и чаще 88% студентов духовных вузов и 11% студентов светских вузов. Остальные студенты духовных вузов затруднились ответить на данный вопрос, а среди студентов светских вузов данные распределились следующим

образом: около 50% студентов бывают в храмах несколько раз в год, 30% «были когда-то давно» и только 6% никогда не посещали храм и богослужения.

Все посты, включая среду и пятницу, соблюдают 91% студентов духовных вузов и 1% государственных. Великий пост соблюдает шестая часть студентов светских вузов (15%), четыре основных поста соблюдают еще 8%. Никогда не соблюдали посты 64% студентов светских вузов и 12% затруднились ответить.

Причащаются и исповедуются не менее четырех раз в год 10% студентов светских вузов (из которых 3% — раз в месяц и чаще). Не менее одного раза в год причащается и исповедуется практически каждый десятый выпускник светского вуза (9%), причащались «когда-то очень давно» 31% студентов. Никогда не исповедовались и не причащались 35% студентов светских вузов, еще 16% затруднились ответить на данный вопрос. Среди студентов духовных вузов исповедь и причастие также высоко значимо, как и другие ритуальные практики: 80% причащаются и исповедуются каждый месяц, остальные — несколько раз в год.

Регулярной практикой чтения евангелия и других священных и религиозных текстов также отличаются студенты духовного вуза еще и потому, что богословские дисциплины включены в обязательный образовательный стандарт: регулярно читают 97% студентов духовных вузов, остальные затруднились ответить. Среди студентов светских вузов каждый третий никогда не читал евангелия (27%), читали «когда-то давно» 45%, недавно читали 13% студентов, а регулярно перечитывают его 4%, остальные затруднились с ответом.

Молитву «Символ веры» каждый десятый студент светского вуза знает наизусть (10%); знают, но слабо 40% студентов светских вузов, 33% — не знают, остальные затруднились с ответом.

Уровень воцерковленности студентов духовных вузов существенно выше, что предопределяется выбором студентами из воцерковленных семей вуза данного типа, а впоследствии поддерживается системой образования.

На основе индикаторов, описывающих ритуальное поведение студентов, были выделены группы православной молодежи, различающиеся уровнем православной религиозности (воцерковленности).

✓ Первая группа – 3% студентов-выпускников светских вузов и 90% студентов духовных вузов — православные воцерковленные

высокой степени: все в данной группе верят в Бога, конфессионально относят себя к православию, системно придерживаются основных таинств и обрядов, повторяя их с регулярной частотой — не реже раза в месяц исповедуются и причащаются, соблюдают четыре поста, регулярно читают евангелие.

✓ Вторая группа — 10% студентов-выпускников светских вузов и 10% студентов духовных вузов — православные воцерковленные: верующие в Бога, конфессионально относящие себя к православию, придерживающиеся основных православных таинств и обрядов, но с регулярностью несколько раз в год — причащаются и исповедуются, посещают богослужения, соблюдают только Великий пост, евангелие читали недавно.

✓ Третья группа — 43% студентов светских вузов — православные невоцерковленные: верующие в наличие Бога, конфессионально относящие себя к православию, но системно не придерживающиеся основных православных таинств и обрядов.

✓ Четвертая группа — 28% студентов светских вузов — верующие неправославные: в конфессиональном плане относящие себя к иным конфессиям либо выбравшие «свою веру».

✓ Пятая группа — 16% студентов светских вузов — неверующие: студенты, в конфессиональном плане не идентифицирующие себя ни с какой религией, атеисты.

Заповедь по отношению к родителям «Если хочешь жить долго на земле, то почитай родителей своих» разделяют 71% студентов светских вузов и 100% студентов духовных вузов. Заповедь о любви к ближним «Нет больше той любви, как отдать жизнь за своих друзей» разделяют больше половины студентов светских вузов (55%) и 97% студентов духовных вузов. С заповедью «Не сотвори себе кумира и не поклоняйся ему, так как у тебя есть Бог», согласны 39% студентов светских вузов и 99% студентов духовных вузов. Заповедь «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» самая провокационная из предложенных: с ней согласны лишь 18% студентов светских вузов, среди студентов духовных вузов таковых 82%.

Студенты светских и духовных вузов одинаково высоко отмечают значимость ценностей родственников, оказавших влияние (86 и 93%), ставя данный источник на первое место по степени первоочередного влияния.

Источник второго порядка для студентов светских вузов — ценности друзей и однокурсников: они на втором месте у 50% опрошенных, но среди студентов духовных вузов таковых меньше — 36% и высок процент тех, кто считает, что они влияния не оказывали (39%).

Ценности Русской Православной Церкви оказали влияние на подавляющее большинство студентов духовных вузов (90%), 86% из которых указывают на их первоочередное влияние. В то время как более половины студентов светских вузов не отмечают их влияния на себе (57%) и четверть не задумывалась об этом вовсе (19%).

На третьем месте по значимости ценностей, оказавших первоочередное влияние для студентов духовных вузов — ценности самого вуза (44%) и его преподавателей (31%), для сравнения со светскими студентами: 6 и 8%% соответственно.

Относительно влияния ценностей других каналов можно сказать, что студенты духовных вузов в большей степени склонны поступать в вуз «за ценностями», нежели студенты светских вузов. Относительно ценностей, например, шоу-бизнеса, мнение студентов обоих типов вузов примерно одинаковы: и те, и другие, в количестве около 80%, отмечают, что ценности шоу-бизнеса не оказали на них влияния.

Трансляция ценностей в вузе идет через традиции организации научной, учебной, досуговой жизни студентов. В высшей степени влияние ценностей вуза признают студенты вузов интегративного типа (44%). Среди студентов светских вузов таковых всего 9%. Поскольку на момент прихода в вуз светские студенты уже осознают себя сформировавшимися личностями, не нуждающимися в ценностях вуза, они пришли в вуз за знаниями и дипломом. Тогда, как для поступающих в духовный вуз все еще только начинается: тут они углубляются в теоретические основы религии. Светский вуз ничего не может предложить в плане воспитания и привития ценностей, и, напротив, вуз духовный как раз на это нацелен. Можно сказать, что в государственные вузы студенты идут за специальностью, в духовные — за ценностями, их уточнением.

Духовный вуз, по мнению студентов, ориентирует на:

- 1) Веру в помощь и любовь Бога и жизнь по Заповедям (по 96%%);
- 2) Помощь людям в трудных обстоятельствах и жизнь в интересах других (по 93 и 90%%);

- 3) Приобщение к высокой культуре и традиции (92 и 86%);
- 4) Высокую зарплату как одно из условий достойной жизни (88%);
- 5) Развитие науки в целом (66%);
- 6) Развитие науки в интересах России (34%);
- 7) На самостоятельное принятие решений (14%).

Светский вуз, по мнению студентов, ориентирует на:

- 1) Систему моральных гражданских принципов (94%);
- 2) Веру в самого себя и в свои силы (92%);
- 3) Высокую зарплату как одно из условий достойной жизни (85%);
- 4) На самостоятельное принятие решений (84%);
- 5) Развитие науки в целом (82%);
- 6) На жизнь в собственных интересах (69%);
- 7) Приобщение к высокой культуре и традиции (60%);
- 8) Участие в общественной жизни в интересах успешных людей (57%);
- 9) Помощь людям в трудных обстоятельствах (43%);
- 10) Получение компетенций для увеличения заработка (40%).

Иерархия ценностей духовного вуза, по оценкам студентов, такова: на первом месте вера в Бога (91%), на втором жертвенная любовь к людям (83%), на третьем честность (77%), далее следуют дружба (47%), уважение к другому (45%), любовь к родине (41%) и семья (38%). Такие ценности как комфорт в жизни, материальное благополучие, свобода и независимость, карьерный успех — набрали минимальное количество голосов (от 1 до 3%), поэтому их нельзя отнести к ценностям духовного вуза. В то время как среди иерархии ценностей светского вуза, они являются популярными.

Иерархия ценностей светского вуза, по оценкам студентов, такова: на первом месте стоит карьерный успех (58%), второе место занимают: уважение, дружба, честность (51, 48 и 47%), третье место: личная свобода и независимость (45%). Далее следуют материальное благополучие (28%), любовь к родине (19%), семья (22%), комфорт в жизни (19%) и забота об окружающей среде (15%). Вера в Бога и жертвенная любовь к людям — ценностями светского вуза не являются.

Преподаватели вузов, по мнению студентов, стараются привить студентам все важные человеческие качества. С той лишь разницей, что скромность и воспитанность практически не характерное для светских студентов качество (5%), а креативность и инициативность прививаются

в меньшей степени студентам духовных вузов (11 и 6%%). Ожидания в отношении навыков студентов в светских вузах более прагматичные, ориентированные на карьеру и успех, нежели в духовных вузах.

Общение с друзьями, родными, чтение книг, занятие спортом, отдых на природе и с экскурсиями — общие практики для студентов обоих типов вузов. Далее, культурные практики разделяются в зависимости от специфики ценностных ориентаций студентов. Среди студентов светских вузов популярны такие практики как посещение клубов, компьютерные игры, просмотр ТВ, азартные игры, которые не разделяются студентами духовных вузов. И напротив, популярные среди студентов духовных вузов: паломничества и посещение богослужений не настолько популярны среди студентов светских вузов (Табл. 1).

Таблица 1. **Линейное распределение: культурное потребление**

Как Вы проводите свободное от учебы время?	Светский	Духовный
Провожу время с друзьями	79%	64%
Читаю книги	76%	73%
Занимаюсь спортом	54%	61%
Посещаю театры, музеи	49%	26%
Встречаюсь с родными	47%	52%
Езжу на море/природу отдыхать	46%	43%
Посещаю музыкальные концерты, клубы	43%	11%
Занимаюсь творчеством	43%	34%
Играю в компьютерные игры	33%	8%
Езжу в путешествия по городам с экскурсией	25%	28%
Смотрю телевизор	23%	11%
Играю в азартные игры на деньги	14%	1%
Хожу в храм на богослужения	11%	74%
Занимаюсь волонтерской работой	10%	4%
Другое	7%	15%

Студенты светских вузов в большей мере склонны к принятию представителей других конфессий в своей стране, городе, на работе

и даже в семье, нежели студенты духовных вузов. Наибольшими «симпатиями» среди студентов духовных вузов пользуются представители своей деноминации, православные: их допускают в качестве спутника жизни 87% студентов (для сравнения, католиков в данном качестве готовы видеть лишь 2% студентов духовных вузов, протестантов — 1%, мусульман, буддистов, иудеев, сектантов — по 0%). С католиками студенты духовных вузов в большинстве своем готовы дружить (50%), жить по соседству (13%), принять, как туристов (14%), не видеть их в своей стране хотят 6% опрошенных. Иная картина отношения к католикам у светских студентов: подавляющее большинство студентов готовы допустить их к себе на минимальную дистанцию: 41% готовы видеть их в качестве спутника жизни, 38% готовы дружить. Самые прохладные отношения у студентов светских вузов с сектантами: 45% предпочли бы не видеть их в своей стране, что опять же, не так категорично как у студентов духовных вузов (66%). Студенты светских вузов, в принципе, согласны поддерживать дружеские отношения с представителями остальных конфессий (протестанты — 35%, мусульмане — 36%, буддисты — 43%, иудеи — 40%). Студенты духовных вузов, напротив, в большей степени готовы не видеть данных представителей в своей стране вовсе (протестанты — 16%, мусульмане — 22%, буддисты — 23%, иудеи — 25%).

В окружении студентов обоих типов вузов имеются знакомые, ведущие аморальный образ жизни. Многие виды асоциального поведения свойственны и для окружения студентов духовных вузов с той разницей, что не ответивших среди них больше (21%), чем среди студентов светского вуза (2%), а также того, что знакомых, ведущих такой образ жизни больше в среде светских вузов в процентном соотношении.

Иерархия личных ценностей студентов двух типов вузов (Табл. 2) соотносятся с иерархией ценностей самих вузов, отражая общую ценностную парадигму, которую в одном случае можно назвать «светские ценности», а в другом — «ценности православия». Светский вуз в большей степени нацелен на возвращение выращивание специалиста, профессионала, нежели на воспитание духовности и нравственности. Поэтому, студентам, стремящимся прояснить свои ценности и глубже узнать о православной вере, приходится искать православные молодежные сообщества на приходах. Светский

вуз воспитывает социально-адаптированную личность и гражданина, что не связано с воспитанием духовности. Духовный вуз ориентирует своих студентов на жизнь по вере в Бога, с учетом традиций и в интересах других, особенно тех, кому нужна помощь; воспитывает в своих студентах сострадание и жертвенную любовь. Ценности светского вуза также включают в себя честность, уважение к другому человеку, помощь людям, оказавшимся в трудных жизненных обстоятельствах. Они не столь выражены, как в духовном вузе, но присутствуют и получили довольно высокие оценки светских студентов.

Таблица 2. Самооценка ценностей студентов

Ценности, приоритетные для студента	Светский	Духовный
Честность	50%	70%
Уважение к другому человеку	50%	53%
Вера в Бога	5%	90%
Семья	36%	39%
Жертвенная любовь к людям	7%	67%
Дружба	26%	30%
Любовь к родине	17%	32%
Карьера и успех	36%	12%
Личная свобода и независимость	35%	5%
Материальное благополучие	19%	8%
Комфорт в жизни	20%	7%
Затрудняюсь ответить	15%	4%
Забота об окружающей среде	8%	3%
Другое	2%	1%

Жизненные стратегии студентов

Получать образование по другой специальности собираются 57% студентов светского вуза и 41% студентов духовного. К стажировке за границей также больше тяготеют студенты светских вузов (78%), нежели студенты духовного (46%). Отчасти это объясняется отношением к России и патриотическими настроениями: в среде духовного вуза патриотические настроения выше (Табл. 3).

Таблица 3. **Отношение к России**

Россия – это...	Светский	Духовный
дом, в котором я живу, и от меня зависит то, каким он будет	36%	42%
страна с кучей не решаемых проблем	22%	6%
моя любимая родина	15%	29%
страна, где нет условий для нормальной жизни меня и детей	9%	0%
страна с возможностями для достойной жизни каждого	7%	7%
страна, которую я не сумел полюбить	2%	0%
другое	9%	14%

Как видим, на патриотические настроения в большей степени, нежели вуз, влияет конфессиональное самоопределение. Православные студенты обоих типов вузов в большей степени верят в Россию и связывают ее будущее со своими усилиями в данном направлении.

Степень личностной зрелости, выраженное во взятии ответственности не только за себя и ближайшее окружение, но и за более далекие группы, также выше среди студентов духовных вузов (Табл. 4).

Таблица 4. **Степень личностной зрелости**

За кого Вы чувствуете свою личную ответственность?	Светский	Духовный
За себя	85%	75%
За семью	75%	78%
За друзей	50%	54%
За своих детей	41%	43%
За страну в целом	21%	38%
За человечество в целом	17%	
За свой город/поселок	10%	24%
За одноклассников	9%	
За коллектив на работе	5%	16%
Ни за кого	3%	3%

Студенты светских вузов нацелены на реализацию собственных возможностей, посредством честного труда для обеспечения себя и своих детей. Поэтому «карьерный рост» стоит на первом месте, как позволяющий зарабатывать больше, обеспечивать свою семью и самореализовываться. При этом они не готовы «идти по головам» или сводить счеты с совестью: для них важнее обрести высоконравственных друзей (важно — для 57%, не важно — для 21%), чем войти в высшие круги общества (важно — для 38%, не важно — для 45%). Для них важно обеспечить своих детей не только материально, но и духовно. Их миссия в обществе — достойная жизнь себя и своей семьи.

Студенты духовных вузов также высоко ценят духовное развитие детей, при этом не забывают и об их материальном обеспечении. Отличие от мотивов студентов светских вузов в том, что самоцелью является служение Богу (через свою специальность, семью, общественный активизм, направленный на развитие нравственности). Их миссия в обществе: менять общество, просвещать его, развивать нравственность и духовность.

Мотивационные пространства студентов светских и духовных вузов также различаются, особенно в плане самореализации. Если светские студенты (77%) подтверждают важность «демонстрации своих способностей», то для 66% студентов духовных вузов это не важно. Если успех важен для подавляющего большинства (84%) студентов светских вузов, то среди студентов духовных вузов он важен для одной половины (52%) и не важен для другой (47%). Если для студентов светских вузов важен поиск приключений, риск (60%), то это важно только для четверти (25%) студентов духовных вузов, а для подавляющего большинства (74%) он не важен. Быть богатым важно для 54% студентов светских вузов и не важно для 86% студентов духовных вузов. Хорошо проводить время с друзьями — также больше в приоритетах студентов светских вузов (важно для 75% студентов), студенты духовного вуза разделились на две практически равные половины: тех, для кого это важно (51%), и тех, для кого это не представляет значимости (49%). Для студентов духовных вузов при позиционировании себя в обществе значима ценность «вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение» (83%), студентов светских, выбравших это высказывание как важное, гораздо меньше (55%); стоит при этом отметить, что

«полностью согласен» среди студентов духовных вузов 63%, а светских – 20%. Быть скромным и держаться в тени — ценность также более характерная для студентов духовных вузов (51%), среди студентов светских вузов данную ценность считают важной всего 22%.

Забота о людях и помощь окружающим беспрецедентно важная ценность для 93% студентов духовных вузов, но данная ценность значима и для студентов светских вузов (74%). Общей является ценность быть верным другом: большинство (86%) студентов светских вузов и 91% студентов духовных вузов считают ее важной. Понять других людей важно для 63% светских студентов и для 81% студентов духовного. Быть уважаемым человеком значимо для студентов обоих типов вузов: 44% студентов духовных вузов и 75% студентов светских вузов считают эту ценность значимой. Заботиться о других важно, как для учащихся семинарии, так и для светских студентов. Вспомним, что для студентов светских вузов дружба является одной из главных ценностей. Для светского студента «забота о другом» связана, в первую очередь, с заботой о ближайшем окружении, на всех остальных это может не распространяться. Для студентов духовных вузов почти в равной степени важно быть верным другом и важно помогать окружающим, то есть круг тех лиц, о которых студенты духовных вузов готовы заботиться, значительно шире. Это указывает на то, что жизненный путь они воспринимают, как служение людям и через это — Богу («спасение души»). При всем сказанном выше, для студентов обоих типов вузов, важно самим принимать решения, быть свободными и независимыми: согласны — 89% студентов светских и 78% студентов духовных вузов.

Жить в безопасном окружении — также важно для студентов обоих типов вузов: для 70% духовного и для 75% светских. Возможно, отчасти, на это повлияло нестабильное время рождения и взросления (кризисы в стране в 1990-е и 2000-е гг.), которое заставляет с опаской относиться к происходящему. Данный высокий процент подтверждает выводы исследований Инглхарта о том, что в России сильны мотивы экзистенциальной небезопасности, а, следовательно, изучаемое поколение усвоило данные ценности до достижения зрелости и уже, вероятнее всего, не изменит их на постматериальные.

На основании полученных данных возможен прогноз выбора жизненных стратегий студентов.

Относительно будущей работы, для студентов обоих типов вузов важны одинаковые мотивы: работа должна нравиться (принести удовольствие), должна оставлять время для общения с семьей (среди светских еще и с друзьями — 76%, в большей степени, чем среди духовного — 50%), не требовать лжи (важно для более чем половины — 56% светских и 87% духовного). Главные мотивы в системе мотивации относительно будущей работы для практически всех студентов духовных вузов — не нарушает религиозных убеждений (92%), главный мотив для практически всех студентов светских вузов — доставляет удовольствие (94%).

В результате изучения социальной группы «православная молодежь» выявлено, что основными факторами роста числа воцерковленных среди молодежи являются: распространение православных учебных заведений, активная социальная деятельность Церкви, а также мотивы безопасности, присутствующие в мотивационных пространствах опрошенных.

Гипотеза исследования, что современное развитие российского общества характеризует возникновение конфликта между институциональной религией и персональной интерпретацией духовности, а также между системами ценностных ориентаций тех и других, на изучаемых совокупностях не подтвердилась. Можно говорить о том, что между ценностными ориентациями православных воцерковленных и невоцерковленных студентов в настоящее время ценностного конфликта не наблюдается. На основе анализа иерархий ценностных ориентаций и дисперсного анализа мотивационных пространств тех и других выявлено, что они согласованы в плане базовых социальных ценностей. Потенциально конфликт возможен по причине распространения ценностей глобализации и «постматериальных» ценностей. Но, можно уверенно прогнозировать, что этого не случится с изученной социальной группой. Во-первых, потому что ценности студентов, родившихся в 1990-м году, уже сформированы и кардинально не изменятся на протяжении дальнейшего жизненного пути. Во-вторых, потому что социализировавшиеся в условиях кризисов и недостатка всех видов ресурсов, основанием мотивов многих оказался поиск безопасности. По этой причине, большинство из студентов с высокой степенью воцерковленности, особенно те, кто нашел безопасность, в том числе в религии, верят

в Россию, ее будущее и современное состояние в государстве описывают как наиболее успешный период реализации их возможностей. Относительно понимания духовности, православные студенты с высокой степенью воцерковленности тяготеют к пониманию духовности в традиционном смысле. Для них это достижение особого состояния, предполагающего цельность личности на базисе высших ценностей, которыми является «Бог» и «божественное» — все, что с Ним связано. Студентов с высокой степенью воцерковленности также отличает особый жизненный путь с набором событий, которым они всегда могут дать оценку через призму «ценностей православия», а также включающих специфические события крещения, «осмысления веры», церковных обрядов, дел милосердия и других. В процессе духовного роста эти студенты изучают духовные книги, церковные догматы, исполняют церковные обряды, что указывает на важность для них институциональной составляющей религии. Что касается студентов невоцерковленных и неправославных, они в меньшей степени склонны отмечать значение религиозной веры в жизни человека. Для первых православная вера воспринимается с точки зрения традиции, истории страны. Храм воспринимается как культурно-исторический объект, в котором «хорошая энергетика». Себя в этой атмосфере они не видят, а потому в соответствии с «ценностями православия» выстраивать свои жизни они не стремятся.

Студенты из семей, испытавших длительный период экономической небезопасности, более склонны к принятию православия и его институциональных практик, нежели те, кто вырос в экономической стабильности и достатке. Другим результатом жизни в ситуации экономической небезопасности явилась склонность к нестабильности жизненного пути, неуверенность в достижении личных целей, меньшая степень удовлетворенности социальной жизнью, по сравнению со студентами, выросшими в экономически благоприятных условиях.

Обнаружилось, что чем выше уровень воцерковленности православных студентов, тем значимее для них становится институциональная составляющая религии, а их ценности и стратегии, в свою очередь, соотносятся с «ценностями православия».

Жизненные стратегии православных студентов включают в себя «помощь ближнему», гражданский активизм, который реализуется

посредством участия в различных инициативах: в благотворительных организациях, православной журналистике, православном просвещении, волонтерстве, социальной работе и помощи незащищенным группам граждан. Эта форма активности позволяет соединить модернизацию с православием. Она, с одной стороны, способствует развитию гражданского общества, с другой — актуализирует «ценности православия».

Выявлено, что стратегической целью жизни воцерковленных студентов является спасение души, выражающееся в «служении» во всех жизненных сферах, в то время как стратегической целью жизни невоцерковленных православных студентов является всесторонняя личностная самореализация в значимых жизненных ситуациях.

Выявлено также, что среди социальной группы «православное студенчество» высоки патриотические настроения и принятие личной ответственности за будущее России. Среди студентов духовных вузов и среди православных студентов государственных вузов патриотические настроения выше, чем среди студентов государственных вузов. Православные студенты, особенно с высокой степенью воцерковленности, считают современную социальную и политическую ситуацию в России благоприятной для реализации своих жизненных стратегий. Некоторые студенты государственных вузов, напротив, убеждены, что в России нет условий для их дальнейшей жизни и работы.

Раздел III

Экологическое сознание россиян на пути к устойчивому развитию

В современной России есть три действующих актора на пути к устойчивому развитию – общество в целом и его отдельные сообщества; власти всех ветвей и уровней; организации экологического движения (далее – экологические некоммерческие организации или экоНКО). Их роли и позиции различны. Отличается также и их степень участия в реализуемых процессах, более того, эта степень варьируется в зависимости от внешних (для них) обстоятельств — экономических и политических. Во многом от экологизированности сознания первых двух акторов и их целенаправленных действий зависит экологизация сознания российского общества в целом, без чего невозможно достичь сбалансированного (т.е. устойчивого) развития.

В связи с этим данная работа содержит три составные части, которые будут выстроены в соответствии с исторической значимостью результатов деятельности акторов: начнем с анализа активности экологического движения (основного агента влияния), далее рассмотрим действия органов власти (главный агент экологической политики) и их структуру в экополитической сфере, последним будет анализ экологического сознания населения.

Наш анализ зиждется на данных многолетних исследований экосоциальных процессов ученых сектора по изучению социокультурного развития регионов России, которые были посвящены самым разнообразным темам [Халий 2007, 2010, 2012, 2014; Аксенова 2005; Левченко 2011; Подлесная 2006; Орешкина 2013; Институционализация экологической политики...]. Социологические данные были собраны в основном качественными методами более чем в 30 регионах страны в ходе эмпирических исследований, проводившихся в последние 30 лет. Также будут использованы массовые репрезентативные общероссийские опросы нескольких социологических организаций, проведенные в разные годы, и осуществлен их сравнительный анализ.

В качестве теоретических подходов использованы структурно-функциональный, деятельно-активистский и конструктивистский подходы (в зависимости от предмета исследования в каждом разделе работы).

Глава 1. Экологическое движение – авангард носителей экологического сознания

В современной России организации экологического движения в совокупности представляют собой, наряду с правозащитным движением, наиболее развитую часть гражданского общества [Социокультурные основания...]. В обоих случаях это связано, в первую очередь, с тем, что эти структуры насчитывают уже не один десяток лет своего развития, что позволило им обрести опыт и известность в обществе.

История экологического движения

Первыми экоНКО стали возникшая по инициативе «сверху» (государства) Всероссийское общество охраны природы (в 1924 г.) и сформировавшаяся «снизу» (студентами и профессурой университетов) Движение дружин охраны природы (1968–69 гг.), обе существуют по сей день, хотя и претерпевают постоянные изменения.

С началом трансформаций именно экологическое движение стало их «мотором», поскольку его организации оказались готовыми к коллективным действиям (первые массовые митинги конца 1980-х гг. были экологическими) и к разработке стратегии действий (их навыки были в то же время востребованы для подготовки платформ вновь возникающих политических партий и программ кандидатов в депутаты Верховного совета), а также к формулированию требований общества к власти.

Активность экологов-общественников привела к созданию в те же 1980-е гг. сразу нескольких общероссийских организаций (тогда их называли зонтичными). Среди них наиболее действенной и устойчивой оказалась только одна — Социально-экологический Союз, который после распада СССР в 1991 г. преобразовалась в международную организацию, существующую и действующую поныне.

С начала 1990-х гг. в стране открылись российские отделения международных организаций (Greenpeace, WWF и др.), которые сегодня позиционируют себя как чисто российские.

Все 1990-е гг. основным источником финансовых ресурсов экологического движения были западные фонды. Стоит отметить, что, к чести российских экоНКО, эта финансовая поддержка

не сформировала в нашей стране столь жесткую ориентацию на Запад, как в Украине. Сегодня основными источниками финансирования деятельности эконоНКО являются различные уровни государственной исполнительной власти и бизнес-структуры, реже — население.

Цели и достигнутые результаты экологического движения

Такой пророссийской ориентации в большой мере способствует четкое целеполагание организаций экологического движения, основную часть которого составляют экологи-профессионалы, утверждающие, что их главная цель — сохранение живой природы, которую необходимо достигать при любом политическом режиме. Пополнившие ряды экологического движения в 1990-е и особенно в 2000-е гг. городские группы теснейшим образом связаны с охраной своей непосредственной среды обитания, что не позволяет им оказаться оторванными от отечественных ценностей, хотя состояние окружающей среды в развитых странах Запада и является для них определенным ориентиром.

Экологическое движение на протяжении всего своего развития позиционирует себя как самостоятельную часть гражданского общества, не консолидируя свои действия с другими общественными организациями. То имело определенный эффект (с нашей точки зрения, положительный), выразившийся в неприсоединении эконоНКО к протестной активности внесистемной оппозиции 2011-го и последующих годов, хотя идейно они ее во многом поддерживали и поддерживают.

Основными задачами эконоНКО являются влияние на принимающие экологически значимые решения органы власти и формирование экологически ориентированного общественного сознания. В этой связи важными формами активности стали взаимодействие со всеми структурами управления и просветительская работа с населением. Особенно эффективно и то, и другое осуществляется на региональном уровне.

Достигнутые эконоНКО результаты за весь период трансформаций заключаются в следующем.

Благодаря активности (в том числе и протестного характера) экологического движения в 1989 г. впервые в СССР был создан

государственный орган, отвечающий за охрану природы — Государственный комитет экологии.

Под влиянием активной протестной деятельности был приостановлен или совсем закрыт ряд экологически опасных проектов, либо их программа оказалась скорректированной (это и поворот сибирских рек, и строительство нескольких атомных станций, и прокладка трубопровода по берегу озера Байкал, и многое другое).

Значительное количество членов экоНКО вошли в состав органов власти различных ветвей и уровней, тем самым усилив их профессиональный потенциал.

Одним из результатов влияния экологического движения и экологизации общественного сознания является признание федеральной государственной властью значимости экологической политики, выражающееся во многих проявлениях, в том числе в озвучивании ее принципов Президентом Российской Федерации В. В. Путиным.

Экологическая проблематика стала известна и понятна обществу, о чем свидетельствуют современные протестные действия на местах (в российских локальностях), которые, как показали наши исследования двух последних лет, являются наиболее распространенными [Халий 2014].

Экологические движения стран Запада, например, Нидерландов — одной из самых передовых в разрешении экологических проблем стран, сорок лет боролись за то, чтобы государство стало осуществлять экологическую политику [Аксенова 2002]. Российское экологическое движение справилось с этой задачей буквально за несколько лет перестройки.

Многие природные объекты в России сохранены по сегодняшней день благодаря действиям экоНКО. Весьма значимой является поддержка экологической общественности, оказываемая особо охраняемым природным территориям (заповедникам, национальным паркам). Внимание экологов-общественников к окружающей среде в индустриальных центрах страны оказывает влияние на развитие экологической деятельности промышленных предприятий и на степень их подконтрольности со стороны региональных и местных властей. Наконец, население, российские граждане во многих населенных пунктах страны знают, что в случаях экологических нарушений надо обращаться к экологическим

неправительственным организациям. Более того, они получили конкретные знания об окружающей среде и природе благодаря просвещенческим программам эконоНКО. Появились основания надеяться на подрастающее поколение: большое количество детских экологических организаций и участие в них значительного числа современных школьников позволяет ожидать, что будущее общество будет намного более аккуратно относиться к среде своего проживания.

Экологическое движение России своей последовательной деятельностью, своими постоянными контактами с властью и другими социальными акторами способствуют развитию демократии в нашей стране, пытаясь участвовать в процессе принятия решений и оказывать давление на власти, требуя учета интересов населения и его различных слоев и групп.

Сегодня экологическое движение сохраняет свои позиции одного из наиболее развитых и активных институтов гражданского общества и как одного из главных субъектов действия на экополитической арене.

Таким образом, основное положение деятельностно-активистского подхода о «человеке действующем» [Турен 2004], подтверждается активностью российского экологического движения и достигнутыми им результатами.

Глава 2. Экологическая политика и управление в РФ: контекст экологизации сознания населения или агент влияния на этот процесс?

Государственная экологическая политика в России имеют достаточно долгую историю. Позиция средоохранных и природоохранных отраслей в управлении была всегда достаточно уязвимой, а их развитие конфликтным, тем не менее, даже в период стремительной и жесткой советской индустриализации на рубеже 1920-х и 1930-х гг. была создана система строго охраняемых природных территорий.

Причины особенностей экологической политики

Экологическая политика всегда отражала меняющийся расклад экономических интересов и политических сил. В период Перестройки и в начале 1990-х гг. были созданы независимые средоохранные структуры. Рост цен на природные ресурсы, усиление политического влияния добывающих компаний и увеличение их вклада в государственный бюджет привели, в том числе, к слиянию структур, ответственных за эксплуатацию ресурсов со средоохранными организациями снизив роль последних в принятии стратегически важных решений и в осуществлении экологического контроля. Затем равновесие было восстановлено, но лишь отчасти: управление добычей ресурсов и охраной среды было сбалансировано в рамках одной управленческой структуры.

Специфика российской экологической политики определяется также высокой степенью сохранности дикой природы. Добывающие отрасли влияют в первую очередь на природные экосистемы. Разрушение советской промышленности в 1990-е гг. снизило нагрузку на среду непосредственного обитания человека. Высокой она остается лишь в крупных мегаполисах. В этой связи конфликтные ситуации, требующие согласования интересов на государственном уровне, возникают в удаленных регионах Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, новая волна освоения Сибири требует разработки экологической стратегии применительно к промышленному развитию этих территорий.

Сложной проблемой было и остается распределение полномочий между федеральным центром и регионами в сфере экологического управления. Ситуация в этой области никогда не была стабильной,

институты и структуры постоянно менялись в диапазоне между почти полной автономией регионов и максимально возможной централизацией. Отметим, что в российских условиях централизация принятия решений ограничена расстояниями и региональным разнообразием, в том числе разнообразием экологических рисков.

Природоохранные структуры

В настоящее время главными федеральными структурами в сфере экологической политики является Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору является (Ростехнадзор).

Министерство включает в себя ряд подразделений, ведущую роль в управлении играют следующие департаменты:

- департамент государственной политики и регулирования в области геологии и недропользования;
- департамент государственной политики и регулирования в области водных ресурсов;
- департамент государственной политики и регулирования в сфере охраны окружающей среды;
- департамент государственной политики и регулирования в области лесных ресурсов;
- департамент государственной политики и регулирования в области гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды.

Кроме того, в системе федерального экологического управления функционируют пять подведомственных Министерству природных ресурсов организаций:

- Федеральная служба по надзору в сфере природопользования;
- Федеральное агентство по недропользованию;
- Федеральное агентство по водным ресурсам;
- Федеральное агентство лесного хозяйства;
- Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.

Федеральное агентство по недропользованию обеспечивает эффективное использование месторождений, обеспечивает геологическое изучение недр, экспертизу месторождений, выдачу лицензий и т. п. Среδοохранные функции управления распределены между

остальными организациями. Так, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования ответственна за обеспечение экологической и экономической безопасности, сохранение среды от деградации. В число ее задач входит контроль за природопользованием, надзор над экологически опасными его отраслями, пресечение и профилактика экологических правонарушений.

Федеральное агентство водных ресурсов совмещает функции экономического и экологического управления, отвечает одновременно за обеспечение эксплуатации водных ресурсов и за их охрану. В начале нового века это соединений функций организации коммерческой эксплуатации, контроля и охраны вызвало негативную реакцию служащих средоохранных ведомств, так как единоначалие снижает возможности независимого контроля. Тем не менее, данная система существует десять лет (Агентство было создано в 2004 г.).

Точно также функции эксплуатации и охраны соединяет в своей деятельности Федеральное агентство лесного хозяйства. Лесная политика включает в себя использование, восстановление и охрану лесов.

Контроль над состоянием окружающей среды осуществляет Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу (Госгидромет). В сферу его ответственность входит контроль состояния окружающей среды и ее загрязнении. Необходимо отметить, что значительное место в стратегических задачах данной организации занимает минимизация риска опасных природных явлений, включая изменения климата. Кроме того, функции защита от чрезвычайных ситуаций, обусловленные не человеком, а природой (пожары, наводнения и т. п.), обозначены среди задач и других служб и агентств.

Ростехнадзор создан в 2004 г. В отличие от Министерства Ростехнадзор занимается исключительно обеспечением экологической безопасности в атомной, промышленной, горной, энергетической и ряде других областей. Его главными задачами являются нормирование деятельности предприятий и осуществление постоянного контроля над ней.

Таким образом, функции экологического управления в настоящее время распределены между рядом государственных структур, лишь некоторые формально объединены общими организационными рамками Министерства природных ресурсов. Кроме того, некоторые функции минимизации рисков выполняют Государственный концерн «Росатом», Министерство обороны РФ и ряд других организаций.

Все перечисленные структуры имеют территориальные подразделения в федеральных округах РФ и в регионах. Кроме того, в регионах существуют собственные структуры экологического управления. Они взаимодействуют с федеральными структурами, но в то же время обладают определенной автономией. В ряде случаев охрана среды занимает достаточно значимое место в структуре регионального управления, что отражено в названиях этих организаций (например, Министерство экологии и природных ресурсов Нижегородской области), в других экологические функции, как и на федеральном уровне исполняют структуры, ответственные за обеспечение эксплуатации ресурсов. Так, в Забайкальском крае охраной среды занимается Министерство природных ресурсов и промышленной политики.

Стратегические цели и направления деятельности природоохранных органов власти

Стратегические цели федеральной экологической политики определены в Государственной программе Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг. Они полностью отражают специфику российской среды, в которой природные экосистемы продолжают играть важную роль, а также современной российской экономики, ориентированной на эксплуатацию ресурсов, а в перспективе — на промышленное освоение Сибири, Дальнего Востока, арктического шельфа. Целью программы является повышение уровня экологической безопасности и сохранение природных экосистем. Сохранение и восстановление биоразнообразия является одним из основных приоритетов экологической политики, в общем перечне он обозначен на втором месте после снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду за счет повышения экологической эффективности экономики [Государственная программа...: 30].

Среди направлений деятельности Министерства природных ресурсов обозначен целый ряд стратегий сохранения редких и исчезающих видов животных (дальневосточного леопарда, сахалинской кабарги, белого медведя, амурского тигра)⁹. Особой проблемой экологического управления является стандартизация

⁹ См.: сайт Министерства экологии природных ресурсов и экологии РФ URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1095> [Дата посещения: 01.08.20174].

охраны окружающей среды. Стандартизация обозначена как одна из проблем, требующих решения в указанной выше Программе. Корпорации, работающие с западными кредитами и с западными партнерами, вынуждены внедрять стандартизацию экологического управления, хотя отношения к ее результативности менеджеров российских компаний неоднозначно. Однако в настоящее время разрабатываются национальные стандарты, учитывающие требования стандартов международных.

Анализ показал, что цели экологической политики и управления не включают действий, направленных на экологизацию сознания населения, функции государственных органов управления всех уровней заключаются в конкретных действиях, ориентированных на сохранение, поддержание и улучшение окружающей среды. Согласно структурно-функциональному подходу, главенствующая роль принадлежит выполнению функций всеми включенными в процесс структурами, собственно ориентиры в сознании исполнителей этих функций значения не имеют, вследствие чего экологизация сознания политиков и управленцев совсем не обязательна. Эта позиция, как будет представлено в следующем разделе, определяет многие элементы сознания россиян.

Глава 3. Экологическое сознание населения России

Для выявления степени экологизации общественного сознания необходимо определиться с рядом параметров, к каковым относятся:

1. Основные проблемы, беспокоящие россиян.
2. Уровень обеспокоенности россиян экологическим состоянием в месте их проживания.
3. Поведение россиян в быту как следствие экологизации сознания.
4. Отношение к экоНКО и готовность граждан к участию в их природоохранной деятельности.
5. Оценка россиянами природоохранной деятельности органов власти.
6. Устойчивое развитие в восприятии россиян и возможность его достижения.

Для проведения соответствующих социологических замеров нами был применен метод вторичного анализа результатов исследования трех социологических агентств, специализирующихся на проведении массовых опросов — ВЦИОМ, ФОМ и Аналитический центр Юрия Левады («Левада-Центр»). Основная часть этих исследований была проведена в 2000-е гг. Однако для сравнения приводятся показатели и более ранних данных.

Основные проблемы, беспокоящие россиян

Массовые опросы о проблемах, беспокоящих россиян сегодня, в разные годы показывают приблизительно одинаковую картину: экологическое состояние окружающей среды не является главным в рейтинге опасений наших граждан.

Причем в ответах на открытый вопрос, где экологическая проблематика не указывается как возможная позиция для ответа, она и вовсе не появляется.

Так, отвечая на открытый вопрос о самых главных проблемах страны (Вопрос: «Назовите, пожалуйста, главные, по Вашему мнению, проблемы современной России», Общероссийский опрос населения от 3–4 ноября 2001 г. 1500 респондентов)¹⁰, респонденты

¹⁰ См.: Поле мнений. Доминанты. 2001. № 042, 9 нояб. URL: <http://www.fom.ru/survey/dominant/310/760/2507.html> [Дата посещения: 01.08.20174].

называли проблемы экономики и безработицы (24%), низкий жизненный уровень населения (20%), отсутствие эффективного механизма государственного управления (16%), преступность и наркоманию (15%), войну в Чечне, межнациональные конфликты (14%), говорят даже о духовном кризисе (6%). Однако об экологических проблемах респонденты не упомянули ни разу.

Но экологическая тема появляется в случаях, если в предложенном перечне возможных позиций она представлена. Представляем результаты исследования «Левада-Центр», посвященного основным проблемам и тревогам россиян. Всероссийский опрос проведен 21–25 февраля 2014 г. В нем приняли участие 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах из 45 регионов страны. Выборка репрезентирует население России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов (начиная с 2006 г., с промежутком в один год).

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?** (в %) (рейтинг составлен по результатам 2014 г.)

ВАРИАНТЫ ОТВЕТА	2006	2008	2010	2012	2014
1. Рост цен	71	81	71	72	69
2. Бедность, обнищание населения	55	50	51	53	51
3. Рост безработицы	36	27	47	36	33
4. Коррупция, взяточничество	23	23	28	37	32
5. Кризис в экономике, спад производства в промышленности и сельском хозяйстве	31	31	36	33	29
6. Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	32	34	29	36	27
7. Кризис морали, культуры, нравственности	26	30	28	31	26
8. Недоступность многих видов медицинского обслуживания	30	33	27	27	25

9. Наплыв мигрантов	11	8	10	15	23
10. Рост наркомании	25	26	26	30	21
11. Рост платности, недоступность образования	28	26	16	18	17
12. Ухудшение состояния окружающей среды	20	23	21	20	16
13. Рост числа уголовных преступлений	29	23	20	17	14
14. Засилье, произвол чиновников	10	9	14	15	12
15. Угроза взрывов и других террористических актов в том месте, где Вы живете	12	7	6	9	12
16. Рост национализма, ухудшение межнациональных отношений	8	6	7	9	10
17. Слабость государственной власти	14	8	11	11	8
18. Теракты на Северном Кавказе	6	3	5	3	7
19. Грубость, жестокость работников полиции	8	6	12	9	7
20. Невозможность добиться правды в суде	5	5	6	7	7
21. Задержки в выплате заработной платы, пенсий, пособий и так далее	6	3	7	4	4
22. Ограничение гражданских прав, демократических свобод (свободы слова, печати, передвижения и других)	2	1	3	5	4
23. Конфликты между различными ветвями власти на различных уровнях	4	2	2	3	3
24. Рост заболеваемости СПИДом	7	7	5	5	3
Другое	2	2	2	2	2
Затруднились ответить	1	2	2	1	2

Источник: Исследование Левада-Центра: Основные проблемы и тревоги россиян в 2014 году. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий.
 URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/03/13/6627> [Дата посещения: 01.08.2017].

Как видим (Табл. 1), экологическая проблематика занимает среднее место в рейтинге, в зависимости от года опроса меняя позицию на +1–2 пункта. При этом устойчиво в первом десятке находятся те проблемы, непосредственно касающиеся большинства граждан (исключение, пожалуй, составляет только позиция «коррупция», которая при именно такой формулировке занимает 4-е место, а в формулировке «засилье, произвол чиновников» — лишь 14-е, с нашей точки зрения, респонденты не соединяют одно с другим, а позиционирование коррупции столь высоко вызвано влиянием СМИ).

Следует также заметить, что позиции ответов после «экологической безопасности» в основном носят несистемный характер (это в основном явления событийного порядка: теракты, жестокость работников полиции, невозможность выиграть в суде и др.).

Таким образом, именно экологическая проблематика закрывает список основных системных и потому устойчивых проблем в жизни россиян.

Уровень обеспокоенности россиян экологическим состоянием в месте их проживания

Характерно, что в вопросах о непосредственной среде проживания россияне выглядят гораздо более озабоченными ее состоянием, чем в общероссийском рейтинге проблем. Очевидно, сказываются их известность и влияние на жизнь каждого.

Проанализируем опросы по этой тематике «Левада-Центра» во временной ретроспективе. Опрос 2014 г. проведен 20–23 июня 2014 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%¹¹.

¹¹ Источник: <http://www.levada.ru/10-07-2014/ekologicheskie-problemy-i-bezopasnost> [Дата посещения: 01.08.20174].

Таблица 2. **Как вы оцениваете экологическую обстановку (чистоту воздуха и воды, уровень шума, состояние природы и т. п.) в том городе, районе, где вы живете?**

Оценка	июль 1991	апр. 1998	сен. 2000	май 2011	авг. 2012	май 2013	июнь 2014
Очень хорошая	3	5	5	7	3	3	4
Скорее хорошая, чем плохая	14	28	36	33	29	26	39
Скорее плохая, чем хорошая	33	37	38	43	46	49	40
Очень плохая	46	28	15	16	19	16	10
Затрудняюсь ответить	5	2	6	2	4	7	7

Как видим из Таблицы 2, особенно показательно здесь минимальное количество респондентов, затруднившихся ответить (от 2 до 7% в различные годы, практически в пределах погрешности). Во все годы совокупность ответов «Скорее плохая, чем хорошая» и «Очень плохая» постоянно превышает половину из числа опрошенных, то есть наблюдается общее осознание негативной ситуации.

Посмотрим, волнует ли граждан столь неблагоприятное положение с окружающей средой (см. Табл. 3).

Граждане абсолютно адекватно реагируют на осознаваемую ими экологически опасную ситуацию. Почти никто не затруднился с ответом (их еще меньше, чем в предыдущем случае). Не тревожит ситуация в общей

Таблица 3. **В какой мере вас тревожит состояние окружающей среды в вашем населенном пункт и его ближайших окрестностях?**

	март 89	сен. 90	май 11	авг. 12	май 13	июнь 14
Очень сильно тревожит	53	58	24	25	21	14
Скорее тревожит	27	34	49	49	52	50
Скорее не тревожит	8	4	13	14	11	15
Совершенно не тревожит	7	1	12	10	11	18
Затрудняюсь ответить	4	3	2	2	5	3

сложности двух позиций таблицы от 5 до 32% респондентов, причем заметим, уровень тревожности снижается в 2000-е гг. и достигает максимума в 2014 г. Однако в целом тревогу вызывает все же большинство опрошенных — в совокупности двух позиций это от 70 до 80%.

Что же беспокоит наших граждан в состоянии окружающей среды.

Таблица 4. **Что больше всего вас тревожит в части состояния окружающей среды в вашем населенном пункте и его ближайших окрестностях?** (в %% от числа тех, кого тревожит состояние окружающей среды; возможны несколько вариантов ответа)

	май 11	авг. 12	май 13	июнь 14
Загрязнение водоемов (реки, озера, моря)	50	59	54	52
Загазованность воздуха	48	52	52	51
Плохая, загрязненная питьевая вода	36	35	34	30
Антисанитарное состояние территории	30	36	30	27
Вредные химические вещества в продуктах питания	28	22	29	26
Изменение климата	24	22	21	23
Повышенный уровень радиации	13	16	17	17
Исчезновение лесов	19	15	16	16
Повышенный уровень шума	10	13	14	12
Отсутствие зеленых насаждений	10	9	9	11
Кислотные дожди	9	10	8	10
Обмеление водоемов, появление пустынь, нарушения водного режима	12	14	10	9
Исчезновение отдельных видов птиц, рыб, животных, растений, насекомых, или изменение растительного и животного мира	10	11	9	8
Непригодность воды для полива	3	3	4	3
Другое	1	2	2	2
Затрудняюсь ответить	2	3	5	3

Обращает на себя внимание прагматизм восприятия гражданами экологических проблем (Табл. 4). Первые два места занимают те из них, которые являются жизненно важными — состояние водных объектов и воздуха. На трех последующих местах в рейтинге находятся позиции, беспокоящие потребителя и зависящие в своем качестве не от самой природы, но от «производителя» — качество питьевой воды, продуктов питания и санитарной состояние населенных пунктов.

О последствиях экологических нарушений в восприятии граждан свидетельствует Таблица 5.

Таблица 5. **В чем конкретно проявляется ухудшение окружающей среды в вашем населенном пункте и его окрестностях?** (возможны несколько вариантов ответа)

	май 2011	авг. 2012	май 2013	июнь 2014
Ухудшается здоровье людей	59	59	62	56
Исчезают зеленые зоны	34	42	35	33
Растрачиваются природные богатства	33	28	31	30
Нарушается естественный порядок в природе	29	28	32	28
Сокращаются возможности для отдыха на природе	22	30	25	25
В чем-либо еще	7	7	5	3
Затрудняюсь ответить	6	11	9	10

Обратим внимание: приоритет устойчиво отдается ухудшению здоровья.

Поведение россиян в быту как следствие экологизации сознания

Если столь высоко осознание экологических проблем и их последствий в месте проживания, то справедливо ожидать, что поведение россиян в быту будет экологически ориентированным, по крайней мере, будет соответствовать уровню озабоченности. Так ли это?

Таблица 6. **Что из перечисленного вы обычно делаете, стараетесь делать для охраны природы, уменьшения вредного воздействия на нее?**

Виды деятельности	март 2013	май 2013
Выбрасываю мусор только в специально отведенных для этого местах	85	92
Собираю за собой мусор после поездок на природу	9	60
Участвую в субботниках, мероприятиях по уборке территории	32	39
Заменяю пользование автотранспортом на ходьбу, велосипед	7	7
Сдаю опасный мусор (лампы с ртутным наполнением, батарейки, старая электроника и т. п.) В специальные пункты приема	6	6
Отказываюсь от полиэтиленовых пакетов в пользу экопакетов / бумажных пакетов, хожу в магазин со своими пакетами, хозяйственной тканевой сумкой	4	4
Сортирую мусор (разделяю бумагу, металлы, стекло, пластик, пищевые отходы и т. п.)	3	4
Ничего из перечисленного	5	2
Затрудняюсь ответить	1	<1

Таблица 6 четко отображает, что люди делают то, что является сегодня для них доступным — первые три позиции. Следует предположить, что, если бы все остальное было организовано структурами управления на должном уровне, то и все остальные позиции таблицы выполнялись бы большинством населения. Представляется, что такая готовность граждан к соблюдению доступных экологических норм свидетельствует о поведении вполне адекватном уровню обеспокоенности экологическими проблемами.

Распределение ответов по типам населенных пунктов (см. Табл. 7) не демонстрирует четкой зависимости от этого фактора — рейтинг позиций соответствует в целом, а разница, вызванная местом проживания респондентов, незначительна.

Таблица 7. **Что из перечисленного вы обычно делаете, стараетесь делать для охраны природы, уменьшения вредного воздействия на нее?** (распределение по типам поселений)

Население в целом	Москва	Города 1 млн и более	Города от 250 тыс. до 1 млн	Города от 50 до 250 тыс.	Города менее 50 тыс.	Села, пгт	
85	73	89	90	83	86	84	Выбрасываю мусор только в специально отведенных для этого местах
49	47	58	53	54	50	40	Собираю за собой мусор после поездок на природу
32	16	23	26	27	40	42	Участвую в субботниках, мероприятиях по уборке территории
6	12	7	10	4	5		Заменяю пользование автомобилем на ходьбу, велосипед
6	11	6	5	9	5	5	Сдаю опасный мусор (лампы с ртутным наполнением, батарейки, старая электроника и т. п.) В специальные пункты приема
4	3	4	6	3	1	4	Отказываюсь от полиэтиленовых пакетов в пользу экопакетов / бумажных пакетов, хожу в магазин со своими пакетами, хозяйственной тканевой сумкой

3	3	4	2	1	3	6	Сортирую мусор (разделяю бумагу, металлы, стекло, пластик, пищевые отходы и т. п.)
5	8	5	3	8	3	5	Ничего из перечисленного
1	1	1	0	1	0	0	Затрудняюсь ответить

Таблица 8 демонстрирует все ту же зависимость: люди делают то, что им доступно. Можно констатировать, что дальнейшая экологизация поведения россиян в быту зависит от эффективности процесса управления.

Таблица 8. **Что из перечисленного вы обычно делаете, стараетесь делать для экономии природных ресурсов?**

Виды деятельности	март 2013	май 2013
Экономлю в быту воду, газ, электричество	73	82
Покупаю энергосберегающие товары, технику	37	40
Использую современные технологии теплоизоляции своего дома/квартиры	9	7
Сознательно покупаю вещи, сделанные из вторичного сырья (специальные салфетки, канцтовары и т. п.)	4	4
Использую альтернативное отопление (на основе солнечной энергии, тепловых насосов, биомассы, биогаза)	1	1
Ничего из перечисленного	14	9
Затрудняюсь ответить	1	2

Какие же факторы все же влияют на экоориентированное поведение в быту?

Таблица 9. **Чаще других экономят в быту воду, газ, электричество**

Население в целом	73
Люди 46–60 лет	79
Электорат Г. Зюганова	82
Люди старше 60 лет	86

Как видим из Табл. 9, чем старше люди, тем чаще они обращаются к такого вида экономии, и далеко не всегда это определяется именно экологическим мировоззрением, чаще – экономическими ориентирами (пенсии невысоки, экономить приходится на всем). Позиция в таблице «Электорат Г. Зюганова» также подтверждает возраст как основной фактор экономии (за КПРФ в большинстве голосуют граждане старшего поколения).

А вот энергосберегающие товары чаще других приобретают люди с достатком, о чем свидетельствует следующая таблица 10. При этом определенную роль здесь играют и уровень образования, и тип поселения.

Таблица 10. **Чаще других покупают энергосберегающие товары, технику**

Население в целом	37
Электорат М. Прохорова	44
Суточная интернет-аудитория	44
Доход свыше 20 000 руб.	45
Высшее образование	46
Жители городов от 50 до 250 тыс.	47

Общественное сознание современных россиян экологическим назвать можно лишь условно. Оно основано не на идеях охраны природы, но на прагматических ориентациях граждан, стремящихся жить в комфортной и здоровой окружающей среде. Недаром опросы показывают, что охрана живой природы, сохранение редких видов

животных и растений и т. п. занимают последние места в рейтинге озабоченности экологическими проблемами.

В результате очевидным становится факт, что ядром сознания российского общества по-прежнему является антропоцентризм, т. е. в центре внимания даже в связи с экологической обстановкой находится человек и его интересы.

Во-вторых, анализ опросов показал, что прагматизм в подходе к экологическим сюжетам реализуется на практике в соответствующем поведении: люди готовы выполнять экологически ориентированные действия, если для этого созданы условия. Сами же создавать такие условия они не готовы, да и возможности для этого отсутствуют. Более того, оказывать влияние на тех, кто этим обязан заниматься по роду профессиональной деятельности (или статусу), основная часть населения даже не планирует, хотя и понимает, что это необходимо. Этот процесс трудоемкий и длительный (т.е. затратный по времени), на это силы и время людей, чья жизнь в большинстве случаев направлена на выживание, тратить не рационально.

Наконец, последнее. В этой ситуации, как и все предыдущие годы, основными акторами экологически ориентированной активности остаются экологические общественные организации. Именно они являются носителями экологического сознания и осуществляют деятельность, направленную на взаимодействие с властями всех уровней и ветвей в целях оздоровления окружающей среды и охраны дикой природы. К сожалению, практически только от них сегодня зависит и экологическое просвещение, поскольку экология в программах средней школы (как, впрочем, и высшей) ликвидирована.

Однако следует понимать, что экологическое сознание не может быть сформировано без конкретных знаний, поскольку экологические проблемы чаще всего визуально не определимы, а потому непосредственного влияния на сознание не производят. В результате есть вероятность, что в будущем (даже ближайшем) массовые опросы будут демонстрировать иные результаты. При этом необходимо подчеркнуть — даже рост экологического сознания не означает возникновения идеи, которая может быть интерпретирована как мечта, для этого требуется либо слишком серьезное ухудшение условий жизни, либо активная пропаганда и просвещение, организованные государством. Усилий экологического движения для этого недостаточно.

Список литературы

Аксенова О. В. Социально-экологические последствия политического реформирования: от централизации к локализации экологической политики России // Россия реформирующаяся: Ежегодник 2005 / Отв.ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 296-317.

Аксенова О. В. Экологическая модернизация в условиях стабильного Запада и трансформирующейся России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М.: Институт социологии РАН, 2002. С. 39-46.

Государственная программа... Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг. // Официальный сайт Министерства природопользования и охраны окружающей среды. URL: http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=134258&spphrase_id=467540 [Дата посещения: 11.03.17].

Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения / Рук. авторского коллектива О. В. Аксенова, отв. редактор И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2006. 272 с.

Левченко Н. В. Влияние граждан на систему управления (на примере проблемы бездомных животных) // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С. 254-267. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2011_3.pdf [Дата посещения: 11.03.17].

Орешкина Т. А. Экологическое сознание населения в деятельности местного самоуправления (на примере старопромышленных городов Урала). Автореферат дисс. к.соц.н. // Официальный сайт ИС РАН. 2013. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=2770> [Дата посещения: 11.03.17].

Подлесная М. А. Социально-регуляторные функции СМИ в условиях формирования государственной экологической политики: автореф. дисс. к.соц.н. // Официальный сайт ИС РАН. 2006. URL: http://www.isras.ru/files/File/Avtoreferat/avtoreferat_Podlesnaya.pdf

Социокультурные основания деятельности современных российских неправительственных организаций. Информационно-аналитический бюллетень. № 1. М.: Институт социологии РАН, 2010. 59с. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/2010_1/inab_2010_01.pdf [Дата посещения: 11.03.17].

Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 6-11.

Халий И. А. Окружающая среда как фактор активности политических партий на местном уровне // Власть. 2014. № 1. С. 27-31.

Халий И. А. Современные общественные движения. Инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. 298 с.

Халий И. А. Экологическое движение в Советском Союзе: самоорганизация экологов-профессионалов // Вестник Института социологии. 2012. № 5. с. 61-69. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2012_5.pdf [Дата посещения: 11.03.17]

Халий И. А. Этапы взаимодействия российского экологического движения с властями // Политическая наука. 2010. № 2. С. 132-157.

Раздел IV Православие в России: активность в условиях социальных перемен

Глава 1. Инновации в традиционной активности приходов РПЦ

Направления деятельности в православных приходах в России

Все многообразие деятельности приходов Русской Православной Церкви можно разделить на два вида: богослужebная и внебогослужebная. Внебогослужebная деятельность православных приходов сильно зависит от специфики социальной среды, в которой приход находится — городская/ сельская, центр города, его окраина, малый, средний город и т. д. Поэтому можно говорить о множестве как типов приходов, так и видов их внебогослужebной деятельности. Хотя нельзя не отметить, что Управление делами Московского Патриархата несколько лет назад расставило определенные акценты в социальной деятельности православных приходов, выделив в качестве наиболее важных на сегодняшний день — катехизаторскую, организацию работы с молодежью, социальное служение.

Но ими отнюдь не исчерпывалась ранее и не исчерпывается теперь внебогослужebная приходская деятельность, она значительно шире.

Образовательная деятельность на приходах. Традиционно, одним из важнейших видов внебогослужebной деятельности является образовательная деятельность на приходах, она всегда была чрезвычайно важной, и катехизация, конечно же, является ее целью. Образовательная деятельность в приходах касается как людей старших возрастов, так и подрастающего поколения, и это ее специфика, заключающаяся в работе с людьми самых разных возрастных когорт.

Традиция приходской образовательной деятельности в России уходит своими корнями в глубокую древность, начиная с Ярослава Мудрого, с именем которого связано появление при храмах и монастырях образовательных практик. Он был тем, кто стоял у истоков приходского образования, активно взаимодействуя в этом смысле с представителями самой Церкви. И надо сказать, что и в дальнейшем, во времена гораздо более поздние, даже не столь далекие —

XIX в., совместные усилия государства и Церкви в этой области имели место быть. Например, церковно-приходские школы были важнейшим звеном в образовательной деятельности на просторах Российской Империи, и значительная часть населения получала свое первое образование именно благодаря им.

В настоящее время при каждом храме, а если нет возможности, то и в самом здании храма, ведется приходская образовательная деятельность, и ей уделяется большое внимание. В свою очередь, приходское образование можно разделить на два вида: 1. общее с религиозной компонентой, 2. религиозное образование (воскресные школы для детей и взрослых, огласительные беседы и т. д.).

Как правило, если говорить о типичной ситуации, образование и воспитание — одна из самых важных забот женщин на приходе. Обычно, это учителя школ, которые продолжают свою профессиональную деятельность уже в новой среде и с новыми задачами в рамках приходских общеобразовательных и воскресных школ.

Надо сказать, и это важный аспект, религиозное образование в приходах, особенно с недавнего времени, ведется именно в этих двух направлениях, и теперь это не только воскресные, но и православные начальные, общие, и полные средние школы. Это новое явление — очень важное и очень интересное.

Развитие приходской образовательной деятельности выразилось в появлении очень мощного, возглавляемого известным и авторитетным епископом¹², Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви¹³, который координирует работу многочисленных образовательных учреждений как воскресных, так и общеобразовательных школ. Вместе с этим идет очень важный процесс стандартизации религиозного образования, в том числе появились стандарты воскресных школ. Известно, что некоторая часть приходских общеобразовательных школ получала финансирование от государства в соответствии с числом учащихся. Это, конечно, в значительной степени было меньше того, что получает муниципальная общеобразовательная школа,

¹² Митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий (1964 г. род.).

¹³ Основан 1 февраля 1991 года. Сайт Отдела: pravobraz.ru

тем не менее поддержка государства имела место быть. Сейчас эти проблемы достаточно острые и плохо решаемые, и церковь видит как одну из своих главных задач получение государственной поддержки церковному общему школьному образованию.

Организация работы с молодежью. Если говорить об организации работы с молодежью на приходах, то очевидно, что мы живем сегодня в совершенно новой для нас ситуации: Православная церковь становится церковью миллионных городов, а не церковью деревень, как это было преимущественно в советское время. И второй в связи с этим аспект — она все более становится церковью, связанной с молодежью, причем образованной молодежью. Пока это не абсолютные данные, но тенденция в этом направлении очевидна.

Поэтому организация работы с молодежью является сегодня одной из главных задач церкви, и на приходах существуют самые разнообразные виды этой деятельности, от организации досуга молодежи в интересных для современного городского человека формах, до весьма экзотичных. Это балы традиций конца XIX в., научно-образовательные паломничества на Святую Землю, крестные детские ходы, палаточные летние лагеря, мотокружки для юношей, флористика на приходах для девочек, школы живописи, рисования и т. д. То есть то, что раньше было заботой школ искусств, дворцов пионеров, заводских дворцов культуры, где традиционно собиралась молодая интеллигенция, организуя свой досуг, связанный с любимой литературой, музыкой, живописью — постепенно все это стало появляться в церковной внебогослужебной деятельности приходов. Можно сказать, что с закрытием всех означенных выше организаций православные приходы во множестве своем взяли их функции на себя.

Причем, заметен рост межприходской активности в этом направлении, как правило, ресурсов одного прихода для организации затратных молодежных мероприятий бывает недостаточно, поэтому появляются межприходские проекты. Очень часто, кстати, они не связаны напрямую с иерархическими структурами церкви такими, как благочиние и епархия, а возникают на уровне мощных горизонтальных связей — православных межприходских молодежных инициатив.

Социальное служение. Что касается социального служения, то здесь наиболее традиционным видом деятельности является помощь пожилым и малоимущим прихожанам, которых всегда на приходах было большинство. И это несмотря на то, что молодежи на приходах действительно стало больше, но очевидно, что молодежь все-таки не является подавляющей частью приходской структуры. Поэтому социальная работа на приходах была и остается одним из востребованных направлений приходской внебогослужебной деятельности.

Новым направлением как в приходской, так и межприходской деятельности сегодня является помощь инвалидам. Причем, это не просто помощь пожилым людям, одиноким, требующим соответствующей заботы — вымыть окна, принести хлеба, а это зачастую именно специфическая активность, требующая специальных медицинских знаний, и связанная с жизнью детей-инвалидов, малоподвижных групп инвалидов, аутистами и т. д. Ухудшающееся в целом здоровье населения России оказывается чертой и жизни современных прихожан, что вызывает востребованность соответствующих знаний и практик в приходах. И здесь мы снова можем наблюдать такое новое, пока малоописанное явление современного общества как межприходское взаимодействие, межприходская активность.

Межприходская активность явление вообще уникальное и связано с интенсивностью коммуникаций в городской среде в целом, и с большим числом контактов православных из разных приходов в частности. Конечно, для XIX в. в том масштабе, как это присутствует теперь, это было невозможно, тогда приходская жизнь была территориально локализована¹⁴. В крупных же городах коммуникации налажены, они интенсивны, и поэтому найти по интересам людей оказывается значительно проще. Поэтому межприходская активность — явление прежде всего современных городов-миллионников, с их развитыми связями и коммуникациями, которые в значительной степени востребованы образованными горожанами.

¹⁴ Хотя и в конце XIX века известны весьма мощные межприходские инициативы, как, например, благотворительная ярмарка «Белый цветок», организованная Императорскими домами (в том числе Датским) и прихожанами московских храмов в связи с борьбой с туберкулезом.

Отсюда, мы наблюдаем появление сложных сетевых структур — и в молодежной, и в социальной приходской работе. Причем наиболее эффективными становятся преимущественно «слабые связи» [Грановеттер 2009].

Благотворительность в приходах. Благотворительность в приходах касается все-таки незначительной части прихожан, тех, кто являются состоятельными людьми. На их плечи во многом ложатся попечения о самом приходе (его благоустройстве, ремонте и т. д.) и обо всех многочисленных проектах прихода. В зависимости от того, где располагается приход, таких людей либо больше, либо меньше. Понятно, что приход, окруженный дачными коттеджами, будет иметь таких прихожан больше, а приходы окраин связаны с одним, двумя такими прихожанами, и подобная связь главным образом будет осуществляться через священника.

Поддержка благотворительной деятельности со стороны прихожан заключается в традиционных, как правило, небольших «кружечных» и «свечных» сборах, которые, конечно, помогают, составляют некоторую часть финансовых возможностей прихода, но они скорее закрывают некие текущие проблемы, нежели позволяют расширить и умножить внебогослужбную активность.

Сам приход коллективно часто выступает в роли благотворителя. Сегодня это часто бывает так в отношении домов престарелых, детских домов, приютов, медицинских учреждений. И здесь, когда речь идет о такого рода помощи, благотворительность связана не с большими материальными затратами, а скорее с вниманием, заботой, небольшой материальной помощью, которая уже зависит от возможностей рядовых прихожан, от их небольших вложений в это.

Какие-то акции, конечно, требуют больших вложений, тогда нужен спонсор, например, для покупки одежды и медикаментов. А когда требуются просто знаки внимания, например, пасхальные куличи, какие-то небольшие подарки, то это обходится, как правило, собственными взносами, собственной активностью, участвующих в этом прихожан.

Одним из распространенных видов благотворительности церкви в целом в последнее время является общеприходской сбор для различного рода помощи – беженцам с юго-востока Украины, жителям Донбасса, в помощь пострадавшим от наводнения и пожаров и т. д.

Как правило, подобный сбор помощи осуществляется священниками храмов по инициативе и обращению самого патриарха.

Тюремное служение. Россия относится к тем странам, которые имеют одни из самых высоких показателей по числу тех, кто находится или уже отбыл свой тюремный срок в местах лишения свободы¹⁵. Причем, группу тех, кому нужна различного рода помощь, составляют не только те, кто отбывают свой срок, но и те, кто их обслуживают, охраняют. Таким образом, в этом смысле «за решеткой» в России оказывается огромная масса населения. Поэтому уменьшить значение деятельности приходов по тюремному служению просто невозможно. Сегодня понимание сложности ситуации в Церкви становится все более ясным. И одним из видов оказываемой помощи в этом направлении является написание писем: целые монастыри, приходы вступают в переписку с заключенными. В одном из интервью с настоятельницей монастыря, который оказывает такого рода помощь, отмечалось, что «в тюрьмах страшная ситуация — люди не могут пересидеть свои сроки, не выдерживают, отношение охранников бесчеловечно, они стравливают их, убивают, насилуют, люди выходят из тюрем морально и духовно опустошенными».

Главное, что делают церковные люди в этом смысле — это, во-первых, беседы с заключенными, во-вторых, обеспечение их литературой, которая могла бы удовлетворить их духовные запросы, и в-третьих, это помощь небольшими, достаточно скромными, но важными для заключенных подарками к праздникам. В настоящее время уже много есть свидетельств того, как упоминаемые нами письма существенно меняли ситуацию к лучшему, как это поддержка связи с внешним миром облегчала в дальнейшем и саму адаптацию заключенных по завершении срока. Правда, здесь иногда возникают и проблемы, связанные с тем, что не всегда в полной мере писавшие заключенным письма прихожане могут оказать материальную или иную адаптационную помощь по их выходу из мест заключения. Поэтому чаще всего тюремное

¹⁵ Согласно данным исследования ICPS, проведенного в 2015 ., Россия занимает девятое место в списке таких стран, на 100 000 человек населения в ней приходится 46 заключенных. Для сравнения: в США таковых 698 человек.

приходское служение ограничивается психологической поддержкой. В качестве примера более существенной помощи на этапе адаптации отбывших свой срок можно вспомнить так называемое «Шигровское братство» — артель церковных резчиков по дереву, которая набиралась и состояла как раз из бывших заключенных. Еще одним таким примером является актив прихода с. Ознобишево Каширского района, который возник в результате того, что настоятель храма стал принимать к себе безбилетников, освободившихся из мест заключения, которые сходили на конечной станции этого небольшого поселка.

Служение при больницах. Подобное служение осуществляется в нескольких видах: первое, это поддержка больных прихожанами во время различных церковных праздников — посещение больниц с подарками, проведение небольших концертов, колядования; второе, наиболее важное и уже институционализированное, организация приходов при больницах. Очень важная активность, которая вылилась в формирование таких традиционных, с одной стороны, и новых для современного общества, с другой стороны, институций, как сестры милосердия.

Это выразилось в том, что на сегодняшний день есть отдельные училища сестер милосердия¹⁶, есть и отдельные группы в светских училищах, вузах¹⁷, в которых готовят сестер милосердия. Последние примеры не очень распространенные, но они есть, то есть попытки готовить не только медперсонал, но и людей сочувствующих, способных оказать заботу и иного плана. Как правило, сестры милосердия задействованы там, где есть тяжелобольные, лежащие больные, требующие за собой долгого и кропотливого ухода, которые нуждаются уже не столько в медикаментозной помощи, сколько в моральной, духовной, эмоциональной поддержке в трудные для них минуты. В этом смысле сестры милосердия, принципом деятельности которых является любовь к ближнему, оказываются наиболее эффективными и востребованными.

¹⁶ Например, можно вспомнить Свято-Димитриевское училище сестер милосердия г. Москвы.

¹⁷ Есть опыт подготовки сестер милосердия на базе Ульяновского государственного университета.

Помощь многодетным семьям, работа с семьями. Не случайно, что не так давно¹⁸ в качестве одной из структур Русской Православной церкви появилась Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства, которую возглавляет широко известный протоиерей Дмитрий Смирнов. Совершенно очевидно, что в России существует серьезная демографическая проблема, проблема депопуляции населения. До недавнего времени она была еще такой, когда выхода из ситуации никто не видел. Сейчас говорят о некоторых наметившихся небольших сдвигах, но с другой стороны, тем, кто об этом заявляет, всегда возражают, так как эта динамика настолько ничтожна, что она легко опровергаема. Церковь, видя, насколько эта ситуация опасна для будущего страны, занялась проблемами многодетных семей, помощью одиноким матерям, их детям на приходах. В качестве наиболее интересных и значимых проектов в этом направлении можно вспомнить: создание и открытие кризисного центра «Дом для мамы», который не только предоставляет приют для женщин с детьми, но и оказывает гуманитарную помощь матерям, оказавшимся без средств к существованию; реализацию благотворительной программы «Продукты в помощь маме», в ходе которой нуждающиеся семьи получают бесплатные продуктовые наборы; ежегодные международные фестивали поддержки семьи, материнства и детства «Счастье в детях» и мн. др. Инициатив в этом направлении столь много, что они с трудом поддаются перечислению. Что же касается сугубо приходской деятельности в этом направлении, то это прежде всего помощь многодетным семьям, которая приобретает формы пожертвований, дарообмена (когда отдаются или меняются уже вышедшие из каждодневного употребления вещи — одежда, коляски и т. д.), взаимовыручки в бытовых и хозяйственных нуждах, например, прихожане вызываются погулять с кем-то из детей, приготовить обед или ужин, помочь многодетной маме сходить с детьми в детскую консультацию, к врачу и т. д. Причем, процесс дарообмена носит циклический характер (например, вещи среди многодетных семей

¹⁸ Создана в 2011 г. в целях разработки и осуществления системного комплекса мер по преодолению кризиса семейных ценностей в обществе и церковной поддержке семьи.

отдаются и возвращаются), а даритель не всегда известен (например, как в тех случаях, когда отдающий желает сохранить анонимность в соответствии с новозаветной заповедью о творении добра тайно). Таким образом, дарообмен в приходах не всегда имеет даже символическое подкрепление.

Приходское служение в культурной жизни страны. Новый и интересный вид внебогослужебной активности церкви — это участие ее институций в культурной жизни страны. В 2010 г. был создан Патриарший совет по культуре, который возглавляет епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов).

Ярчайшие примеры приходской деятельности в этом направлении — это литература православных священников и мирян, которой столь много в малых формах, что она составляет отдельное направление современной православной прозы. Продажа православной литературы на приходах, в том числе современной православной прозы, составляет также один из видов деятельности православных общин.

Помимо православной литературы, широкое распространение получили многочисленные выставки, в том числе нашумевшие исторические выставки в Манеже, организованные силами насельников и прихожан Сретенского монастыря. Более скромные, локальные, на уровне приходов, благочиний, межприходской активности, такие выставки проходят все время, на них выставляются детские и взрослые рисунки.

Еще одним ярким примером такой внебогослужебной приходской деятельности является православное кинематографическое движение, которое представлено рядом православных кинофестивалей¹⁹. Несколько лет тому назад таких кинофестивалей было всего 3–4, сегодня это более десятка. Они конечно не столь известны, как Московский международный кинофестиваль, но тем не менее

¹⁹ Например, международный православный благотворительный кинофестиваль «Лучезарный ангел», который проходит в Москве с 2005 г., председателем оргкомитета которого является Светлана Медведева. Начиная с 2007 года факультет социальных наук ПСТГУ проводит на этом кинофестивале ежегодный массовый опрос зрителей, фиксируя изменения их социально-демографических характеристик, ценностных предпочтений. Официальный сайт кинофестиваля: <http://luchangela.ru/>

собирают кинематографистов, зрителей, и так называемое «доброе кино», — кино с иным ценностным потенциалом, — действительно постепенно возвращается²⁰. Примечательно, что в организации и распространении информации о подобных кинофестивалях также задействованы прихожане храмов.

На подобных кинофестивалях, перед началом их основной работы, как правило, проходит ретроспектива советских фильмов, которые с удовольствием смотрит как старшее, так и молодое поколение зрителей. Так сохраняется не только преемственность, но и не происходит противопоставления, отрицания советского прошлого страны.

Возможности всех перечисленных видов активности, с точки зрения их востребованности, весьма значительны, с точки зрения ресурсов, которые имеет церковь, они, конечно, невелики. Но по причине того, что вокруг церкви сегодня появилась некая часть прихожан, имеющая финансовые возможности, то постепенно эти возможности становятся мощной поддержкой в том числе в культурологическом плане, и не только в смысле реставрации храмов.

Есть ли в России что-то похожее на «апостолат мирян»?

Да, есть, более того, установка самой церкви такова, чтобы расширять и возрождать забытые формы «апостолата мирян», то есть участия мирян в деле миссии и церковного просвещения. Например, уже сегодня осуществляется попытка возродить проповедь мирян после или во время Литургии, которая активно практиковалась древней церковью, но к VII веку решением Трулльского собора была отменена. Известно, что подобная практика тем не менее имела место быть и в XIX веке, и даже в веке XX, например, в лице академика С. Аверинцева, облаченного в стихарь и благоговествующего в храме.

В настоящее же время подобный вид деятельности «апостолата мирян» возрождался и практиковался прот. Андреем Ткачевым и его прихожанами, которые создали на Украине клуб проповедников.

²⁰ Девизом кинофестиваля «Лучезарный ангел» является: «Доброе кино возвращается».

Теперь этот клуб, в связи с переводом прот. Андрея в Москву, перенесен в Киево-Печерскую Лавру. За несколько лет существования клуба были отлично подготовлены для проповеди пономари, многие из которых уже стали священниками.

Если говорить о других формах «апостолата мирян», которые уже сегодня успешно реализуются, то это работа церковных учебно-просветительских центров и высших учебных заведений таких, как Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российский православный университет, подготовившие тысячи мирян к катехизаторской работе. Из «апостолата мирян» учителей, например, родился курс «Основы православной культуры», что стало теперь общенациональным явлением. Подобное оказалось возможным, в том числе благодаря тому, что на базе Московской духовной академии в течение уже 10 лет действуют Высшие богословские курсы для мирян, как в заочной, так и вечерней форме (для проживающих в Москве), которые за это время подготовили тысячи катехизаторов, миссионеров, педагогов ОПК из самых разных регионов России. Встречи, общение на этих и подобных им курсах в свою очередь дали толчок к появлению профессиональных профессиональных сообществ и ассоциаций — учителей, православных врачей, литераторов, ученых и т. д., которые так же смогли организовать православную миссию в виде многочисленных региональных, общероссийских и международных конференций, форумов. Например, уже не первый год и не только в России (последняя конференция проходила в Греции) проходит международная конференция, организуемая Объединением православных ученых²¹.

Уже сегодня появилась целая плеяда замечательных церковных публицистов, аналитиков, ученых, сектоведов, историков, не носящих духовного сана, но имеющих глубокие знания и желание служить Церкви. Усилиями активных мирян зазвучало православное радио, появилось, как уже отмечалось выше, «православное кино», активно развиваются православные сообщества в социальных сетях и интернете²². Причем, подобная тенденция — все больший допуск

²¹ Сайт Объединения православных ученых: <http://www.ortsci.ru/>

²² В марте 2016 г. в ИС РАН была успешно защищена кандидатская диссертация Писаревского В. Г. по теме изучения православных сообществ в интернете [Писаревский 2016].

мирян к церковной просветительской деятельности, очевидно, усиливается, о чем свидетельствуют в том числе недавние назначения А. Щипкова и В. Легойды на важнейшие церковные должности.

Если говорить о цели «апостолата мирян» на приходском, повседневном уровне, то это, конечно, нести слово Божие в мирскую среду, опираясь главным образом на пример своего личного служения. То есть это не священник, ни клирик, который идет напрямую с проповедью, а человек, который личным примером показывает, кто такой христианин и на этой основе задает некий вектор для окружающих людей, в каком направлении можно двигаться. Он не передает некоторую систему знаний, а закладывает скорее вектор движения, и человек, начинающий двигаться в этом направлении, приходит в храм. Именно там, на Литургии, в постлитуургических беседах осваиваются им уже и смысловые основы христианского учения. Таким образом, для большинства прихожан не явить христианское учение в полноте знаний, а скорее заинтересовать и показать его в своем образе, дело клириков уже научить. Хотя в последнее время предпринимаются попытки привлечения непосредственно самих прихожан и к обучению неопитов, что стало возможным благодаря огласительным беседам перед таинством крещения, ставшими в последние годы обязательными.

В качестве проблемных зон развития «апостолата мирян», наверное, можно выделить:

1. закрепившийся в сознании многих прихожан и даже отдельных клириков стереотип, что церковные структуры исключительно иерархичны и забывающих о принципе соборности, заповеданном апостолами;

2. на границе взаимодействия конфессионально ориентированных профессиональных сообществ и сугубо светских организаций не всегда возникает взаимопонимание, и есть пока лишь отдельные примеры хорошего сотрудничества;

3. это вообще та область, где многое зависит от духовников, от взаимопонимания внутри общин, так как совместные действия происходят не по какому-то стандарту, а на основе некоторого душевного взаимного влечения, что указывает и на несколько иной подход к управлению.

Волонтерская деятельность РПЦ, или государственно-церковное партнерство

Многие приходские виды внебогослужебной деятельности, названные и перечисленные выше, во многом есть ничто иное, как волонтерская работа, так как осуществляются безвозмездно, по сердечному желанию помощи и блага другому/другим. Причем, подобная практика — это не явление нынешнего времени, приходская помощь другим существовала с самого момента зарождения церкви. В зависимости от времени и внешних условий в большей или меньшей степени, и то, что сегодня этому уделяется особое внимание, свидетельствует лишь о том, что на этом сделан акцент патриархом, к этому располагают внешние и внутренние условия.

В качестве наиболее известных церковных, но не сугубо приходских волонтерских проектов, можно назвать «Общее Дело. Возрождение деревянных храмов Севера», курс «Основ православной культуры», который начинался исключительно как волонтерская инициатива учителей и лишь впоследствии приобрел статус государственного, общенационального значения. Причем, само развитие последней инициативы можно рассматривать и как государственно-церковное партнерство, потому что когда был введен региональный аспект и многие школы выступили экспериментальными площадками по апробации курса, это приняло формы государственно-церковного сотрудничества. И оно было весьма действенным. Интересно, что впоследствии, начатый как волонтерская инициатива православных учителей, курс ОПК стал исключительно государственным проектом, церковь ушла из него, причем, сделали это совершенно сознательно. То есть люди церкви начали это, в партнерстве с церковью это развивалось и сейчас это все перешло под государственный контроль. Дошло до того, что сегодня церковные люди не имеют право, а священнослужители прежде всего, входить в аудитории, где преподается ОПК. Причем, подготовка педагогов по этому курсу идет исключительно в государственных образовательных учреждениях, например, с какого-то момента стало невозможным прохождение подобного обучения на епархиальных курсах. То есть церковь из этого партнерства вытеснили, государство монополизировало эту сферу, и это один из возможных и не самых редких сценариев взаимодействия государства и церкви.

В области военно-вооруженных сил Церковь также выступала как инициатор — многие годы священники не получали зарплат за свое служение в армейской среде. То есть их основным местом служения были приходские храмы, а в частях и военных подразделениях российской армии они появлялись только потому, что эти части или подразделения находились рядом с их приходами. Действовали они по собственной инициативе, никакой поддержки при этом не получая. Ресурсы для работы с военнослужащими изначально черпались за пределами армии, вне помощи государства. И это была уже инициатива не мирян, а именно священников.

Сам же институт капелланства в России в ее новейшей истории стал формироваться всего несколько лет назад, и подобное формирование можно назвать еще одним примером государственно-церковного партнерства, которое пока остается действенным и непрерывным.

Если говорить о присутствии священников в армии, то очевидно, что Церковь сегодня оказывается в этом смысле безальтернативной структурой, которая позволяет армии существовать как единому целому. Так как в армии по определению не может быть многозначности, там есть приказ, который нужно выполнить, зачастую преодолев себя, церковь с ее моральной и духовной силой в этом смысле оказывается государству крайне полезной, нужной. В школе же церковь существует в условиях многополярности, поликонфессиональности, многозначности, полипарадигмальности, поэтому заинтересованность государства в Русской Православной церкви здесь становится уязвимой.

Отношение в православной среде к программе строительства новых храмов (плюсы и минусы)

Отрицание строительства храмов нет, есть минусы в том, как это ведется. Что такое храмы в Москве? Это совсем небольшой центр и огромные соборы в нем, и окраины, которые прежде представляли собой помещичьи деревни. Храмы в них были рассчитаны на небольшие села. Сейчас эти храмы на окраинах стоят окруженные домами, в каждом из которых проживает по численности все население деревни, на которое в прошлом был рассчитан этот храм. Таких домов вокруг этого храма теперь тысячи, и поэтому во все общецерковные праздники подобные храмы стоят переполненными.

Часто можно слышать такое мнение, что строительство храмов излишне, так как многие из них затем пустуют. Наши исследования по Европе показали, что православные храмы пустуют и там, особенно в будние дни, все православные храмы рассчитаны на субботние и воскресные дни. В будние дни люди молодых и средних возрастов работают, и в храмах по будням в основном собираются пожилые, причем по своим немощам не все и не регулярно. Именно старики и не занятые на работе люди составляют основную часть молящихся в будни, а в субботу и особенно в воскресенье ситуация меняется на прямо противоположную. И если храмы были бы в шаговой доступности, и не надо было бы ехать на метро, то эти храмы не пустовали бы, по воскресным дням они были бы наполнены. Причем, храму обязательно нужно рядом стоящее, отдельное здание, где могла бы вестись внебогослужебная деятельность, где могли бы собираться дети и взрослые для проведения приходских мероприятий. И здесь можно было бы согласиться с тем, что ситуация, когда бы дом причта был бы не заполнен, могла бы показаться странной, так как говорила бы о том, что сама общинная жизнь слаборазвита. Поэтому храмы, как только будут появляться, они постепенно будут и наполняться, но понятно, что в естественной форме, а не так, как кинотеатры, по расписанию.

Если говорить о том, как относятся к строительству храмов в православной среде, то, конечно же, положительно, но с пониманием того, что у каждого храма должен быть свой путь, и процесс его наполнения своими прихожанами не одномоментный. Люди, конечно, должны созреть до этого: от маленькой общинки из десяти человек до одной сотни и более причащающихся еженедельно прихожан. Это тот путь, который община этого нового храма должна пройти, поэтому приходиться через неделю и спрашивать, сколько у вас посетителей храма, это вопрос неадекватный. Община храма будет формироваться во времени, поэтому исследовательские замеры должны быть также временные: храм открыли, так он выглядел через год, через два, пять лет. Только тогда можно было бы говорить о его пути и о том, как оценивается открытие храма самими православными верующими.

Что негативного? Негативный момент связан, как правило, с тем, что храмы создаются не в прямой связи с формированием общины.

То есть существует отдельно процесс храмоздания, но кто его создал, для кого, каково отношение окружающих к созданию этого храма — не понятно, и есть отдельный от этого процесс формирования общины. Почему в таком случае возникает отрицательное отношение? Потому что тогда храм это нечто приходящее извне в социальную среду той локальной территории, на которой этот храм возводится. Совсем другое дело, когда храм возникает в соответствии с нуждами, интересами, с поддержкой и инициативой со стороны жителей этой территории. Когда приходит священник, и вокруг него собирается сначала несколько человек, потом несколько десятков прихожан, которые начинают богослужения, молебны, какую-то деятельность с окружающей их социальной средой, а параллельно с этим строится храм. Тогда, когда храм достраивается, двери его распахиваются и в него входит уже не батюшка с кадиллом, а сотня прихожан, которые вместе молились, служили, трудились, отдыхали.

В реальности же есть проблема, так как часто строящийся храм возникает не в прямой связи в окружающей его социальной средой. И в этом смысле не хватает целенаправленной деятельности настоятелей будущих храмов с этой социальной средой. В качестве наиболее яркого примера того, как это могло бы быть, можно вспомнить наш исследовательский опыт в Греции, когда в одном из интервью с митрополитом мы узнали, что храмы в Греции строятся, начиная с цокольного (подвального) этажа, который в первое время является храмом, а затем, когда силами появляющихся прихожан возводится верхний храм, превращается в помещения причта, где есть трапезная, комнаты воскресной школы, актовыв зал и т. д. То есть храм должен вырасти молитвами людей, которые в нем собрались, а сама социальная среда созреть.

Отношение в приходах к традиционным ценностям и защите прав верующих

Надо сказать, что в России в целом до сих пор традиционные ценности являются доминирующими. Однополое партнерство, эвтаназия, женское священство и т. д. в России как выражение определенных убеждений плохо приживаются. Россияне не толерантны по отношению к этим ценностям. Безусловно, и в приходах подобные явления современности вызывают неприятие и внутреннее сопротивление.

То, в какой степени и каких формах это имеет место быть, требует отдельного исследования, которого мы не проводили, поэтому трудно сказать, как это проявляется в действительности. Здесь можно поделиться лишь своими личными наблюдениями и размышлениями.

Наверное, первый прецедент, который вообще заставил задуматься, говорить, особенно молодых православных верующих, о том, как же относиться к различным формам проявления нетрадиционного в мире, стала та провокация, которая была устроена в храме Христа Спасителя группой PR. Хотели того или нет, но участницы PR вызвали к серьезному дискурсу сложные нравственные дилеммы, касающиеся в том числе вопросов веры среди молодого поколения верующих, не знавших гонений, воспитанных во вполне тепличных условиях. В результате, возникли дискурсы, в том числе в социальных сетях, о том, что считать кощунством, как на него реагирует Библия, что говорят об этом современные священники, как могу ответить на подобный вызов лично я. На этой волне была масса публикаций и обсуждений, которые едва ли подверглись сколь-нибудь серьезному анализу. Впоследствии, подобные или схожие этому случаи уже не вызвали такой бурной реакции, так как во многом верующим удалось получить соответствующие ответы, которые предложили и священство, и патриарх. В основной своей массе подобные события стали восприниматься не более, чем провокацией.

Кроме того, стоит различать несколько форм воздействия — информационный повод и силовое политическое воздействие. Информационных поводов за последнее время было слишком много, поэтому к ним уже привыкли и научились с ними справляться, а то, что касается силового воздействия, то здесь еще не было прецедента (по крайней мере в новейшей истории России). В основной же своей массе православные верующие к подобным внешним вызовам чаще всего индифферентны. Связано это с несколькими причинами. С одной стороны, большая часть верующих не вполне осознает и понимает своей веры и поэтому не готова что-то отстаивать, с другой, само христианское учение не является воинствующим, несущим в себе конфликтный потенциал, поэтому другая часть православного сообщества — глубоко воцерковленные не готова также что-то отстаивать и отвечать насилием на насилие. Объединение и консолидация происходят в выборе жизненных

ценностей, в понимании того, что есть истина. Например, «путинское большинство» — это преимущественно люди православные, они позитивно оценивают прошлое нашей страны, связывают это прошлое с православием, идентифицируют себя с этим. Они восприняли из слов и выступлений Путина В.В. мотивы и патриотические, и православные, и именно на этой почве сошлись. Традиционалистское «православное большинство» России, эти 60–80% (по разным данным носителей православной идентичности) — это и есть избиратель В. В. Путина. Когда дело касается выбора, то они делают выбор правильный, в том смысле, что это выбор в пользу этих православных традиционалистских ценностей. Это же касается и массового героизма, феномена, который не зафиксирован в другой стране. Годы ВОВ тому свидетельство, когда подвиг одного повторяли сотни других. Происходило это потому, что в основе есть принцип «забыть себя ради других»...Причем, других в самом широком смысле этого слова. Отсюда и то, что вспоминая ВОВ, слушая воспоминания, часто приходится слышать о самоотверженности русского народа. А что есть самоотверженность? Отвержение себя, отказ от своего, — это глубоко христианский, православный принцип. В итоге сложился некий психотип, который выражается в таком необычном поведении, в самоотверженности в условиях военных опасностей. Это тоже основание для консолидации.

Могут ли служить источником политической мобилизации? Политической — да, выраженной, например, в гражданской ответственности на выборах. С флагами, с транспарантами православные верующие ходить не любят. Почему? Потому что есть внутренняя установка «мне надо с Богом быть, а не с людьми». «Положить душу за други своя» — это личностное отношение, есть некто конкретный, за кого я отдаю свою жизнь, массовое шествие этого личностного отношения не предполагает. Отсюда сопротивление. Масса рождает общее сознание, близкое к животному состоянию — не к человеческому, не к божественному, а к звериному. Масса действует, как зверь. Поэтому политическая мобилизация верующих возможна исключительно на чувстве соборности, которое в отличие от коллективизма, не стирает индивидуальности каждого и предполагает совместную молитву, совместное предстояние перед Богом.

Связь РПЦ с российской идентичностью, межконфессиональными отношениями, внутренней и внешней политикой

Можно говорить о трех формах подобного рассмотрения — в молитвах богослужений, в проповеди священника и в неформальном общении прихожан.

Все три мотива, конечно же, звучат в проповеди священника, но они вторичны по отношению к главной, центральной линии проповеди. Акцент делается на духовной жизни прихожан, на мысли о спасении и т. д. Это главное. Но изредка все три мотива все-таки затрагиваются. Например, когда началась война на Украине, то во многих приходах звучали проповеди ярко патриотического плана о защите Святой Руси. И, конечно же, мотив отношения к своей родине, к своему земному отечеству, не в качестве доминирующей составляющей в проповеди звучит. При этом не надо забывать, что и сама литургия наполнена молитвенными воззваниями к Богу о власти государственной и церковной, что также является соответствующей настройкой на определенный гражданский лад.

В неформальном общении прихожан подобные вопросы обсуждаются чаще, а иногда и довольно интенсивно, являясь самостоятельной темой. Причем, среди прихожан старших возрастов эти темы занимают важное место, и в этих неформальных беседах постепенно формируется и оттачивается мнение православных верующих по вопросам внешней и внутренней политики. Это мнение формируется не через какое-то давление сверху, не через прямой посыл, а через существующие по горизонтали отношения в общине. И в этом смысле с определенной степенью точности можно говорить о консолидированном, общественном мнении по этим вопросам на приходах. Отчасти к этому мнению прислушивается, не участвуя, как правило, в обсуждениях, молодая часть прихода, для которой приоритетными являются все-таки другие темы — семья, отношения, вопросы духовной жизни и т. д. Молодое поколение в этом смысле менее политизировано, нежели старшее.

Приходы РПЦ за рубежом

То, что приходы РПЦ за рубежом можно рассматривать как ячейки Русского мира — это однозначно. Наши приходские исследования

за рубежом неоднократно показывали, что многие русскоязычные эмигранты приходили в приходы сначала за поддержкой, русской речью, общением на родном языке и лишь затем воцерковлялись. То есть на самих приходах поддерживается русский язык, русская культура, приходы действительно ячейки в том смысле, что они объединяют людей, причем объединяют не только непосредственно, но и опосредованно. Даже те, кто еще не в приходах, через узкий круг эмигрантской среды, знают о православных приходах, для них они видимы. Например, в Штутгарте день святой равноапостольной княгини Ольги празднуют не только прихожане православного храма св. Николая Мирликийского, но и значительная часть русскоязычных эмигрантов и даже немцев, так как этот день является днем памяти королевы Вюттенбергской — Ольги Николаевны (Романовой), глубоко почитаемой в Германии за свою социальную и благотворительную деятельность. В этот день проходит ежегодная конференция в Штутгардском университете, в зале национального музея организуется выставка, посвященная Ольге Николаевне, дается небольшой городской концерт классической музыки с привлечением профессиональных музыкантов. При этом приход св. Николая Мирликийского играет в проведении этих мероприятий одну из ключевых ролей. В 2014 г. для участия в «Дне Ольги» (так называется этот праздник) в Штутгарт выезжали и прихожане из России (храм Вознесения Господня за Серпуховскими воротами), несколько человек делали научные доклады на конференции, среди которых был доклад посвященный св. равн. Ольге, с ее иконографическими изображениями, была увязка с Ольгой Николаевной Романовой, крещеной в честь этой святой.

Традиции Русского мира за рубежом во многом поддерживают и сохраняют православные приходы РПЦЗ и в этом смысле они выполняют особую роль в жизни русского зарубежья. Например, в Нью-Йорке в Знаменском храме мы столкнулись с тем, что в самом храме хранятся знамена белогвардейского Дроздовского полка, до сих пор действуют офицерские собрания, кадетские лагеря, сестричеством прихода организуются русские вечера, а старостой прихода до недавнего времени был потомок князей Голицыных. Приходы РПЦЗ как бы удлиняют историю, они привносят образы

дореволюционных традиций, и в этом смысле Русский мир за рубежом оказывается более погруженным в историю России, нежели приходы в самой России. Подобной протяженности особенно способствуют оставленные воспоминания представителей первой волны эмиграции, тот факт, что веря в скорое возвращение на родину, в своих детях они воспитывали прежде всего дореволюционные русские (в том числе церковные) традиции, не спеша интегрироваться и сливаться с чужим обществом. Тенденции к интеграции стали характерны для более поздних поколений эмигрантов.

Список литературы

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. Сентябрь С. 31-51.

Писаревский В. Г. Православные сообщества в пространстве Интернет-ресурсов и их влияние на социальные сети: автореф. дисс. к.соц.н. // Официальный портал ИС РАН. 2015. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4267> [Дата посещения: 11.03.17].

Глава 2. Социальное взаимодействие в православных интернет-сообществах как новая форма общения православных в России

Цифровая социология — новая отрасль социологического знания

В информационную эру роль интернета в жизни общества — и как коммуникационного канала, и как источника социальных изменений — возрастает с каждым годом. Особую роль в этом процессе в последние годы играют социальные сети в интернете и сообщества в социальных сетях, что поставило ребром вопрос о необходимости развития не только теорий информационного (сетевое) общества, но и развития соответствующей методологии, а также появления новых методов в эмпирических интернет-исследованиях.

В 2012 г. исследователь Сиднейского университета Дебора Луптон ввела термин «цифровая социология», который обозначил не только появление новой методологии, но и, по сути, зарождение и развитие нового научного направления [Lupton]. Как отмечает британский исследователь Марк Кэрриган, цифровая социология может рассматриваться в самом широком понимании как раскрытие возможностей, которые дают цифровые инструменты (в том числе сообщества в социальных сетях) для переосмысления структуры социологического знания [Carrigan 2013].

В том же 2012 г. Британская социологическая ассоциация создала особую исследовательскую группу, специализирующуюся на цифровой социологии, а в 2015 г. издательство Оксфордского университета выпустило первый учебник по данному направлению. В настоящее время в западных странах цифровая социология является общепризнанным научным направлением: в университете Южной Калифорнии в рамках международного проекта «Центр цифрового будущего» несколько лет проводятся исследования по изучению влияния интернета на социальные, экономические и политические процессы [USC Annenberg School...]; аналогичные исследовательские задачи реализуются в совместном проекте «Инициатива по исследованию Сети» Британского Университета Саутгемтона и Массачусетского технологического института [Creating a Science...].

В Оксфордском университете функционирует Институт Интернета (Oxford Internet Institute), который сосредоточился на анализе проблем применения информационных технологий в управлении государством, влияния интернета на общество, науку и образование, здравоохранение, искусство и т. д. [Oxford Internet...].

«Что же представляет собой цифровая социология, – задается вопросом эксперт из американского Центра исследований социальных процессов. Данное направление находится на стыке теорий информационного общества, с одной стороны, и применения цифровых исследовательских методов по отношению к имеющейся социальной реальности, с другой. Соотношение между социальной реальностью и ее анализом меняется в контексте дигитализации, и цифровая социология предлагает методы достижения этой цели» [Marres 2013].

В рамках цифровой социологии появляются и новые методы исследований. Российский исследователь Е. Ю. Журавлева, со ссылкой на ряд англоязычных ученых, выделяет пять методов исследований в современной цифровой социологии [Журавлева 2015: 25–33]. Данные методы приводятся ниже.

1) Автоматическая добыча информации (или data mining), где используется автоматизированный контент-анализ, а также анализ текстов для изучения информационных трендов.

2) Анализ социальных сетей — изучение влияния сообществ в социальных сетях, профилей отдельных пользователей с целью определения уровня социальной напряженности, а также различных политических событий. В частности, руководитель проекта «Культурономика 2.0» К. Литару отмечает перспективы цифровых исследований с помощью суперкомпьютеров на основе новостных сообщений в социальных сетях.

Примером эффективного анализа социальных сетей на основании парадигмы «больших данных» стало прогнозирование результатов президентских выборов в 2013 г. в Венесуэле. Согласно классическим социологическим исследовательским методам, предрекали победу «наследника Чавеса» — Мадуро с результатами замеров 60% в его пользу. Методы цифровой социологии, основанные на концепции big data, по результатам анализа миллионов сообщений в социальных сетях давали другие цифры — 50/50 в отношении Мадуро и его соперника. Согласно официальным итогам выборов, за Мадуро

проголосовало 50,7%, за его соперника Каприлеса — 49,1%. Классическая (опросная) социология просто не успела среагировать в столь короткие сроки на динамику изменений, обусловленную активной информационной борьбой в соцсетях [Трансформация угроз...].

3) Использование пространственно-цифровых методов, т.е. так называемого «геотаргетинга» для исследования распространения идей по регионам мира и оценки их влияния на социальные процессы в офлайне. Среди российских примеров следует упомянуть исследование эмоционального состояния пользователей социальных медиа — соотношения позитивных и негативных эмоций в публичных сообщениях российских пользователей соцмедиа [«Индекс любви»...].

4) Метод «моделирования сложности», который позволяет использовать определенные алгоритмы для анализа интернет-данных с целью изучения нарушения социального равновесия, в том числе в период обострения различных конфликтов. При этом, опираясь на парадигму «больших данных», исследователь получает возможность выявлять тенденции и закономерности на основе множества изначально не связанных между собой критериев.

5) Агент-основанное моделирование, на основании которого изучается взаимодействие социальных агентов со средой и структура различных сред.

Применительно к сообществам в социальных сетях — это анализ анкет пользователей, заполненных при регистрации, использование исходного кода социальной сети для анализа ценностных ориентаций пользователей, контент-анализ сообщества на основании предпочтений пользователей, анализ социальных взаимосвязей пользователей в рамках сообщества [Ruppert 2013].

Бурное развитие исследовательских методов цифровой социологии за последние несколько лет, как отмечает американский исследователь ВиллIAMсон, оценивается экспертами в данной области как «конец теории» информационного общества и начало получения совершенно «революционного» научного понимания того, как люди действуют в новой социальной реальности [Williamson].

В настоящее время исследовательские методы цифровой социологии получают все большее распространение, причем зачастую не только сами по себе, но и в комбинации с традиционными методами офлайн исследований [Смалун 2012]. В этом же ключе рассуждает

британский исследователь-эмпирик Мартин Хэнд, который полагает максимально эффективной комбинацию методов цифровой социологии и традиционных качественных методов исследований, в том числе глубинных интервью с пользователями социальных медиа и лидерами мнений [Hand 2014].

Один из пионеров этого научного направления британский социолог Марк Кэрриган в своей работе «Что такое цифровая социология» [Carrigan 2013] описывает ее основные методологические принципы. Первый принцип формулируется следующим образом: процесс передачи информации приравнивается к процессу влияния. Как отмечает одна из основательниц научного направления цифровой социологии – Дебора Луптон (университет Сиднея) [Lupton], наиболее ярко это проявляется именно в интернет-сообществах в социальных сетях.

Второй методологический принцип вытекает из первого: если процесс передачи информации в современных условиях идентичен процессу влияния, то это влияние не может распространяться исключительно в онлайн среде, оно неизбежно проявляется и в офлайне, то есть привычной социальной реальности.

Безусловно, до становления цифровой социологии как отдельного научного направления проводились различные интернет-исследования, направленные на изучение формирующегося в сети социального пространства. Однако только в рамках цифровой социологии, становление которой по времени совпало с развитием социальных сетей, стало возможным сфокусироваться на изучении цифровых медиа (прежде всего, сообществ в социальных сетях), чтобы определить, какое влияние цифровые медиа оказывают на реальные социальные отношения и процессы.

Если раньше предметом исследования выступал, к примеру, феномен киберкультуры, то в настоящее время в фокусе внимания исследователей, утверждает Дебора Луптон, — влияние онлайн коммуникационных объектов, например, сообществ в социальных сетях, на социальные процессы в офлайне. Можно с уверенностью говорить, считает этот исследователь, что цифровая социология является правопреемницей различных предложенных ранее практик изучения интернет-ресурсов: «социологии Интернета», «е-социологии», «социологии онлайн-коммуникации» и других. Таким образом, происходит

преодоление цифрового дуализма, что дает исследователю наиболее объективное представление о рассматриваемом объекте.

Наконец, третий методологический принцип цифровой социологии состоит в том, что новизна исследуемого объекта определяется, в первую очередь, новыми цифровыми технологиями. Один из теоретиков цифровой социологии Ортно-Джонсон отмечает, что благодаря новым цифровым технологиям стало возможным изучение «уникальной социологической структуры», которая развивается от цифровых связей и онлайн-отношений к новым формам опосредованной уникальности и сетевой структуры [Orton-Johnson 2013].

Любое исследование, связанное с социальными сетями, базируется на принципах big data (большие данные). Термин big data обозначает серию подходов, инструментов и методов обработки огромных объемов данных с возможностью их экспоненциального роста (выборка в исследованиях, основанных на данном подходе, составляет от нескольких сотен тысяч до сотен миллионов человек).

Данный исследовательский подход позволяет изучать огромные выборки (к примеру, было проведено исследование всей аудитории социальной сети Одноклассники — более 40 миллионов человек) одновременно по многим критериям (в указанном примере было использовано около 100 критериев), которые включают не просто социально-демографические параметры аудитории, а поведенческие критерии (информацию, из каких сообществ читает пользователь, какие посещает сайты и т. д.), сферу интересов пользователя, его ценностные установки и т. д. Это позволило разделить всю аудиторию социальной сети на сегменты по определенному набору критериев и составить соответствующие социальные портреты по каждому из сегментов.

В настоящее время методы исследования big data применяются не только в самых разных областях российского бизнеса — составление индивидуальных портретов пользователей социальных сетей и абонентов компаний-операторов мобильной связи, исследования клиентов банков [Технологии «Яндекса»...], но и в государственном управлении: Аналитический центр при Правительстве РФ развивает проект «Открытые данные», цель которого помочь чиновникам разных уровней улучшить качество менеджмента за счет развития технологий анализа данных [Необычный хакатон...].

В то же время в социологических исследованиях, прежде всего, в странах, где активно развивается цифровая социология — в Англии и США, метод использования больших данных для решения поставленных задач только начинает применяться [Lupton]. В этой связи исследователи вводят термин «цифровые социальные исследования», который обозначает синтез новейших цифровых исследовательских методов с проблематикой современных социологических исследований [Digital Social... 2012].

Представляется, что в рамках цифровой социологии наиболее интересным объектом для исследований являются интернет сообщества в социальных сетях. Интернет сообщества изучали М. Кастельс [Кастельс 2004], Р. Хамман [Hamman], Г. Рейнгольд [Rheingold], А. Беншоп [Benshop].

Среди российских ученых, посвятивших свои труды проблематике интернет-сообществ, необходимо назвать А. В. Чугунова, Д. А. Губанова (взаимодействие пользователей в интернет-сообществе и влияние интернет-сообщества как единого коммуникационного объекта), С. В. Бондаренко (структура интернет-сообществ), В. И. Тищенко (интернет-сообщества как феномен информационного общества), А. В. Костину (контент интернет-сообществ), Д. А. Давыдова (анализ «больших данных» по контенту и пользователям в социальных сетях), И. Ф. Девятко (методология онлайн-исследований в среде веб 2.0). С различных позиций интернет-сообщества анализируются исследователями Института социологии РАН — В. В. Семеновской и Е. Ю. Рожественской, О. А. Усачевой.

Основываясь на суждениях данных исследователей об интернет-сообществах, дадим определение интернет-сообществу в социальной сети. Интернет-сообщество в социальной сети — это объединение по интересам неограниченного числа пользователей, указывающих свои анкетные данные и вовлеченных в активное социальное взаимодействие как в онлайн, так и в офлайн, на которых интернет-сообщество оказывает влияние через механизм вирусного распространения контента.

Ключевой характеристикой описанного выше интернет-сообщества в социальной сети является активное влияние как на свою аудиторию, так и на аудиторию социальной сети в целом. По оценке компании Palitrum Lab, в 2015 г. по всем наиболее крупным социальным

сетям, представленным в России (ВКонтакте, Фейсбук, Одноклассники, Инстаграм), число уникальных активных авторов составляет около 37 млн человек, которые только за один месяц сгенерировали 588 млн сообщений, что говорит о серьезных перспективах развития сообществ в социальных сетях [Исследование...].

Православный сегмент социальной сети ВКонтакте и типологизация православных интернет-сообществ

В настоящее время в социальной сети ВКонтакте насчитывается более 10 тыс. православных интернет сообществ, то есть групп, где в качестве контента предлагается изложение православного вероучения, ответы священнослужителей на вопросы пользователей, а также аргументированные суждения по формированию православно-ориентированного отношения к тем или иным проявлениям социальной реальности.

За последние несколько лет наблюдается рост числа пользователей ВКонтакте, которые идентифицируют себя как православные, что способствует как росту числа православных интернет-сообществ ВКонтакте, так и росту влияния уже существующих крупнейших православных сообществ на пользователей всей социальной сети ВКонтакте в целом. Если в 2013 г. общее число православных ВКонтакте (по России) составляло 8 млн 72193 человека, то в 2015 уже 10 млн 41959 человек, а по состоянию на май 2016 — 14 млн 561 767 человек. Если в 2015 г. скорость прироста тех, кто идентифицировал себя как православный, составила 24,4%, то в 2016-м данный показатель продемонстрировал рост 45,4%, чему, безусловно, способствовала активная деятельность православных интернет сообществ ВКонтакте [Сервис таргетированной...].

Необходимость и востребованность церковного присутствия в социальных сетях осознается руководством Русской Православной Церкви. Так, Патриарх Кирилл отмечает: «Жизнь современного человека во многом сосредоточена в социальных сетях, которые для некоторых становятся универсальным, но далеко не самым достоверным источником информации. Социальные сети — это ведь тоже обширное поле деятельности, и информационный, миссионерский, молодежный отделы предпринимают определенные усилия, чтобы язык социальных медиа стал рабочим языком для церковной миссии.

Мы не имеем права не быть там, где есть или может быть наша паства, а наша паства сегодня представлена, в том числе, и в социальных сетях, причем самая активная часть нашей паствы» [Святейший Патриарх Кирилл...].

Ярким примером работы церковных синодальных отделов по более интенсивной работе в социальных сетях стало открытие страницы Патриарха Кирилла в социальной сети ВКонтакте, которую можно рассматривать как интернет-сообщество, оказывающее влияние на аудиторию социальной сети [В сети ВКонтакте появится...]. Только за первые сутки работы эта страница набрала более 68 тыс. подписчиков, а в настоящее время (май 2016 г.) страница Патриарха Кирилла насчитывает более 308 000 подписчиков. В то же время следует иметь в виду, что большинство православных интернет-сообществ ВКонтакте развивается не официальными церковными структурами, а мирянами, которые поддерживают их, опираясь на помощь единоверцев в социальной сети ВКонтакте. По критерию контента все представленные в сети ВКонтакте православные сообщества можно разделить на четыре группы.

Первая группа — сообщества общего контента. Это сообщества в несколько десятков тысяч человек, обсуждающие различные православные темы. Яркие примеры — сообщества порталов ПРАВОСЛАВИЕ.RU (vk.com/pravoslavie) и Православие и мир (vk.com/pravmir), связанные с действующими православными интернет-журналами. Помимо своих коммуникативных функций, последние служат «точками входа» на указанные порталы и соответственно способствуют увеличению их аудитории. В эту же группу могут входить крупные сообщества, не связанные с каким-либо сайтом, например, Православие Экклесиа (vk.com/ortodoxia). Общие темы практически у всех сообществ общеправославного контента — это поздравления с церковными праздниками и разъяснение их значения. Такие темы являются одинаково значимыми не только в данной группе, но и во всех других группах. Также важная тема для сообществ общеправославного контента — новости церковной жизни. В сообществе ПРАВОСЛАВИЕ.RU можно прочитать новости не только Русской Православной Церкви, но и других Православных Церквей («Греция: закровоточила икона святой великомученицы Ирины», «Грузия: от чудотворной иконы «Умиление» исцелилась девочка из Гори»...).

Также обращает на себя внимание то, что в крупнейших сообществах данной группы (Православие и мир, ПРАВОСЛАВИЕ.RU) присутствует не только религиозная, но и общественно-политическая проблематика. При этом общественно-политические темы освещаются с православных позиций. «Сергей Шойгу перекрестился перед Парадом Победы» «Владимир Путин поставил свечи за защитников Новороссии»; «Митрополит Онуфрий: законы нового европейского мира для нас неприемлемы» (ПРАВОСЛАВИЕ.RU). Интересно и освещение международной повестки дня с православной точки зрения: «Боевик «исламского государства» принял христианство», «Миссия в Сьерра-Леоне: Эбола наступает, но среди зараженных нет ни одного православного» (ПРАВОСЛАВИЕ.RU); «Сирийские арабские солдаты молятся перед иконой Божией Матери в Маалюле» (Православие Экклесиа).

Ко второй группе относятся сообщества краткого контента. В качестве основного наполнения они используют цитаты святых отцов и современных церковных деятелей, притчи, краткие поучительные истории. Представителями данной группы являются сообщества Православие (vk.com/public26919587), Верую (vk.com/pravoslavnie_hristiane), ПРАВОСЛАВИЕ (vk.com/pravoclavie). Безусловным лидером в этой группе является сообщество Верую, которое насчитывает около 743 тысяч участников. Данное сообщество наиболее активно влияет на своих участников и, тем самым, привлекает новую аудиторию — в мае 2014 г. его аудитория составляла 250 тысяч человек, в октябре 2015 г. — уже 546 тысяч, по состоянию на июнь 2016 г. это уже 743 тысячи подписчиков, и, надо полагать, в недалеком будущем это сообщество станет первым православным «миллионником». Общая для всех православных сообществ данной группы контента тема – цитаты святых отцов и современных церковных деятелей, посвященные, преимущественно, духовной жизни: «Веруй, что все случаемое с нами, до самого малейшего, бывает по Промыслу Божью. Преподобный Авва Дорофей», «Жить проще — лучше всего. Голову не ломай. Молись Богу. Господь все устроит. Не мучь себя, обдумывая, как и что сделать. Пусть будет, как случится, — это и есть жить проще. Преподобный Амвросий Оптинский» (Верую). В сообществе Православие, помимо уже упомянутых цитат святых отцов, часто встречаются высказывания современных церковных деятелей

(причем, не только священнослужителей, но и известных мирян, например, Петра Мамонова, Федора Емельяненко) и различные притчи и поучительные истории – в более расширенном формате, чем в сообществе Верую. В сообществе ПРАВОСЛАВИЕ также распространен формат притч, однако в нем есть и рассказы о церковном календаре, фильмы, подробно рассказывающие о православном вероучении и трудах святых отцов, и даже православные мультфильмы духовно-нравственного содержания для детей.

Третья группа — нишевые сообщества, которые посвящены рассмотрению определенных тем православной жизни. Это вопросы священнослужителям (сообщество Батюшка онлайн (vk.com/batyushka_online), сообщества, объединяющие православную молодежь (одно из крупнейших — ПРАВОСЛАВИЕ ВЕРА И ДЕЛО (vk.com/veraidelo), женские сообщества (Православная женщина (vk.com/orthodox_woman), наконец, сообщества, посвященные созданию семьи и развитию семейных отношений (Православная семья (vk.com/pravosemya), Слова о любви. Брак и основы счастливой семьи (vk.com/public6900205) и многие другие). Несмотря на все разнообразие сообществ, представленных в группе нишевого контента, можно выделить две основные темы, которые так или иначе встречаются во всех сообществах. Это — православная семья (здесь большое разнообразие заметок — от православных знакомств и до воспитания детей и внуков) и просьбы о помощи кому-либо. Тема православной семьи подается в разных сообществах по-разному: в виде притч: *«Притча о том, как жену выбирать надо»*, *«Притча о двух близнецах»* (Слова о любви. Брак и основы счастливой семьи); в виде советов священников: *«Что нужно, чтобы вечно чувствовать любовь. Священник Павел Гумеров»* (Православная семья); в виде ответов священников на конкретные вопросы: *«Что же такого ужасного в празднике 8 марта? Священник Павел Островский»* (Батюшка онлайн); даже в виде стихотворного творчества (*«Распорядок дня — напоминалки малышу. Священник Димитрий Тыщенко»* (Батюшка онлайн). Отличительной особенностью православных сообществ в группе нишевого контента является большее, чем во всех других группах православных сообществ, количество различных инициатив, акций и т. д. В сообществе ПРАВОСЛАВИЕ ВЕРА И ДЕЛО это призыв к участникам повлиять на запрет абортов в России (*«Сделайте репост и, возможно,*

вы спасете чью-то жизнь!»), освещение инициативы по установке памятника князю Владимиру в Москве (*«Памятнику святому князю Владимиру быть!»*), призыв вести информационную борьбу против западного «праздника» хэллоуин (*«Выпей тыквенного сока за упокой дяди Хэлла»*). На примере сообщества Трибуна православного христианина можно выделить еще одну тенденцию, присущую сообществам группы нишевого контента. Речь идет о большем, чем в других группах, вовлечении участников сообществ в обсуждение острых общественно-политических проблем с православной точки зрения. Это общественные расследования деятельности тех, кто прикрывается Православием в своих целях (*«Разоблачение анафемы Президенту и Патриарху от «афонских старцев»*), обсуждение ряда проблем общества на конкретных примерах (*«Севастополь молится и просит молитв»*, *«Православный ответ санкциям: Валаамский монастырь будет производить итальянский сыр»*, *«Православные британцы хотят уезжать в Россию из деградирующей Британии»*).

Наконец, к четвертой группе относятся сообщества территориального контента. Эти сообщества, хотя и включают аудиторию из разных российских регионов и даже стран, ориентированы, прежде всего, на определенную территорию. В основном это сообщества отдельных епархий, благочиний, территориальных объединений православной молодежи, приходов. Отличительной чертой сообществ территориального контента является их небольшая численность (от нескольких сотен до нескольких тысяч человек). Однако скромная численность компенсируется большей сфокусированностью группы на проблемах конкретной территории. Возвращаясь к сообществам, посвященным православной молодежи, следует отметить, что большинство из них относятся именно к группе «территориального контента». Среди них есть те, которые охватывают собой даже не отдельные епархии, а целые страны — *«Православная молодежь Украины»*, *«Православная молодежь Беларуси»*. Для сообществ этой группы было выявлено несколько приоритетных тем. Прежде всего, это информация о тех православных событиях, которые проходят на данной конкретной территории: *«Отстоим землю под строительство храма в парке «Южный»* (Православная молодежь Воронежа (vk.com/pravmolvrn)), *«Конкурс Православная зима с номинациями «девица-краса» и «рубаха-парень»* (Православный

Миасс (vk.com/club16103149), «*Приглашаем на концерт духовной музыки*» (Союз православной молодежи Мордовии (vk.com/myspmm)). Примеры офлайн мероприятий в территориальных сообществах православной молодежи весьма разнообразны: это встречи с архиереем, участие в крестных ходах, участие в археологических изысканиях по обнаружению древних храмов, православные палаточные лагеря, совместное участие в делах милосердия... Отметим, что ряд православных сообществ, относящихся к этой группе контента, приглашают пользователей не только принимать участие в православных событиях, но и оказывать содействие решению общегородских проблем через републикацию новостей: «*Карабах вопиет: кладбище продолжает размываться. Сделайте репост*» (Православный Миасс). Вторая актуальная для всех территориальных сообществ тема — это просьбы о помощи. Среди таких просьб значительное место занимают просьбы о помощи беженцам с Украины: «*Уличный сбор помощи для беженцев с Украины*» (Православная молодежь Карелии (vk.com/pravmk)).

Православные сообщества В Контакте: социальное взаимодействие в онлайн и офлайн

Рассмотрим механизм влияния членов православных сообществ на участников социальной сети ВКонтакте в целом. У этого влияния есть две существенные черты: во-первых, оно имеет вирусный характер распространения информации; во-вторых, как уже говорилось выше, информация, распространяемая православными сообществами в социальной сети, оказывает влияние и на социальное взаимодействие в офлайне, что в полной мере соответствует методологическому принципу цифровой социологии о тесной взаимосвязи онлайн и офлайн социальной среды.

Вовлеченность участников сообщества в распространение его контента осуществляется через «лайки» (кнопка «мне нравится»), репосты (републикация понравившегося в сообществе сообщения на своей странице), комментарии в сообществах. Распространение контента носит «вирусный» характер — к примеру, сообщение, новость, статья, которые пользователь републиковал из сообщества на свою страницу, доступны через ленту новостей «друзьям» пользователя, которые могут и не состоять в сообществе. В свою очередь, «друзья» пользователя могут также републиковать данное сообщение либо перейти

в сообщество и поставить «лайк», а также вступить в сообщество. Одновременно — чем большую вовлеченность пользователей показывает сообщество, тем больше его дополнительно продвигает социальная сеть ВКонтакте, например, через механизм поиска сообществ.

В соответствии с основным принципом цифровой социологии, процесс передачи информации приравнивается к феномену влияния — вирусное распространение контента. В ряде случаев оно идет очень быстрыми темпами, например, флеш-моб с поздравлением Патриарха с днем рождения буквально за несколько часов охватил аудиторию в несколько миллионов пользователей) следует охарактеризовать как влияние на всю аудиторию социальной сети ВКонтакте в целом.

При этом републикация либо комментирование сообщений в сообществе представляет собой социальное действие, поскольку, во-первых, способствует быстрому распространению сообщений, влияющих на принятие другими пользователями определенных ценностных установок, а во-вторых, осуществляет связь информационного онлайн пространства с действиями в реальной жизни (офлайн).

В православных сообществах это модель социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн, когда вначале по ряду сообществ активно распространяется информация о предстоящем офлайн-мероприятии, затем оно проводится, после чего его участники делятся своими впечатлениями, фото- и видеоматериалами — как в рамках сообщества, так и на своих страницах, в результате чего данная информация распространяется еще более быстрыми темпами и привлекает дополнительное внимание людей, не состоящих в сообществе, — часть из них через некоторое время вступает в сообщество. Рассмотрим реализацию модели социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн на конкретных примерах в каждой из групп православных сообществ. Для анализа интересующих нас информационных сообщений в православных сообществах ВКонтакте был использован сервис онлайн анализа контента popsters.ru [Сервис онлайн анализа...].

В сообществах общего контента одним из наиболее ярких примеров реализации модели онлайн-офлайн-онлайн является освещение и последующее проведение праздника «Православие и спорт» в парке «Коломенское» в Москве. Инициаторами праздника, проходящего по благословию Патриарха Кирилла уже третий год подряд,

выступило православное общественное движение «Сорок сороков» при участии Префектуры ЮАО г. Москвы, Южного викариатства Московской городской епархии и Московского объединенного музея-заповедника «Коломенское».

В рамках праздника были организованы спортивные соревнования по стрельбе из лука, единоборствам, футбольные тренировки, встречи с известными спортсменами, угощение блюдами традиционной русской кухни. Как было заявлено организаторами, цель мероприятия – «воссоздание образа сильного верой, крепкого духом, выносливого телом русского человека».

Первая заметка о празднике в сообществе журнала «Фома» (vk.com/foma_magazine) — «Православие и спорт объединятся» была опубликована 11 сентября 2015 г. (сам праздник прошел 13 сентября). Следует отметить, что в данном случае сообщество общеправославного контента «Фома» выступило не в роли организатора офлайн мероприятия (как это делают, к примеру, территориальные православные сообщества), а как медиа усилитель проходящей ВКонтакте информационной кампании данного мероприятия. Одновременно с сообществом журнала «Фома» информация о предстоящем празднике была размещена в сообществе православного телеканала «Союз» (vk.com/tvsoyuz_ru) — уже за неделю до проведения праздника было дано несколько видеосюжетов, а также публиковалась соответствующая информация в новостном блоке интернет-порталов ПРАВОСЛАВИЕ.RU и Православие и мир. Дальнейшее распространение информации о празднике проходило не только через лайки пользователей и републикацию сообщений на их страницах, но и через новые заметки о празднике в других сообществах. Часть из сообществ, в которых публиковались новые заметки о празднике, можно отнести к группе православных нишевых сообществ, другая же часть не относится к православным сообществам вовсе.

И это не только сообщества крупнейших светских СМИ, но и сообщества известных спортсменов, принявших участие в празднике (например, Федора Емельяненко). *«Мероприятие «Православие и спорт» покажет, что Православие — вера молодых, сильных и добрых людей»*, — говорит Федор Емельяненко в видеообращении на странице своей группы (25, Федор Емельяненко — все о борце и единоборствах). Всего, по данным сервиса анализа сообщений

в сообществах социальных сетей posters.ru, по тематике праздника «Православие и спорт» в сообществах ВКонтакте, а также на страницах пользователей было опубликовано 402 тематические записи, которые набрали 7141 лайк, 1456 репостов, 263 комментария.

Столь масштабное обсуждение предстоящего мероприятия в социальных медиа дало значимые результаты на этапе офлайн, то есть во время проведения праздника «Православие и спорт». По данным организаторов, его посетило более 10 тысяч человек «без всякого административного ресурса». О празднике рассказали крупнейшие российские СМИ, среди которых агентство РИА «НОВОСТИ», агентство Regions.ru, портал NewsRu.com, агентство Интерфакс-Религия.

В рамках праздника на этапе офлайн была реализована совместная инициатива движения по борьбе с абортами «За жизнь» и движения «Сорок сороков» — сбор подписей по борьбе с абортами; было собрано 663 подписи, в том числе гостя праздника — двукратного чемпиона мира по боевому самбо Алексея Олейника. Еще один результат проведения этого уникального праздника, как отмечают организаторы, — рост интереса к деятельности православных активистов и добровольцев: число людей, желающих присоединиться к движению «Сорок сороков», возросло многократно.

Наконец, на третьем этапе модели социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн подробные репортажи о том, как прошел праздник, были опубликованы в сообществах журнала «Фома» и Православие Эkkлeсиa. Помимо указанных сообществ общеправославного контента, впечатлениями о прошедшем мероприятии поделились как другие сообщества ВКонтакте, так и простые пользователи социальной сети.

Социальное взаимодействие в рамках модели онлайн-офлайн-онлайн не прерывается с завершением последнего этапа (то есть появления отчетов о прошедшем мероприятии в сообществах ВКонтакте). Так, представители сообщества ВКонтакте «Пушкинское отделение движения Сорок сороков» (vk.com/sorok_sorokov), впечатленные праздником «Православие и спорт», выдвинули инициативу оборудования в г. Пушкино спортивной площадки с турниками для занятий всеми желающими.

«Первым нашим реальным делом будет установка в г. Пушкино площадки для воркаута, как была на празднике «Православие

и спорт» в Коломенском 13 сентября. Надо добиваться, чтобы площадку установили в популярном и легко шаговодоступном месте города. Чтобы там было ещё достаточно открытого пространства, где мы сможем проводить свои мероприятия, которые тоже планируются. Пишите, звоните, вступайте. И давайте действовать!», — пишут представители указанного сообщества.

Что касается сообществ группы краткого контента, то здесь большей частью влияние происходит в онлайн — через вирусное распространение кратких цитат и притч посредством лайков и репостов, однако и в этой группе можно найти примеры реализации модели онлайн-офлайн-онлайн. Так, в сообществе ПРАВОСЛАВИЕ предлагается принять участие во флешмобе «Купи у бабушки». *«Покупаем у бабушек все, что они продают! Не торгуемся, сдачу не берем. Передавайте эстафету друзьям»*, — так описывается в сообществе ПРАВОСЛАВИЕ суть этого флешмоба.

В нишевых православных сообществах модель социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн реализуется наиболее активно.

Интересным примером является инициатива молодежного сообщества ПРАВОСЛАВИЕ ВЕРА И ДЕЛО по поддержке установке памятника князю Владимиру в Москве в год 1000-летия его преставления. Главным отличием от других мероприятий, проходящих в рамках рассматриваемой модели, является постоянная вовлеченность участников как в онлайн, так и в офлайн в непрерывную цепочку различных социальных активностей. Иными словами, онлайн и офлайн мероприятия в различных форматах постоянно сменяют друг друга, при этом повышается вовлеченность имеющихся участников данных мероприятий и активно привлекаются новые. Рассмотрим это более подробно.

26 февраля 2015 г. в сообществе ПРАВОСЛАВИЕ ВЕРА И ДЕЛО впервые появляется заметка о поддержке инициативы по установке памятника князю Владимиру: *«Памятнику св. князю Владимиру быть! Подпишись под нашей петицией!»*. Эта заметка в онлайн за короткое время набрала 1208 лайков и 150 репостов (коэффициент вовлеченности участников сообщества в распространение в сети ВКонтакте этой заметки составил 7,2%, что сопоставимо лишь с отдельными заметками в сообществе Верую, где суммарная аудитория в 25 раз больше).

Уже на следующий день, 27 февраля, состоялась офлайн акция на Воробьевых горах, где православная молодежь выложила самый большой светящийся хештег в мире — За Памятник Святому Владимиру. Хештег — это особый формат ссылки и одновременно — девиз, который крайне популярен для распространения информации в социальных сетях. Как отметили организаторы, тридцатиметровая надпись «За Памятник Святому Владимиру», выложенная горящими свечами, видна даже из космоса. Одновременно с проведением мероприятия в офлайне в сообществе ПРАВОСЛАВИЕ ВЕРА И ДЕЛО был выложен отчет о прошедшей акции, а через месяц, 27 марта, было размещено объявление о молебне князю Владимиру, который планировалось совершить в храме Святой Троицы на Воробьевых горах.

1 апреля этот молебен состоялся, и практически сразу же, 2 апреля, информация об этом была размещена в онлайн. Чуть позже, 18 и 27 апреля, состоялись две офлайн акции со сбором подписей прохожих в районе Воробьевых гор за установку памятника, причем одна из акций проходила в формате флешмоба, когда ее участники танцевали с планшетами, привлекая тем самым внимание к этой инициативе. Стоит отметить, что и в онлайн был представлен не просто отчет об этих акциях, но и развернутые видеоподборки с прохожими из разных регионов России, пожелавшими подписать петицию в поддержку установки памятника.

23 мая на Воробьевых горах прошла очередная офлайн акция — православная молодежь подняла в небо 25-метровый православный крест из тысяч воздушных шаров, что было также отражено в сообществе ВКонтакте. Через несколько дней, 27 мая, участники сообщества разместили в группе информацию о том, что ими передано депутатам 52 тысячи подписей за установку памятника. Прошедшие офлайн акции привлекли внимание федеральных СМИ, и телеканал «Россия24» сделал о них репортаж, что также было отражено в сообществе и вызвало новую волну обсуждений инициативы в сети ВКонтакте. В свою очередь, это привело к тому, что участников рассматриваемого православного сообщества стали приглашать на различные дискуссионные телепередачи, где они смогли озвучить свою точку зрения, а к обсуждению инициативы в интернете подключились даже известные иностранные блогеры.

В настоящее время принято решение о сооружении памятника князю Владимиру на Боровицкой площади Москвы, и существенную

роль в этом сыграло православное молодежное движение «Георгиевцы!», которое координирует сообщество ПРАВОСЛАВИЕ ВЕРА И ДЕЛО в сети ВКонтакте.

Данный пример наглядно демонстрирует, что, даже обладая незначительным влиянием на аудиторию ВКонтакте на начальном этапе реализации инициативы в поддержку установки памятника князю Владимиру, но используя при этом модель социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн, влияние на завершающих этапах продвижения данной инициативы — и в сети ВКонтакте, и в офлайн среде, на российское общество в целом — возросло на порядки.

Еще одним интересным примером реализации модели социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн в нишевых православных сообществах является сообщество «Батюшка онлайн». По словам организатора сообщества Надежды Земсковой, суть проекта заключается в том, что на вопросы пользователей интернета в режиме реального времени отвечают известные священники Русской Православной Церкви. На данный момент в проекте участвуют более 70 священников и архиереев, среди которых есть профессиональные музыканты, ученые, юристы, спортсмены, телеведущие, врачи, писатели, журналисты и потомственные священники. Это батюшки из разных городов России, а также Украины, Беларуси, Германии, Канады, Америки, Объединенных Арабских Эмиратов и других стран мира. [Пресс-релиз о проекте...].

На этапе онлайн участники сообщества могут задать вопрос любому из священников, участвующих в проекте, и ответ на этот вопрос будет доступен не только задавшему, но и всем участникам сообщества и даже не состоящим в нем пользователям ВКонтакте. Участники сообщества активно распространяют ответы священников с помощью механизма лайков и републикаций.

Эффект влияния на аудиторию социальной сети ВКонтакте на этапе онлайн усиливается благодаря тому, что у проекта «Батюшка онлайн» есть группы и в других социальных сетях — фейсбуке, одноклассниках, твиттере, ютубе, инстаграме, а с 2016 г. организуются прямые видеоэфирные трансляции со священниками через социальную сеть перископ.

Взаимодействие между онлайн и офлайн этапами происходит на нескольких уровнях.

Первый уровень — это серьезное взаимодействие со СМИ, причем, не только интернет-СМИ, но и печатными изданиями (в том

числе федеральными, к примеру, «Российская газета», «Комсомольская правда»), а также радиостанциями. В первый же год существования проекта (сообщество основано в 2011 г.) его особо отметил Патриарх Кирилл. «Хотелось бы отметить миссионерский проект «БАТЮШКА ОНЛАЙН». Этот проект создан по инициативе Симбирской епархии, но на вопросы участников, которых набралось уже несколько десятков тысяч, отвечают священники со всей России. Призываю духовенство принимать участие в работе данного интернет-ресурса» [Выступление Святейшего Патриарха...]. В 2015 г. проект «Батюшка онлайн» стал лауреатом конкурса «Православная инициатива», после чего состоялась встреча Патриарха Кирилла с основательницей проекта — Надеждой Земсковой, в ходе которой Патриархом были высказаны пожелания к дальнейшему развитию данного сообщества, а также сделано фото-селфи с Патриархом, что также привлекло внимание СМИ и, в свою очередь, нашло широкий отклик в онлайн.

Второй уровень — речь идет об обращениях, связанных с текущими актуальными событиями, к участникам сообщества. В качестве примеров можно привести призыв молиться за победу иеромонаха Фотия во Всероссийском музыкальном проекте «Голос», призыв принять участие в крестном ходе «Путь Александра Невского», который возглавят митрополит Рязанский Марк и мото клуб «Ночные волки», приглашение на концерт Дмитрия Певцова в Ульяновске (здесь также прослеживается связь с этапом онлайн, поскольку часть билетов разыгрывается — среди тех подписчиков, кто републиковал эту новость и набрал к ней больше всего лайков).

Третий уровень — целый ряд масштабных инициатив сообщества «Батюшка онлайн» в рамках привычной социальной реальности. Это проект «Батюшка онлайн: LIVE версия», в рамках которого сообщество организует «Большой тур» по школам и вузам России, где для школьников и студентов организуются встречи со священниками и ответы на все наболевшие вопросы. Официальная презентация «реальной версии» проекта состоялась в Ульяновском государственном университете и гимназии № 1 16 сентября 2015 г. Теперь священники, участвующие в проекте, будут лично встречаться со школьниками и студентами и отвечать на их вопросы. На встречу с батюшкой в ведущем вузе и гимназии Ульяновска собрались сотни студентов,

школьников, преподавателей, а также представители Симбирской митрополии, Правительства Ульяновской области и СМИ. На вопросы аудитории в этот день отвечал ключарь кафедрального собора Ульяновска, кандидат педагогических наук и музыкант протоиерей Дмитрий Савельев. Он является абсолютным рекордсменом проекта «Батюшка онлайн» — ответил более чем на 10 000 вопросов, переданных интернет-пользователями. Студенты и школьники активно задавали вопросы, участвовали в обсуждении. Большинство вопросов касалось личных переживаний, отношений с родителями и сверстниками. Звучали также вопросы об истории Церкви, о смысле жизни, любви и дружбе, измене и смерти, о том, как правильно подготовиться к таинствам Исповеди и Причастия [Батюшки вышли из онлайн...].

Еще одна инициатива — «Православие — детям» — нацелена на дошкольников и школьников, для которых регулярно проводятся экскурсии по храмам Ульяновска. Тысячи дошколят, учащихся школ, воспитанников детских домов и приютов уже побывали в самых больших и красивых соборах города. «По традиции общались с батюшкой, играли в квест, звонили в колокол, пили чай с угощениями, дарили подарки. Если Вы тоже хотите помочь и поучаствовать в этом добром деле (транспортные расходы, подарки для детей, чаепитие, съемки видеOVERсии, издание детской газеты), поддержите наше начинание», — пишут в сообществе.

Рассмотрим теперь примеры реализации модели онлайн-офлайн-онлайн в группе сообществ территориального контента. В большинстве территориальных сообществ православной молодежи информация о предстоящих офлайн мероприятиях размещается в специальном разделе «встреч». С помощью функционала ВКонтакте участники сообщества могут отмечать, пойдут они на эту встречу или нет, и, если они планируют туда пойти, социальная сеть будет присылать им соответствующие напоминания.

В молодежных сообществах основная направленность встреч — это паломнические поездки, отдых в православных лагерях, духовные беседы со священником, участие в богослужениях, православные балы (существует даже отдельное сообщество, посвященное исключительно данной теме — Минский бал православной молодежи), творческие молодежные вечера, встречи-обсуждения, например, что такое православная семья.

В то же время для некоторых территориальных православных молодежных объединений характерны особые виды активности, например, действующий поисковый отряд при епархиальном молодежном отделе, возглавляемый священником (сообщество Православная молодежь Карелии). У данного объединения широкое поле деятельности – это не только поиск захоронений советских воинов, совершения панихид в этих местах, но и научные изыскания исторической правды о героической обороне Петрозаводска, интернет-полемика с теми, кто считает, что Петрозаводск сдался врагу без боя... Результатом такой деятельности стала установка поклонного креста на месте захоронения советских воинов, а также создание специального сайта о неизвестных героях тех времен, что, в свою очередь, повлияло на присвоение Петрозаводску в июне 2015 г. звания Города воинской славы.

Еще один пример реализации модели онлайн-офлайн-онлайн в обществе «Православная молодежь Карелии» — призыв священника к участникам сообщества помочь в строительстве нового храма. В рамках онлайн-этапа молодые люди, состоящие в сообществе, традиционно распространили эту информацию через лайки и републикации. При этом помощь на этапе офлайн, как выяснилось из дальнейших публикаций в данной группе, представляет собой довольно разнообразную деятельность — это и участие в публичных городских слушаниях по строительству нового храма, и сооружение временной «палаточной» часовни, и написание статей в поддержку строительства храма.

Для молодежных сообществ в рамках модели онлайн-офлайн-онлайн на последнем ее этапе характерны не просто комментарии о прошедшем офлайн мероприятии либо републикация на своей странице сообщения из сообщества о том, как все прошло, а активное формирование фото- и видеоконтента по итогам мероприятия. Эту особенность удалось выявить лишь в территориальных православных сообществах.

В ходе исследования было выявлено, что больше всего примеров реализации модели социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн демонстрируют православные сообщества территориального контента, точнее территориальные сообщества православной молодежи.

Патриарх Кирилл в своем докладе на архиерейском Соборе 2016 г. обозначил истоки данной молодежной активности и перспективы

ее развития: «Новый этап в церковной работе с молодежью начался в 2014 г. при подготовке празднования 700-летия преподобного Сергия Радонежского. Сотни, а затем и тысячи молодых людей сначала объединились для организации торжеств в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, а затем продолжили совместную деятельность в самых разных областях церковной жизни. Этой теме было уделено значительное внимание на Международном съезде православной молодежи в ноябре 2014 г. в Москве, в том числе на моей встрече с более чем 11000 участников этого съезда. Сейчас к социально-благотворительной деятельности присоединяется все большее число церковных молодежных движений. Среди основных направлений православно-молодежного добровольчества можно также назвать миссионерскую и культурно-просветительскую деятельность, участие в духовно-нравственном воспитании детей, в пропаганде здорового образа жизни, в сохранении окружающей среды» [Доклад Святейшего...].

Многие православные молодежные сообщества реализуют межрегиональные акции в рамках модели онлайн-офлайн-онлайн. Это мероприятия на приходах, например, сбор подписей за запрет абортов в России, который проходит в рамках инициативы «Миллион подписей за запрет абортов». Инициаторы данного проекта распространяют в сети ВКонтакте информацию, направленную на сохранение жизни нерожденных детей, которая затем ретранслируется другими православными сообществами с десятками и даже сотнями тысяч участников (на этапе онлайн). Затем на этапе офлайн происходит реализация инициативы одновременно в нескольких регионах (силами местных православных молодежных движений), после чего в сети размещаются отчеты о проведенных мероприятиях. В Великую Субботу 2016 г., накануне Пасхи, в храмах во многих российских регионах прошел сбор подписей за запрет абортов — и многие территориальные сообщества православной молодежи приняли в этом активное участие. Призыв принять участие в акции разместили православные территориальные сообщества, причем не только группы православной молодежи, но и ряд других общественно-православных движений, а также сообщества благочиний. В качестве примеров можно привести сообщества: Союз православной молодежи Мордовии (vk.com/myspmm); ИЛИОС — Православной движение Брянска (vk.com/pravoslavie_bryansk); За запрет абортов.

Чебоксары (vk.com/odzaz); Центральное благочиние Ростова-на-Дону (vk.com/cbrostov); Сестры милосердия «Благое дело». Челябинск (vk.com/blagoedelo74).

На основании вышеизложенного можно представить следующие основные выводы.

Развитие цифровой социологии как нового научного направления идет стремительными темпами во многих странах мира. Одним из наиболее интересных направлений, с исследовательской точки зрения, является изучение социальных сетей, в том числе сообществ в социальных сетях. Для достижения этой цели в рамках цифровой социологии разрабатывается ряд исследовательских методов, в том числе принципа использования больших данных (big data) в эмпирических исследованиях. Данный подход позволяет исследовать выборки от сотен тысяч до десятков миллионов человек по сложным критериям, например, поведенческим и ценностным. Научная новизна данного подхода состоит, во-первых, в цифровых методах исследования; во-вторых, в возможности получения более точных результатов исследований, основываясь на больших выборках; в-третьих, в том, что исследователь — благодаря возможности применять разнообразные критерии для аудитории — может обнаружить связь между совершенно разными характеристиками или процессами исследуемой аудитории. Также представляется перспективным одновременное использование и методов цифровой социологии, и методов традиционных социологических исследований, прежде всего, качественных.

В социальной сети ВКонтакте существует и устойчиво развивается православный сегмент — он представлен теми пользователями данной социальной сети, кто сам себя при регистрации обозначил как православный/православная, и православными сообществами. Установлено, что православные сообщества посредством механизма вирусного распространения контента и высокой вовлеченности их участников оказывают существенное влияние не только на свою аудиторию, но и на аудиторию всей социальной сети ВКонтакте в целом.

Определена типология православных интернет-сообществ в социальной сети. Все исследуемые сообщества были разделены на группы общего, краткого и нишевого контента, территориального контента.

Это дало возможность оценить наиболее влиятельные типы сообществ (по критерию численности аудитории) — ими стали сообщества краткого контента и нишевые сообщества, за счет которых и в качественном, и в количественном отношении и будет происходить дальнейший рост аудитории и распространение влияния сегмента православных сообществ ВКонтакте.

Была предложена модель социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн для православных сообществ ВКонтакте. Данная модель широко распространена во всех типах православных сообществ, кроме сообществ краткого контента, что обусловлено их спецификой. В рамках исследования были определены особенности реализации этой модели в различных православных сообществах по критерию контента:

– В сообществах общего контента реализация данной модели подразумевает проведение масштабных офлайн мероприятий с их широким анонсированием и републикацией анонсов менее крупными сообществами. В ходе этапа офлайн не только осуществляются изначально запланированные инициативы, но и рождаются новые, которые активно обсуждаются на последнем этапе модели — в онлайн-не. При этом обсуждение проведенного мероприятия происходит не только в тех сообществах, которые разместили анонсы, но и в ряде других сообществ, зачастую не связанных напрямую с сообществом, опубликовавшим анонс.

– Для сообществ нишевого контента характерна более сложная динамика реализации модели социального взаимодействия онлайн-офлайн-онлайн. К примеру, для сообществ православной молодежи — это более высокая частота проведения офлайн мероприятий, а также более частые анонсы и активное обсуждение итогов мероприятия. В сообществе «Батюшка онлайн» первоначальный этап модели связан с вопросами священникам, при этом сами вопросы различным священникам могут задаваться одновременно (по времени, а не по содержанию вопроса). Первоначальный онлайн этап также усиливается аналогичными сообществами в других социальных сетях, а также прямыми видеотрансляциями в социальной сети перископ. Офлайн этап также многомерен и включает в себя не только проведение различных мероприятий, ориентированных на различную аудиторию — студентов, школьников, дошкольников, но и регулярную работу со СМИ, церковными структурами, общественными организациями.

– Для сообществ территориального контента характерно анонсирование событий, связанных с местными православными молодежными организациями или приходами. Такие события носят одновременно и православно-ориентированный, и общественно-значимый характер — в качестве примера можно привести инициативу, реализованную сообществом Православная молодежь Карелии, — поиск захоронений советских воинов и совершение панихид в этих местах. На последнем этапе модели молодежь не только активно комментирует прошедшее мероприятие, но и сама формирует фото- и видеоконтент по его итогам. Еще одной чертой, присущей территориальным сообществам в отношении рассматриваемой модели, является участие в межрегиональных инициативах, например, в сборе подписей за законодательный запрет абортов в России.

Список литературы

Батюшки вышли из онлайн: в Симбирске состоялась презентация реальной версии известного интернет-проекта // Симбирская Епархия. Православная Церковь. Московский патриархат. URL: <http://www.simbeparhia.ru/newses/news/?ID=9168> [Дата посещения: 07.05.2017].

Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону, 2004. 350 с.

В сети ВКонтакте появится официальная страница Святейшего Патриарха // Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского Патриархата. URL: <http://www.msobor.ru/30042015.html> [Дата посещения: 24.05.2017].

Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы 23 декабря 2011 г. // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1852197.html> [Дата посещения: 24.05.2017].

Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010. 228 с.

Давыдов А. А. Системная социология: анализ мультимедийной информации в Интернете. М.: ИС РАН, 2009. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=988 [Дата посещения: 15.05.2017].

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4366063.html> [Дата посещения: 16.05.2017].

Журавлева Е. Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 25–33.

«Индекс любви» на карте России, весна 2016: исследование эмоционального состояния пользователей социальных медиа // Портал НАБРАНАБР. URL: <https://habrahabr.ru/company/brandanalytics/blog/299078/> [Дата посещения: 14.05.2017].

Исследование «Активные авторы в социальных медиа: исследование по возрастным группам» // Портал НАБРАНАБР. URL: <http://habrahabr.ru/company/palitrumlabs/blog/198772/> [Дата посещения: 01.05.2017].

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

Костина А. В. Интернет-сообщества. Что обсуждается в Интернете? От думеров — до фурри. От игнора — до троллинга. М.: Либроком, 2011. 176 с.

Необычный хакатон по открытым данным // Портал НАБРАНАБР. URL: <http://habrahabr.ru/company/mlclass/blog/260675/> [Дата посещения: 30.05.2017].

Онлайн исследования в России 2.0 / Сборник статей под ред. Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010. 327 с.

Пресс-релиз о проекте «Батюшка онлайн» для средств массовой информации // Батюшка Онлайн. URL: https://vk.com/topic-25505827_27530572 [Дата посещения: 18.05.2017].

Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума // INTER. 2014. № 7. С. 22–42.

Святейший Патриарх Кирилл призвал задуматься об усилении позиций Церкви в социальных сетях. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4060562.html> [Дата посещения: 10.05.2016].

Сервис онлайн анализа контента в сообществах социальной сети ВКонтакте. URL: <http://www.popsters.ru> [Дата посещения: 09.05.2016].

Сервис таргетированной рекламы ВКонтакте // ВКонтакте. URL: <http://vk.com/adscrate> [Дата посещения: 27.05.2017].

Смалун М. Социальные медиа: расширение выборки расширяет наше представление о потребителях. Как исследования в социальных медиа помогают другим видам исследований. Сборник Онлайн исследования в России 3.0. М.: Издательский дом «Кодекс», 2012. С. 151–159.

Технологии «Яндекса» для анализа больших данных сэкономят Магнитогорскому металлургическому комбинату \$3–9 млн в год // URL: <http://megamozg.ru/post/18658/> [Дата посещения: 30.05.2017].

Тищенко В. И., Дружинин А. М. Когнитивный анализ системы коммуникаций в виртуальных сообществах несистемной политической оппозиции. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. ИНИОН РАН, 2013. 360 с.

Трансформация угроз в информационном пространстве: от технологических к социальным. Часть II. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://habrahabr.ru/company/palitrumlabs/blog/206182/> [Дата посещения: 11.05.2017].

Усачева О. А. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации // Сборник научных трудов «Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества». М., 2013. С. 214–227.

Федор Емельяненко — все о борце и единоборствах // URL: http://vk.com/wall-24199118_222103 [Дата посещения: 23.05.2016].

Чугунов А. В. Социология интернета: методика и практика исследования интернет-аудитории. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. 130 с.

Benshop A. Virtual communities // URL: <http://www.sociosite.org/network.php> [Дата посещения: 08.05.2017].

Carrigan M. What is Digital Sociology? January 12, 2013 // URL: <http://markcarrigan.net/2013/01/12/what-is-digital-sociology/> [Дата посещения: 14.05.2016].

Creating a Science of the Web // URL: <http://www.webscience.org/> [Дата посещения: 28.05.2017].

Digital Social Research, 2012 // URL: <https://web.archive.org/web/20150301170628/http://www.esrc.ac.uk/research/research-methods/dsr.aspx> [Дата посещения: 20.05.2017].

Hamman R. Introduction to Virtual Communities Research and

Cybersociology Magazine Issue Two // URL: http://www.cybersociology.com/files/2_1_hamman.html [Дата посещения: 23.05.2017].

Hand M. Digitization and memory: Researching practices of adaption to visual and textual data in everyday life // M. Hand & S. Hillyard (Eds.). Big data? Qualitative approaches to digital research. Studies in Qualitative Methodology. Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2014. Vol. 13. P. 205–229).

Lupton D. Digital sociology: An introduction. Sydney: University of Sydney. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2273418 [Дата посещения: 29.05.2017].

Marres, N. The redistribution of methods: On intervention in digital social research, broadly conceived. The Sociological Review. 2012. № 60. P. 139–165.

Orton-Johnson K., Prior N. (Eds.). Digital sociology: Critical perspectives. Basingstoke, UK: Palgrave, 2013. 249 p.

Oxford Internet Institute. URL: <http://www.oii.ox.ac.uk> [Дата посещения: 14.05.2017].

Rheingold H. Virtual Community, article in Encyclopædia Britannica. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/1495829/virtual-community> [Дата посещения: 24.05.2017].

Ruppert E., Law J., Savage M. 2013. Reassembling social science methods: the challenge of digital devices. Theory, Culture & Society. URL: <http://tcs.sagepub.com/content/early/2013/05/13/0263276413484941.abstract> [Дата посещения: 29.05.2017].

USC Annenberg School Center for the Digital Future. URL: <http://www.digitalcenter.org/> [Дата посещения: 25.05.2016].

Williamson B. The End of Theory in Digital Social Research? URL: <http://dmlcentral.net/the-end-of-theory-in-digital-social-research/> [Дата посещения: 26.05.2017].

Раздел V

Патриотизм в современной России

Глава 1. Патриотизм как ценность: основания, типы, зависимость от инноваций

Патриотизм — чувство древнее, через любовь к Родине, к ближнему, своему месту рождения и жительств.

Сегодня патриотизм актуализируется как проблема в связи с развитием глобальных процессов. Стирание граней между национальными государствами (в политическом смысле — ликвидация многих функций этих государств), между территориями (снятие барьеров мобильности), нивелирование родственных связей и привязанности к родной земле (жить и работать можно далеко от близких родственников, в любой стране) и т. п. подводит человечество к восприятию патриотизма как иррационального чувства.

Но, как известно, включиться в глобальные потоки удалось далеко не всем (Э. Кастельс, З. Бауман, И. Валлерстайн и др.). Больше того, для большей части человечества включение в них даже в отдаленной перспективе не представляется возможным. Именно у этой части человечества патриотизм приобретает особую актуальность, поскольку именно от национального государства по сию пору зависит создание условий для благополучной и привычной для граждан жизни. Правда, сегодня стоит отметить, что и у народов стран, включенных в глобальные потоки, появляется национальное самосознание (об этом свидетельствует, с нашей точки зрения, голосование граждан Великобритании за выход из Евросоюза, а также все более ширящееся взаимодействие граждан стран Европы с представителями иных культур непосредственно в месте своего проживания).

В этой же связи можно рассматривать и актуализацию патриотизма в современной России. Но было бы поверхностным утверждать, что это единственная причина подъема патриотических настроений. Поэтому обращение к социологическому анализу причин и форм проявлений любви к Родине сегодня представляется весьма своевременным и актуальным. Их исследование — сложный процесс, поскольку прямые вопросы о том, является ли человек патриотом, чаще всего ведут к позитивному ответу — понимание, что так и должно

быть, есть практически у каждого россиянина, даже если он никогда не читал: «Люблю Россию я, но странную любовью...»: «По данным «Левада-Центра», в 2000 г. Слово «патриотизм» вызывало положительные эмоции у 57% респондентов, 22% испытывали как позитивные, так и негативные эмоции, когда слышали с экрана телевизоров или по радио что-либо про патриотизм» [Журавлев, Юревич 2016: 94]. Вместе с тем, патриотизм может рассматриваться в различных формах: как общегражданский, как региональный и местный.

Целью нашего исследования стало на основе определенных критериев выявить отношение городского населения к своему месту жительства (региональной столице и районному центру), чтобы выявить сходства и различия на общероссийском уровне.

Работая методом глубинных интервью (их было 314), мы стремились выяснить, что местных жителей устраивает в своем городе, а что кажется неприемлемым; хотят ли родители, чтобы их дети оставались жить там, где родились и провели детство; ощущают ли себя люди частью единого сообщества и что к этому ведет или этому препятствует; выявляли отношение к своей работе — это для них дело на благо соотечественников или просто зарабатывание денег; чем является для людей местная власть (иногородным органом или частью местной жизни) и как это влияет на их взаимоотношения. Иными словами, мы пытались выявить, являются ли местные жители сообществом, которое, собственно, и может быть базисом для возникновения чувства патриотизма.

При проведении 9 фокус-групп со студентами вузов нас интересовало, почему они учатся именно здесь, а не уехали в другие города; где бы они хотели работать после получения образования; есть ли желание вернуться после учебы в то место, откуда они приехали.

Особое значение мы придавали методу визуального наблюдения: внешний вид городов, поведение местных жителей в различных ситуациях на улицах и в общественных местах, внешние знаки внимания к знаменитым и уважаемым соотечественникам, даже качество продаваемых продуктов и пищи в «точках общепита» оказалось значимым при выявлении отношения горожан к своему «отечеству», а подчас и само их наличие (отсутствие) и посещаемость жителями становились специфическими индикаторами отношения к родному городу.

Наконец, в ходе реализации этих трех методов выяснялось, какие традиции соблюдаются и соблюдаются ли вообще; какие инновации приветствуются и принимаются; какие элементы модернизации воплощаются в жизнь, и на чем эта модернизация основывается — учитываются традиционные ценности или перенимаются модернизаационные западные шаблоны без всякой адаптации.

Прежде чем перейти к представлению результатов исследования, проанализируем подходы западной классической и современной социологии, чтобы соотнести с ними российские реалии.

Патриотизм в исторической ретроспективе и его место в анализе российской реальности

Со времен Э. Дюркгейма патриотизм связывался с эпохой национального суверенитета и территориальной целостности [Дюркгейм 1998: 62–64]. Невозможно отрицать, что обе эти категории сегодня для России приобретают особое значение, их признание мобилизует население на сплоченность для защиты отчества, на основе чего сегодня происходит консолидация общества.

М. Вебер видел историческое место патриотизма в формировании ценностно-рационального типа отношений, но под влиянием рационализации общественной жизни основной целью становится социальная (а не национальная) рациональность, на которую ориентирован основной действующий агент — бюрократия [Вебер 1990: 624–629]. Вероятно потому, что наша бюрократия (причем в любые времена) так и не приняла на себя миссию стать и быть социально-рациональной, у нас сохраняется установка на ценностно-рациональный тип отношений. Что на практике означает отсутствие у бюрократии (читай — управленцев) социальной рациональности? В реальности это проявляется как наличие социальных групп и слоев, у которых, кроме своего жилья и непосредственной среды обитания, больше ничего нет (и это основная часть населения страны). В связи с этим «малая родина» приобретает крайнюю степень ценности, выражающуюся в патриотизме, т.е. в любви к «малой родине», сохранить которую можно лишь защитив «большую», как показывает исторический опыт.

Подход Т. Парсонса к проблеме патриотизма также демонстрирует приоритет социальной рациональности. Он, исследуя капиталистическое общество, подчеркивает высокую значимость

для граждан ценности успеха, предприимчивости, рациональности. Культура для него имеет инструментальное значение [Парсонс 1996: 32–35]. Однако в российском культурном коде (т.е. веками сложившееся мировоззрение и мироощущение) эти ценности до сих пор (несмотря на попытку строительства рыночных отношений) не обретают первостепенного значения. Большая часть социологических опросов показывает, что среди преобладающих ценностей находятся человеческие взаимоотношения — семья, друзья, работа, удовлетворенность которой наступает при условии хорошего трудового коллектива [см., например: Двадцать лет реформ... 2011: 277].

Современная социология направляет фокус на процессы глобализации и констатирует разнонаправленные сюжеты, связанные с патриотизмом, впрочем, нечасто употребляя само это понятие, хотя и отмечая, что глобализация стимулирует самосознание граждан и сообществ [Бауман 2002; Бек 2001; Хабермас 2005]. При этом одни настаивают на унификации экономики, культуры, политики, что приводит к стиранию граней между государствами, нациями, народами и их культурой, а, значит, и базиса для патриотизма. Другие — отмечают рост национальной идентичности, консолидации на этой почве, но все это является следствием слабого включения в процессы глобализации. Для России это означает, что в стране, сильно отстающей в сфере инкорпорирования в глобальный мир, что еще более стало очевидным в виду санкций Запада, граждане обречены на углубленное осознание собственной идентичности, что должно повлечь за собой рост патриотизма.

Таким образом, анализ условий для существования российского патриотизма на основе основных социологических подходов демонстрирует, что для российского общества патриотизм — не «последнее прибежище негодяя», но веками сложившаяся и единственно возможная (по отношению к Родине) по сей день традиционная ценностная установка. Условий для ее отмирания очевидно не сформировано, но попытки их формирования уже заметны, о чем речь и пойдет ниже.

Ценность патриотизма и причины ее размывания в современной России

Можно утверждать, что патриотизм как ценность выдержал в России множество противодействий, в том числе и осмысленно

организованных²³. И это только из Москвы кажется, что он сегодня возрождается. Нет, он и не умирал в регионах страны. Наши исследования показывают, что народ сохранил основные ценности, связанные с любовью к Родине и ее людям, и в постреволюционные, и в постперестроечные времена. Он не позволил «нарушить связь времен», стоит только посмотреть на окружающую рукотворную среду наших районных центров и их краеведческие музеи, многие из которых создавались руками самих горожан. Там продолжали свято поддерживать основные праздники, связанные с достижениями отечества (неслучайно Бессмертный полк как идея и движение возник в далекой Сибири).

Однако атаки на эту ценность осуществлялись и осуществляются. И не потому, что какая-то конкретная социальная группа стремится разрушить именно эту ценность, но потому, что современное мировое устройство настойчиво требует осуществления глобальных преобразований и в нашей стране. Проявляется эта связь инноваций и снижение ценности патриотизма весьма наглядно.

Нами сегодня выявлено три типа²⁴ отношений к Родине: *безоговорочный патриотизм* (т.е. любовь к Родине как таковой, без оглядки на лучшую жизнь где-то, без стремления разрушить сложившуюся систему ценностей или преобразовать ее в соответствии с другими образцами при установке на развитие); *преобразовательная любовь* к столице региона, которую следует довести до лучших образцов и организовать жизнь общества в соответствии с западными установками; *индифферентное отношение* к столице региона, отличающееся отсутствием стремления улучшить жизнь здесь и сейчас, поскольку это представляется невозможным, а по этой причине установка успешных и активных граждан — искать возможности собственной реализации где-либо в другом, более перспективном для развития месте.

Из девяти исследованных регионов к первому типу (*безоговорочный патриотизм*) отнесено три столичных города. Жители одного

²³ О смыслах современного патриотизма и их изменениях подробнее см.: [Левашов 2006].

²⁴ Типологизация патриотизма как социального явления рассматривается в статье А. Н. Малинкина [Малинкин 2002].

из них имеют давнюю традицию защиты государства, ибо издревле город являлся первым рубежом обороны страны во всех предыдущих войнах. Здесь и молодежь понимает, что надо жить и работать тут, где родился и вырос, поскольку выбора нет — «нас нигде не ждут и никому мы не нужны», как говорили наши респонденты-студенты университета. Два других региональных центра отличаются давними традициями развития — промышленного, сельскохозяйственного и культурного (т. е. развитием диверсифицированным), при опоре на свои исторические традиции, укорененные в региональном сообществе.

Ко второму типу (*преобразовательная любовь*) относятся, по нашему мнению, другие три региона. При этом один из них так же, как и в предыдущем случае, является историческим форпостом, но под влиянием непосредственно наблюдаемого западного образа жизни горожане осознают, что требуется изменить в их собственной жизни для организации общества в соответствии с этим образцом. При этом переехать в соседнюю страну стремления людей не выявлено. Два других — развитые промышленные центры, вся история которых заключается в развитии именно промышленности с соответствующими этому ценностями, среди которых основной является установка на рыночные отношения, столь необходимые для успешной реализации их устремлений.

Третий тип отношения к своему месту жительства (*индифферентное отношение*) характерен для оставшихся трех региональных столиц. Общие их характеристики: слабое развитие культурной сферы; разрушенная в 1990-е годы промышленность, которая либо начала сегодня восстанавливаться, либо город нашел способы приспособиться к новым условиям в хозяйственной сфере, так и не восстановив промышленность; недостаточная забота об инфраструктуре; внедрение в городскую инфраструктуру элементов, выглядящих модернизационно (большое количество торговых центров, в некоторых случаях непосредственно в центре города, небоскребы рядом с полуразвалившимися жилыми домами, новые здания управления транспортной сферы, смотрящиеся вызывающе по сравнению с окружающими и очень старыми постройками); отсутствие опоры на исторически сложившиеся ценности (а то и их отсутствие). Иными словами, это города, где включение внешне модернизационных

объектов не сопровождается собственно модернизацией, в результате чего эти объекты оказываются в несвойственной им среде, в которой продолжает жить большая часть жителей. Последние оказываются в ситуации не востребоваемости и отсутствии заботы о них, что и влечет их ответную реакцию — индифферентное отношение к своему месту жительства. Очень часто респондентами в этих региональных столицах высказывалось мнение о бесперспективности проживания в них и о необходимости уехать в более благополучные и развивающиеся места.

Специфика любви к «малой родине»

Как показано выше, на уровне столиц регионов подходы в отношении к Родине подходы весьма различны. Но в сравнении с тем, что происходит на локальном уровне (в районных центрах), нами выявлен практически единый подход — несомненная любовь к «малой родине», который базируется на следующих основаниях.

В первую очередь это касается отношения непосредственно к своей «малой родине», которое выражается в основном в любви к ней как к родному человеку, по кому тоскуешь в разлуке, с которым не хочешь расставаться, о котором заботишься всю жизнь. Фокус-группы со студентами показали, что большинство из них хотели бы вернуться в свои города, работать и жить там, но понимают, что это невозможно по причине отсутствия там рабочих мест.

Во-вторых, связи внутри городского сообщества гораздо более устойчивые и тесные, чем в столичных городах, почти родственные. Взрослые люди, уже обустроившие свою жизнь в родном месте, уезжать не хотят, и, если требуется, бьются за сохранение позитивных характеристик своей «малой родины». В интервью мужчины, вынужденные работать вахтовым методом за пределами своих городов, говорили, что если бы они могли заработать «дома» столько же, сколько выезжая, с удовольствием оставались бы на месте. Их позицию подтверждает и то, что их семьи продолжают жить в родном месте. Но...

Третье — повсеместно родители желают детям уехать из родного города, но не потому, что не любят его, а потому, что отсутствуют рабочие места и перспективы развития. При этом те, кто уже уехал, выражают желание вернуться, если бы была такая возможность.

А некоторые и возвращаются, как показало наше исследование, как только находят или сами создают возможность заработать на своей малой родине.

Четвертое — отношение к истории города и района весьма внимательное. История показывает местным жителям те достоинства, которые присущи их «малой родине», то развитие, которое произошло на их земле на протяжении нескольких поколений, выявляет и его негативные стороны, требующие осмысления и исправления. Недаром особое значение имеют краеведческие музеи, большинство из которых сохраняются на протяжении многих лет, постоянно пополняясь новыми экспозициями. В последние годы местные жители районных центров стали создавать музеи, посвященные жизни в советские времена.

Пятое, роль каждого профессионала (специалиста) в деле внесения вклада в развитие местного сообщества для всех жителей заметна и всеми оценивается, обсуждается. В связи с этим работать «спустя рукава» не приходится, если только речь не идет о полностью деклассированных согражданах. Все местные жители, занимающие активную жизненную позицию, честно живущие и работающие, чувствуют себя востребованными в жизни города и сообщества. Особенно это касается сфер среднего образования и культуры [Аксенова 2014; Левченко 2014].

В-шестых, местные «аллеи славы», где отмечены герои-земляки (и ветераны всех войн, и работавшие в тылу, и современные заслуженные работники) — это не абстракция. Это конкретные люди — близкие родственники, известные и уважаемые горожане. В результате и память народная — дело не опосредованное, но близкое каждому, а значит «свое». И всех прославленных земляков, когда бы они ни жили, здесь чтут и помнят. Удивительно, но даже в пору современного кризиса памятные места местных сообществ тщательно поддерживаются, они выглядят ухоженными и значимыми.

Конечно, это не означает, что все перечисленное сознательно воспринимается членами местных сообществ и интерпретируется ими как основание для любви к Родине. Все это — результат сформировавшегося уклада жизни, и разрушать его ни у кого желания не возникает. Именно поэтому свой город и район готов защищать каждый в случае необходимости, что, собственно, и следует называть патриотизмом.

Однако и сюда проникают инновационные технологии организации социального пространства, влияющие на отношение людей к месту своего проживания. Наиболее характерным примером, обнаруженным нами в ходе исследования, стали различные типы хозяйствования в двух районных центрах одной из исследованных областей. В первом местные власти сдают землю в аренду для сельскохозяйственных работ только местным жителям, и там сохраняется вышеописанный уклад и соответствующее отношение к своему месту жительства. Во втором основная часть земельных угодий сдана в аренду агрохолдингу, который сезонно привозит своих работников. Местные жители оказались отстраненными от основного вида хозяйствования на родной земле, у людей растет чувство собственной невостребованности, и их отношение к «малой родине» постепенно становится все более и более индифферентным.

Любовь к Родине как к месту своего существования естественна для основной части общества²⁵. И связано это чувство с восприятием места как непосредственной среды обитания. Это не только, а, может быть, и не столько природная или рукотворная окружающая среда (хотя и это тоже), но для человека это еще и сформировавшийся исторически социальный, культурный и философский (морально-этический) контекст, выпадение из которого чревато огромными потерями.

Исследование показало, что какие бы теоретические подходы мы не использовали, любой из них подтверждает естественность наличия чувства патриотизма у российских граждан. Для этого есть несколько оснований.

Во-первых, имобильность большинства россиян: они вынуждены обустроить свою жизнь в том месте, где родились, поскольку нет никаких средств переехать в другое место.

Во-вторых, до сих пор в большом количестве случаев не удается констатировать рациональной для социального государства деятельности чиновников, которые должны быть направлены

²⁵ О наполнении понятия «патриотизм» различными смыслами подробнее см.: [Магарил 2016].

на рост благосостояния граждан по определению. А это означает, что люди налаживают свою жизнь самостоятельно, и в этом случае семья, а часто и другие члены местного сообщества (друзья, соседи коллеги и т. п.) являются одним (и очень важным) из ресурсов выживания. В результате любовь к Родине выражается в приверженности своим близким в местах проживания, что подтверждается и массовыми опросами «Левада-Центра»: «...50% наших сограждан видели патриотизм в укреплении семьи и воспитании детей...» [Журавлев, Юревич 2016: 94].

В-третьих, в условиях глобализации граждане страны, недостаточно включенной в глобальные потоки, более того, оказавшейся в ситуации противодействия ей со стороны коллективного Запада, не могут осознавать себя частью человечества в полной мере, а значит, космополитизм, о котором сегодня говорят социологи [Beck, Beck-Gernsheim 2009], не может стать распространенным явлением.

Все это не означает полного отсутствия инновационных процессов. В ходе исследования выявлены три различных типа патриотизма в региональных столицах.

Первый, безоговорочная любовь, проявляется в приграничных регионах, соседствующих с дружественными или, наоборот, враждующими с Россией странами, а также с высоко культурно развитыми областями российской глубинки. В этих регионах устойчиво поддерживаются и развиваются исторически сложившиеся традиции.

Второй тип (сделаем жизнь здесь, такой «как там») присущ тем столицам, регионы которых располагаются по-соседству со странами Балтии. Жизнь там они наблюдают воочию: они знали ее хорошо в советские времена, видят и сейчас. Их стремление — взять все лучшее и реализовать у себя. Конечно, далеко не все удастся, но тенденция очевидна.

Третий тип (индифферентное отношение) характерен для тех региональных столиц, где пытаются внедрять элементы модернизации в условиях полной неизвестности, что это означает для российского развития. В этих случаях модернизация носит характер внедрения западного стиля потребления, в первую очередь создается сеть торговых-развлекательных центров, в то время как все остальное остается неизменным. В итоге формируется сообщество, стремящееся к жизни по западным образцам, что лишило людей желания и возможности

строить жизнь здесь и сейчас, в том числе опираясь на собственные устои, традиции и формы поведения. Горожане в таких столичных центрах остаются в них только потому, что не имеют ресурсов переехать в другое место. Состояние жителей нередко граничит с депрессией и уж точно с полным безразличием к своей «малой родине».

Совсем иная картина выявляется на уровне районных центров. Известно, что именно тут сосредоточена основная часть российских бедных [Бедность и бедные в современной России... 2014], поэтому их иммобильность почти абсолютна. Это вынуждает людей обустривать свою жизнь самостоятельно, иногда вместе с властями, а подчас и вопреки им. Но поскольку перспектив развития (в том числе и создания рабочих мест) они видят немного, то общее устремление — выучить детей, чтобы они могли жить в более благоприятном в социально-экономическом плане месте. Родители, оставаясь на месте, ожидают внуков, чтобы растить их на родине. Таким образом, их патриотизм локален и жестко предопределен.

Социальный контекст, являющийся базой патриотизма, включает в себя, в первую очередь, родной язык, причем это не просто русский, но те его формы и содержание, которые привычны и понятны для местного сообщества. Речь не просто о различных диалектах, язык включает в себя все устойчивые социальные и культурные составляющие, которые становятся базовыми для общения членов сообщества. Недаром даже при переезде в другой город (чаще столичный) на языковую адаптацию приходится затрачивать много сил и времени. Наиболее ярко здесь известны рассказы известных актеров, прибывших в Москву или Санкт-Петербург. Попадание русских в чуждую языковую среду вызывает у них такой ужас, как будто они оказались в стане врага, что мы не единожды наблюдали в зарубежных отелях среди пребывающих на отдых, например, в Египет или Турцию, осуществлявшие обслуживающие. Ориентированные на массовый, дешевый туризм.

Социальная среда — это формирование устойчивых форм взаимодействия между представителями различных социальных групп. В малых сообществах учитель, медик и даже представитель местного самоуправления — это близкие люди, призванные помогать. Но и в столичных сообществах складываются свои формы взаимодействия. Один из наших респондентов, врач-хирург

по специальности, рассказал, почему он не остался жить в США: «Да, ездил, понял, что у американских врачей большая зарплата и комфортная жизнь. Но там я стал бы одним из многих чиновников, а здесь я — уважаемый человек».

Философия жизни, заключающаяся, с нашей точки зрения, в морально-этической системе, в сложившихся веками ценностях и традициях, есть фундамент жизнедеятельности нашего общества. Имплантировать в него инновационные нормы до некоторой степени удастся в мегаполисах и почти совсем не удастся на местном уровне. Сформировавшийся комплекс жизнеобразующих элементов можно назвать специфическим укладом. Нарушение этого уклада вызывает сопротивление – не протестное, но реально мобилизующее сообщества на его сохранение: в мирной жизни рутинными способами (охранением его наиважнейших составляющих), в условиях военной угрозы — готовностью к консолидации ради защиты страны.

Таким образом, с нашей точки зрения, российский патриотизм — явление неизбежное для общества, построенного на ценностных и культурных основаниях, уничтожение которых для него смерти подобно.

Список литературы

Аксенова О. В. Культурная среда приграничья: структуры и акторы // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 47–58. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Aksenova.pdf [Дата посещения: 13.03.2017].

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 326 с.
Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014. 304 с.

Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. 512 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон+, 1998. 432 с.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.

Левашов В. К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 67–76.

Левченко Н. В. Образование в приграничных районах // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 34–46. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Levchenko.pdf [Дата посещения: 13.03.2017].

Магарил С. А. Смыслы патриотизма: исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.

Малинкин А. Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 87–117.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. 270 с.

Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 368 с.

Beck U., Beck-Gernsheim E. Global Generations and the Trap of Methodological Nationalism for a Cosmopolitan Turn in the Sociology of Youth and Generation // European Sociological Review. 2009. № 25 (1). P. 25–36 [Дата посещения: 13.03.2017].

Глава 2. Патриотическое воспитание молодежи в регионах РФ

Теории гражданского общества

Дискуссии о состоянии гражданского общества в России и его соотношении с государственной властью идут в нашей стране не первый год.

Сегодня наиболее распространены три основных подхода к интерпретации понятия «гражданское общество». Первый — можно называть его классическим — восходит к Г. Гегелю, который трактовал его как «среднюю сферу» между семьей и государством. Надо полагать, что видя именно в государстве материализацию «объективного Духа», Гегель не предполагал для гражданского общества решающей роли в историческом процессе. Строго говоря, такое понимание мало отличается от содержания, которое мыслители французского Просвещения и их позднейшие последователи вкладывали в понятие «народ». Для социологических исследований такой подход не операционален, так как включает в гражданское общество слишком много сущностей, изучать которые одним способом невозможно. Опираясь на подобную трактовку понятия, рассуждать о развитии гражданского общества или чем-то подобном нельзя.

Второй подход — институциональный — понимает гражданское общество как совокупность объединений граждан, обладающих тремя качествами: они а) негосударственные, б) некоммерческие, т.е. не имеют целью своей деятельности извлечение прибыли и в) созданы гражданами по собственной инициативе. Эти объединения — НКО, «третий сектор» — не обязательно должны иметь юридическое оформление, они могут быть и неформальными, но главное — они так или иначе организованы, имеют лидеров и определенную структуру. Данный подход весьма плодотворен, и его использование может дать хорошие научные результаты, поскольку такого рода объединения существуют везде, где есть государственная форма организации социума. У него есть, однако, существенное ограничение: он не способен выявлять «текущую» гражданскую активность. Там, где институты слабы или декоративны, он видит одни только симулякры и приходит к выводу о слабости, неразвитости общества. Но, как показывают наши исследования в регионах России, такой

вывод часто может быть ошибочным. Слабость НКО далеко не всегда означает слабость общества [Подъячев 2013].

Третий подход – ценностный – трактует гражданское общество как особое состояние социума, для которого характерны культурно-религиозный плюрализм, толерантность, дискурсивность, модульность [Геллнер 2004: 116]. Сегодня данный подход стал едва ли не самым популярным в публичном дискурсе, но он обладает существенным недостатком: не ко всем культурам, не ко всем типам обществ он может быть приложен. А попытки сочетать его с институциональным могут вообще приводить к парадоксальным выводам, наподобие того, что какая-нибудь группа защитников прав ЛГБТ (сексуальных меньшинств) — это гражданское общество, а мотоклуб «Ночные волки» — нет. Здесь отнесение той или иной организации к «гражданскому обществу» ставится в зависимость от декларируемых ею ценностей, а точнее — от ее политической позиции. По нашему мнению, такого рода утверждения вообще не имеют отношения к науке, уходя в область пропаганды и политической полемики.

В последнее время исследователями предлагается еще один подход — акторский [Аксенова 2012], при котором гражданское общество рассматривается как совокупность акторов — активных граждан, своей деятельностью, основанной на энтузиазме, патриотизме и чувстве долга, формирующих социальную реальность. По нашему мнению, он более адекватен российским реалиям.

Впрочем, детальное рассмотрение настоящей проблематики невозможно в рамках данной статьи по причине ограниченности ее объема. Здесь мы намерены показать только одну сторону деятельности гражданского общества (понимаемого и институционально, и акторски) во взаимодействии с органами власти и другими политическими институтами. И сделаем это на примере одной из наиболее актуальных на сегодня проблем — патриотического воспитания молодежи, актуальной потому, что патриотическое воспитание имеет ключевое значение для сохранения ценностного ядра российского социума.

Дискурс патриотизма в современном российском обществе

Дискурс патриотизма, «русской цивилизации» и «народного единства» стал не только доминирующим в официальной риторике, но и на самом деле определяющим в массовом сознании россиян, что

фиксируется социологическими исследованиями последнего времени [ВЦИОМ... 2015]. При этом резко усиливается антироссийская, подчас откровенно русофобская риторика в европейских и американских СМИ, и, едва ли не в большей степени — в среде российской так называемой «либеральной» или «несистемной» оппозиции. Последняя, несмотря на свое маргинальное положение в политике (даже в Москве, где ее позиции наиболее сильны, предельная норма электоральной поддержки для нее оценивается примерно в 700 тыс. голосов²⁶), занимает существенные позиции в медиа-пространстве, культуре и образовании. В связи с этим, существенным является вопрос о том, кто и каким образом может влиять на формирование сознания, мировоззрения подрастающего поколения. Украинские события последнего времени убедительно показали, к каким результатам может привести соответствующим образом организованная пропаганда исторических (пусть и вымышленных) свидетельств величия страны, «национальных ценностей» и т. п. Так что с полным основанием можно утверждать, что проблема фиксации ценностей патриотизма через образовательно-воспитательное воздействие становится сегодня проблемой национальной безопасности.

Таким образом, сегодня перед обществом встает существенная задача в области идеологии, культуры, образования: противостоять разрушительной антироссийской пропаганде и одновременно не допускать сползания в фанатический национализм по украинскому образцу, что для многонациональной и многоконфессиональной России может быть губительным.

Однако есть все основания полагать, что только силами государственной власти эту задачу не решить, что отмечал и Президент России: «Государство никогда не сможет быть эффективным по этому направлению работы. Эффективным может быть только само общество, если осознает важность тех подходов, которые оно, само общество, считает нужными для себя» [Путин 2015]. Здесь необходимо активное участие гражданского общества, особенно профессиональных сообществ педагогов, работников культуры, историков. Не должны

²⁶ Оценка на основе результатов голосования по выборам мэра Москвы в сентябре 2013 г.

оставаться в стороне и социологи, и политологи. Представляется, что сегодня эта сфера может рассматриваться как одна из наиболее значимых точек пересечения социальной науки и практики, причем именно таких, где наука может выступать средством не только познания, но и преобразования реальности.

Впрочем, надо отметить, что сам термин «патриотическое воспитание» кажется не вполне корректным. Патриотизм — это естественное чувство, такое же, как материнское или сыновнее. Привить его извне нельзя, и тем более невозможно навязать его силой. Правильнее, на наш взгляд, говорить о воспитании вообще: на здоровых ценностях, уважительном отношении к истории своей страны, почтении к памяти предков и тому подобном. Поэтому задача видится не в «насаждении» патриотизма, а скорее в ограждении его от размывания, в противодействии пропаганде космополитизма и культурного индифферентизма.

Опыт регионов по работе с молодежью

Российские регионы накопили весьма богатый опыт решения этой задачи через организацию культурно-просветительской и воспитательной работы с молодежью и на региональном, и на муниципальном, и на локальном уровнях. В ходе проведенных в 2013–2015 гг. исследований²⁷ нам удалось познакомиться с этим опытом; результаты обобщения и анализа его мы и представим далее.

В ходе исследования было отмечено, что политические партии в изученных регионах ведут весьма оживленную деятельность. Самое главное, что по большей части она не связана с узкополитическими, электоральными целями, в большой степени обращена в социально-благотворительную и гуманитарную сферу (в том числе и патриотическую). Например, партии активно участвуют в организации спортивных мероприятий, в антинаркотических и антиалкогольных кампаниях, проводят разного рода «культпоходы» и т. п. Особенно в такой деятельности преуспевает ЛДПР. Ей удастся привлекать в свои ряды

²⁷ Серия глубинных интервью с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, политических партий, общественных движений, учреждений образования и культуры проводилась в ряде регионов России, в т. ч. Смоленской, Тамбовской, Орловской, Архангельской, Курской, Псковской, Свердловской областях, г. Севастополе, Республике Крым.

представителей «девиантной молодежи», выходцев из социально неблагополучных семей, и, таким образом, способствовать их социализации. Молодые люди, которые могли бы пополнить ряды криминальных группировок, превратиться в наркоманов или деклассированных элементов во многом благодаря партии получают образование, опыт общественной работы и становятся полноценными членами общества. Наиболее энергичные из них продолжают работу в партии и образуют весьма ценный кадровый резерв соответствующих регионов.

Партии, причем отнюдь не только Единая Россия, активно участвуют и в мероприятиях подобного рода, организованных по инициативе властей. В этом случае об «оппозиционности» и политических разногласиях забывают.

Необходимо также отметить, что описанная выше деятельность малозаметна для стороннего наблюдателя (и, по словам многих респондентов, для большинства жителей региона тоже). Вне предвыборных кампаний политические партии словно бы отсутствуют в публичном пространстве. Все они, даже могущественная Единая Россия, не формируют повестку дня, не задают направление публичного дискурса.

Патриотическое воспитание: современное состояние

В деле патриотического воспитания основным генератором идей служат (как это ни показалось бы странным приверженцам тезиса об «отсутствии в России гражданского общества») прежде всего общественные организации, а также учреждения образования и культуры. Смысловым центром, вокруг которого строится патриотическое воспитание молодежи, является Победа в Великой отечественной войне. В тех регионах, где проходили военные действия, активно работают поисковые отряды, состоящие из школьников и студентов. Их численность невелика, но они работают весьма продуктивно. Кроме того, активисты-поисковики вовлекают в свою работу сверстников, увеличивая число «сочувствующих», которые в дальнейшем оказывают помощь в работе отрядов, пусть и не выезжая в экспедиции.

Кроме того, существуют многочисленные кружки военно-исторической направленности, создаваемые при школах или муниципальных домах культуры. Силами этих кружков и клубов создаются и поддерживаются музеи боевой славы, особенно многочисленные в регионах, затронутых войной. Впрочем, и в областях, находившихся далеко

от линии фронта, подобная работа также проводится. Не имея возможностей по поиску военных артефактов в местах боев, там делают упор на поиске информации о вкладе своего региона/ города/ поселка в дело Победы, о земляках-героях войны, создают посвященные им экспозиции, проводят встречи с ветеранами. Начиная с празднования 60-летия Победы весьма распространилась практика поздравления ветеранов (да и просто пожилых людей) с Днем Победы — молодые активисты посещают ветеранов, вручают им подарки, при необходимости оказывают помощь по хозяйству. В ряде регионов молодежные организации (и неполитические, и партийные) выступают с инициативой «шефства», когда клуб постоянно оказывает поддержку проживающим в муниципальном образовании ветеранам: члены организации периодически приходят к ним, помогают по хозяйству, просто общаются с одинокими стариками — точно в стиле Тимура и его команды.

Периодически эти организации при поддержке властей (часто и при участии оппозиционных политических партий — КПРФ, ЛДПР) проводят более масштабные акции, чтобы заявить о себе, рассказать о своей работе более широкому кругу граждан.

Вершиной этой деятельности стала акция «Бессмертный полк», прошедшая во всех изученных регионах 9 мая 2013, 2014, 2015 гг. (акция проходила как в областных центрах, так и в муниципальных районах). Идея ее изначально исходила от властей, но была поддержана всеми политическими партиями и общественными движениями. Успех акции превзошел все ожидания — во всех рассмотренных нами регионах она прошла, можно сказать, с аншлагом (особенно грандиозно — в г. Смоленске и других городах Смоленской области): помимо представителей общественных движений, патриотических, ветеранских организаций, тех же политических партий, заранее готовившихся к акции, в мероприятия приняло участие большое количество жителей. Грандиозность же «Бессмертного полка» 9 мая 2015 г. в Москве потрясла всех, даже зарубежных комментаторов и самих организаторов проекта. Есть данные, что тогда по городу прошло свыше 1,5 млн человек (а всего по России — не менее 12 млн) [Бессмертный полк... 2015]. Успех проекта «Бессмертный полк» показал, что в России 9 Мая в действительности консолидирует граждан на почве общей исторической памяти и потому вполне справедливо является смысловым центром патриотического воспитания молодых людей.

В некоторых регионах опираются и на другие исторические события, что особенно характерно для местностей, с этими событиями непосредственно связанных. Например, в Нижегородской области — это события 1611–1613 гг., связанных с Народным ополчением под руководством К. Минина и Д. Пожарского. В Смоленской области — героическая оборона города от поляков в 1609–1611 гг., бои 1812 г. В Тульской области – Куликовская битва, в Севастополе — победы русского флота и Крымская война 1854–1856 гг. и т. д.

Вторым по значимости после военно-исторического является направление краеведческое — когда любовь к Родине воспитывается через любовь к своему родному городу (деревне) и области. Этому направлению также уделяется достаточно большое внимание, но здесь уже политические партии и общественные движения себя проявляют мало. Основную работу ведут школы и учреждения культуры: музеи, библиотеки. Именно на их базе создаются общества юных краеведов и т. п. Активное ядро этих организаций еще меньше, чем военно-патриотических, но деятельность их охватывает весьма широкую аудиторию. В ходе исследования было отмечено, что почти везде, даже в удаленных от федеральных дорог и финансово слабых муниципальных образованиях такого рода организации существуют и действуют весьма активно. Формы их работы могут быть самыми разнообразными — от организации пеших походов по историческим местам своего района до театрализованных исторических реконструкций по случаю праздников. Часто в результате деятельности таких сообществ формируются достаточно обширные коллекции исторических артефактов, на основе которых могут быть созданы краеведческие музеи.

Третьим важным направлением патриотического воспитания является направление «художественное». Оно состоит в реконструкции и поддержании традиционных для региона ремесел, фиксации и сохранении народных обычаев, фольклорных песен, танцев и т. п. Почти во всех изученных регионах такая работа также активно ведется, причем нередко примеры, когда живую традицию удавалось буквально «ухватить за хвост», то есть перенять приемы традиционного ремесла едва ли не у последнего остававшегося в живых носителя традиции. Инициаторами подобной работы почти всегда выступают энтузиасты, и, что особенно любопытно — хотя бы один такой энтузиаст обнаруживался в каждом муниципальном образовании. Как правило,

они получают поддержку от местных властей, гораздо реже — от партии «Единая Россия» или работающих в регионе компаний (но такие факты также отмечены). Случаев же поддержки подобных инициатив со стороны других партий, крупного бизнеса или каких-либо федеральных фондов не отмечается. Не беремся утверждать, что такой поддержки нет вовсе, но нам обнаружить сведения о ней не удалось.

Организуемые энтузиастами мастерские, фольклорные студии и т. п., как правило, поначалу существуют сугубо на добровольной основе, но в дальнейшем переходят в ведение местных властей, вливаясь в существующую систему художественного образования. Естественно, что в современных условиях поддержание фольклорной традиции требует определенной институционализации, поскольку архаического аграрного общества, в котором она сохранялась естественным путем, передаваясь от родителей к детям, в нашей стране более не существует. Вместе с тем сохранение этой традиции, имеющей свои особенности в каждом регионе, подчас в каждом сельском поселении, остро необходимо как средство поддержания национальной культурной самобытности и исторической памяти народа. В условиях проникновения во все сферы жизни влияния обезличивающей, уравнивающей глобализации, это особенно необходимо и отрадно, что в регионах есть немало людей, которые это понимают и действуют соответствующим образом.

В целом подобная работа затрагивает достаточно большое число молодых людей — школьников и студентов. Хотя число настоящих активистов невелико, но создаваемая ими атмосфера чрезвычайно благоприятствует формированию у молодого поколения гордости своей историей и любви к родной земле.

Серьезной проблемой, выявленной в ходе исследования, помимо недостаточного финансирования (с чем на местах научились как-то справляться) является слабость концептуальной базы для всей описанной выше деятельности. Разумеется, в этом никак нельзя винить самих активистов, педагогов и культурных работников. Они все-таки не являются философами и академическими исследователями, и у них хватает задач, требующих решения. Сама же проблема вызвана, скорее, идущими до сих пор спорами о единой концепции преподавания истории. Не вдаваясь в эту проблему глубоко, хотелось бы отметить, что, как представляется, основные положения ее уже стихийным

образом сформировались в упомянутых нами военно-патриотических клубах, краеведческих кружках и художественных студиях. Они пока четко не сформулированы, нигде не декларированы и проявляются скорее через конкретные действия, нежели через декларации. Здесь мы возьмем на себя смелость сформулировать эти пока не артикулированные тезисы:

Если исходить из того, что сегодня главными задачами являются сохранение суверенитета России и преодоление «дефицита духовных скреп», на что указывал Президент РФ [Путин 2012], то и сверхзадачей истории как учебной дисциплины является воспитание патриотизма, чувства гордости за свою страну и любви к Отечеству.

В российской истории достаточно фактов, которыми стоит гордиться и нет никакой необходимости прибегать к обману. Главным предметом гордости, вокруг которого можно было бы выстроить всю концепцию, может стать тот факт, что наши предки «..не создали обратную человекоубийственную систему мироощущения... относились к окрестным народам как к равным... И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов» [Гумилев 2008: 518].

Вместе с тем, не следует и затушевывать темные страницы нашей истории, дабы не вызвать у учащихся чувства, что им лгут. Но такие факты надлежит не выпячивать, чем грешат либеральные историки, а показывать в компаративном аспекте (например, говоря об Иване Грозном, должно показать, что творили в то же самое время Генрих VIII в Англии, Фердинанд I в Испании и т. п.).

Таким образом, задача исторической науки состоит в том, чтобы изыскивать факты, разоблачать ложь и формировать интерпретации и концепты. Задача истории как школьного предмета — опираясь на факты и избегая обмана, способствовать формированию у молодежи чувства гордости за свою страну и желания трудиться для ее дальнейшего успешного развития.

В заключение следует отметить, что образ провинции, особенно удаленной от столиц, формируемый центральными СМИ и, казалось бы, автономной и плюралистичной блогосферой, абсолютно не соответствует реальному положению вещей. Рассматривая даже

не областные центры, а районы, малые городские и сельские поселения, мы видим, что, несмотря на незначительность финансовых ресурсов, там, как правило, существует весьма активная социальная жизнь. Однако она обращена не в политическую, а в культурно-образовательную сферу и поддерживается локальными акторами [Подъячев 2013: 89], чья деятельность мотивирована в основном энтузиазмом и чувством патриотизма. Именно локальные акторы, а не институты, определяют жизнь местных сообществ в России — и применительно к работе по патриотическому воспитанию это, пожалуй, особенно верно.

Список литературы

Аксенова О. В. Сфера управления как пространство действия актора // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 289–312.

Бессмертный. полк стирает границы. 2015 // Дни.ру (интернет-газета). URL: <http://www.dni.ru/society/2015/11/17/320826.html> [Дата посещения: 17.03.17].

ВЦИОМ. Пресс-выпуск. 2015. № 2966 от 2.11.15. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115448> [Дата посещения: 11.03.17].

Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / пер. с англ. М.: МШПИ, 2004. 240 с.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь М.: АСТ-Москва, 2008. 655 с.

Подъячев К. В. Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремесел // Вестник Института социологии (сетевой научный журнал). 2013. № 7. С. 75–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Podychev.pdf [Дата посещения: 01.03.17].

Подъячев К. В. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России // Власть. 2014. № 10. С. 129–133.

Путин В. В. Послание Федеральному собранию РФ 2012 года.

Путин В. В. Встреча с молодыми учеными и преподавателями истории 5 ноября 2014 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru/news/46951/print> [Дата посещения: 21.03.17].

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов М.: Весь Мир, 2015. 432 с.

Раздел VI

Крым и Севастополь — регулярные трансформации или устойчивое постоянство?

Глава 1. Крым: сохраненные традиции и современный транзит

Происходящее ныне в Крыму есть очевидный транзит — от одного политического и культурного уклада к другому. Заметим, этот транзит не содержит в себе радикальной экономической составляющей — перехода к рыночным отношениям, поскольку, по крайней мере, такая установка уже воспринята и в какой-то степени реализована в рассматриваемых сообществах. В связи с этим новый транзит, казалось бы, не столь радикален, сколь транзит от социализма к капитализму.

Однако очевидно и он вызывает к жизни «культурную травму» [Штомпка 2001], о которой писал П. Штомпка, возникает и необходимость ее преодоления, в первую очередь, в виде адаптации к новым условиям. Этот транзит, травма и адаптация и будут в фокусе данной статьи, состоящей из двух частей — анализа ситуации в Республике Крым и Севастополе.

Крым — влияние традиций на процесс присоединения к России

Данная часть раздела основана на неформальном наблюдении за настроениями крымского общества в постсоветские годы и на результатах полевых исследований, осуществленных сектором по изучению социокультурного развития регионов России в августе-сентябре 2015 г. Работа осуществлялась качественными методами: в виде глубинных интервью с представителями власти, образовательных и медицинских организаций, учреждений культуры, а также с местными жителями в пяти городах Крыма (всего 84 интервью), а также в форме фокус-групп со студентами вузов (3 единицы). Следует особо отметить, что исследование не проводилось в крымско-татарском сообществе. Целью исследования было выявление социокультурных установок крымского общества и отдельных местных сообществ, ставшие основой их борьбы за присоединение к России.

Проблема транзита в Крыму состоит, в первую очередь, не в трудностях перехода к рыночным отношениям. Даже во время такого перехода в конце 1980-х — начале 1990-х гг., пожалуй, главным изменением для крымчан было введение рыночных отношений: как раз это не было для них болезненным, ибо местные жители практически весь советский период были заняты «частным» в «туристической сфере» (в кавычках, поскольку, конечно, это не было классическим и легальным предпринимательством, да и сферой туризма это можно обозначать лишь с большой натяжкой). Значительно более чувствительной стала для них иная трансформация — присоединение к другому государству, другой стране, другому обществу. Осознанно это было, конечно, не сразу, но все годы до 2013 г. Крыму приходилось ощущать себя территорией, на которую государство не обращало внимания, что выражалось не столько в политической, сколько в экономической сфере (наши наблюдения мнений граждан Крыма в этот период свидетельствуют об их постоянном недовольстве отсутствием экономической политики государства в отношении этого субъекта).

Однако, как выяснилось в период «евромайдана» и после него, и это для крымчан было не главным. Ситуация в это время радикализировалась в сфере социокультурной, для многих — неожиданно. Появившиеся лозунги (национальной идентификации, связанные с культурой и языком, ориентация на вхождение в Евросоюз и особенно полный разрыв с Россией вплоть до конфронтации) вызвали у основной части крымского общества глубинное неприятие. По рассказу нашего респондента, в семье, где два брата, один сказал, что он русский, а другой — что украинец. Именно в этом состояла суть «культурной травмы» в данном случае.

Эта травма состояла и в том, что общество (даже при том, что большинство не приняло современные социокультурные и политические установки) оказалось расколотым, пусть и не на равные части. Наше исследование выявило, что такое деление существовало всегда, только не проявлялось активно. Оно заключалось в следующем. Поначалу (т.е. в 1990-е гг.) большую часть населения Крыма составляли бывшие граждане СССР, именно для них и была болезненной утрата родины. Но со временем подрастало поколение, чья жизнь проходила уже в Украине. Эти молодые люди учились в школах по украинским программам, дальнейшую (после школы) учебу многие осуществляли

уже в других регионах Украины, где некоторые из них оставались жить впоследствии. Это сформировало значительную социальную группу, уже адаптированную к украинской социокультурной среде. Особо показателен рассказ директора одного из музеев: *«Моя дочь была абсолютно убеждена в том, что жить можно только в Украине. Спившаяся, разрушенная Россия, как она была убеждена, совершенно неприемлема, и стремиться войти в ее состав ни коим образом не следует. Она настолько была убеждена в российской разрухе, что отказывалась верить даже в сохранность таких памятников истории как собор Василия Блаженного. Никакие доводы не помогали. Пришлось везти ее в Москву на экскурсию, поскольку стало страшно от такой ее позиции. Не сразу в нашей семье удалось хоть как-то смягчить ее отношение присоединению».*

Однако и эта группа к 2013 г. не оказалась многочисленной и устойчивой (представляется, что еще бы лет 10 и украинизация жителей Крыма была бы завершена). Исследование в 2015 г. выявило лишь единицы тех, кто оказался активным противником вхождения Крыма в Россию.

Во-первых, лишь единицы сменили местожительства, т.е. уехали на Украину. Также единицы из молодежной когорты поступили в эти, постмайдановские, годы в вузы Украины, причем сделав сознательный выбор. О таких случаях рассказали наши респонденты из общеобразовательных, музыкальных школ и вузов, а также из учреждений дополнительного образования (везде речь шла об одном-двух случаях).

Большая часть без радости воспринявших выход из Украины констатировали безысходность ситуации: *«Те требования, которые стали предъявлять действующая на Украине власть и особенно лидеры майдана, показали, что другого выхода у нас просто нет».*

Без сомнения, наиболее сложной эта ситуация оказалась для молодежи (особенно — для школьников). Их мировоззрение, социокультурные установки, понимание истории и отношение к современной России сформировали в условиях Украины. Они пока еще не стали устойчивыми их носителями в силу возраста, но их изменение сегодня — это процесс весьма сложный и болезненный.

Большая же часть населения зрелого возраста (начиная с 30 лет и старше) по-разному рассказывают о своей позиции по поводу

необходимости присоединения к России, но в основе практически всех этих высказываний лежит осознание себя как части российского общества по многим и разнообразным причинам. Во-первых, многие из них — русские по происхождению, приехавшие в Крым либо в детстве с родителями, либо самостоятельно и сравнительно недавно. Во-вторых, почти все местное население — это носители русского языка, культуры и традиций. В-третьих, многие указывали, что они категорически отказываются видеть в России врага: *«Я стал активным сторонником присоединения к России, когда в официальных документах Киева появились слова, что Россия — наш враг»*. Большая часть населения (особенно женщины) были напуганы угрозой насилия со стороны радикалов (из воспоминаний наших респондентов Феодосии: *«Мы, как слышали, что к нам едет правый сектор, вооружились, буквально чем попало — от палок до вил, и вышли к вокзалу. Простые люди, в большинстве женщины, беспокоящиеся за свои семьи. Поезд с правосеками подъехал, они из окон увидели нас и, не выходя, отправились назад. Было страшно, но это была наша победа»*). Озабоченность в Крыму, в-пятых, была вызвана и перспективой размещения на полуострове подразделений НАТО еще до того, как Украина в этот блок вступит: *«К нам в город приехало подразделение НАТО. Солдат разместили в гостиницах. Перед нами встал вопрос: как бороться? Стихийно сложилось так, что мы всем городом начали митинговать, проводить шествия с антивоенными и антинатовскими лозунгами в течение нескольких дней. Они увидели это и уехали. Все прошло тихо и мирно»*. В-седьмых, многие учреждения культуры чувствовали себя в Украине ущемленными или заброшенными: в условиях украинизации, недостаточности средств, отсутствия даже моральной и законодательной поддержки (особенно на это сетовали сотрудники особо охраняемых природных территорий и музеи, посвященные русской культуре, например, мемориальные музеи русских писателей). В сфере политики седьмой причиной недовольства населения Крыма жизнью в Украине стало то, что в органах исполнительной власти на всех уровнях в различные периоды существовало засилье «варягов» — донецких, днепропетровских, киевских. В своих исследованиях в европейской части России подобное явление мы тоже наблюдали и отметили его провоцирующее возникновение социальной напряженности воздействие [Халий 2014].

Таким образом, суть первой трансформации в Крыму подтверждает утверждение Р. Дарендорфа, что постсостояние неизбежно содержит в себе противоречие между воздействием традиций недавнего прошлого и их публичным отвержением [Darendorf 1990]. Но они оказались столь доминирующими, что привели к новому трансформационному процессу. А сама эта трансформация представляется результатом «динамического хаоса», под этим названием И. Пригожин обозначил свою теорию, основной принцип которой: неожиданные события могут стать поворотным пунктом в последующей динамике всей социально-политической и экономической ситуации [Пригожин 1986]. В результате в ситуации в Крыму преобладает прагматизм принятия решений «по ситуации», иначе это интерпретируется в научной литературе как «инструментальный активизм» [Genov 2000].

Возможность успешной современной трансформации

В анализе возможного успешного вхождения Крыма в состав России будем опираться предложенные Н. Наумовой условия, необходимых для модернизации общества [Наумова 1999], поскольку модернизация есть изменение, как и рассматриваемая трансформация. Она называет пять таких условий: а) достаточность экономических и человеческих ресурсов; б) гражданское согласие среди элит общества; в) удержание государством социального контроля, упреждение острых социальных конфликтов и вооруженных столкновений; г) быстрый рост численности среднего класса и д) наличие общенациональной мобилизационной идеи. Но если для успешной модернизации значимым являются все пять условий, то для успешного встраивания Крыма в состав России, по всей видимости, основными являются первые три, два последних — пока не сформировались и в самой принимающей стороне (анализ степени готовности российского общества к модернизации см., например: [Тихонова 2011]). Поэтому рассмотрим подробнее первые три.

Трудно вести речь о достаточности экономических ресурсов. Без сомнения, ситуация лишь ухудшилась. К и без того в целом низкому уровню благосостояния населения и экономического положения республики постоянно прибавляются действия Украины, усиливающие негативный эффект: это и перекрытии водоканала, и отключение

от ресурсов обеспечения энергоносителями (вплоть до подрыва ЛЭП), блокада дорог и прекращение железнодорожного сообщения с Крымом не только с Украиной, но и с Россией. Абсолютно пустые железнодорожные вокзалы Крыма, некогда работавшие напряженным образом, производят весьма гнетущее впечатление. В результате трудно представить, как крымчане пережили 2014 г., когда поток отдыхающих прекратился полностью. Но пережили, и даже не рассказывают сегодня о том, как им было тогда тяжело. Наконец, санкции вызвали не разрешенную пока проблему движения финансовых средств через банковскую систему, что осложняет жизнедеятельность не только местного бизнеса и населения, но и отдыхающих.

Россия сделала многое, но проблемы, вызванные внешними факторами, возникают вновь и вновь. Решение основной проблемы связи с материком видят в возведении моста через Керченский пролив. Но населению трудно понять и принять то, что практически вся экономическая поддержка России на сегодня направлена именно на это. В результате на остальную жизнедеятельность крымского общества дополнительных средств выделяется недостаточно. И недовольство этим среди населения нередко проскальзывает в интервью с нашими респондентами: жители полуострова надеялись, что жить станет лучше моментально, а этого не происходит. Отклики на это носят подчас и резко агрессивный характер: *«Если так и дальше пойдет, ждите «крымскую осень»»*.

Здесь мы переходим к анализу человеческих ресурсов. Во время самого события вхождения в Россию жители Крыма в основном испытывали эйфорию, но, пройдя трудный 2014 г., люди могут устать ждать и надеяться, если не включатся сами в активное строительство собственной жизни. И они включаются: делают то же, что и всегда — принимают отдыхающих, иных сфер экономического развития не обнаруживается. Пожалуй, единственное, что возрождается сегодня в хозяйстве полуострова, это аграрный сектор, причем как на индивидуальном уровне, так и в виде бизнес-структур. 2015 г. оказался весьма благоприятным по погодным условиям, поэтому удалось вырастить и собрать достойный урожай и зерновых, и овощей, и фруктов. В условиях санкций Запада против России это может стать значимым фактором развития Крыма — проблема, правда, заключается в логистике перемещения товаров.

В этом же 2015 г. более благополучно обстоят дела и с туристической сфере, хотя уровень предмайдановских лет так и не достигнут и, видимо, без дополнительных усилий государства достигнут не будет, так как «отторгнут» украинских туристов, для которых Крым был почти дачей – доступный финансово, близкий территориально и свой по государственной принадлежности. Сегодня с Украины приезжают лишь единицы.

Ситуация с социально-экономическим положением населения тяжелая, поэтому вызывает опасения. И здесь очень многое будет зависеть от деятельности крымских властей всех уровней (это второе условие — гражданское согласие среди элит общества) и от их взаимодействия не только друг с другом, но и с обществом. Во многих населенных пунктах Крыма представители власти в интервью говорили о необходимости постоянно общаться с гражданами, чтобы разъяснять и позицию федеральной власти, и действия крымской. К этому с экрана телевизоров на Первом Крымском канале регулярно призывает вице-губернатор.

На этапе вхождения в состав России представители различных структур власти далеко не были едины. Кто-то в это время уехал в Украину, кто-то лег в больницу, кто-то просто воздерживался от каких-либо действий. Следует признать, что в большинстве случаев именно позиция населения играла роль мотора в процессе присоединения. Но и среди чиновников были те, кто безоговорочно встал на сторону общества в случаях, где оно было активным, или на сторону активистов – борцов за присоединение к России в других случаях, где население активности не проявляло, огородив себя от происходящего в собственных домах и пытаясь переждать «смутное время». Так, в первом варианте, по рассказам респондентов, *«население вынуждено было провести ряд митингов у стен администрации прежде, чем мэр вынужден был присоединиться к народному движению»*. Во втором варианте происходило так, как поведал в ходе интервью один из современных мэров, который в те времена был лишь заместителем: *«Я осталась одна в здании администрации, когда город ожидал прибытия украинских радикалов, затаившись в своих домах, а мэр заболел и слег в больницу. Было очень страшно»*.

Наконец, последнее из рассматриваемых условий успешного вхождения Крыма в Россию и его адаптации к российской жизни и

управлению — удержание государством социального контроля — реализовывалось гражданскими активистами, в число которых входят и органы власти, и их отдельные представительства, и некоторые институты, как, например, Верховный Совет Крыма. Без сомнения, стабилизирующую роль играли части российской армии, дислоцированные в Крыму. Ее активная деятельность никем из респондентов названа не была, но все были согласны, что она стала гарантом отсутствия вооруженных конфликтов: «Им не пришлось особо вмешиваться: успокаивало само их присутствие. Вот если бы их не было, то крови было бы много».

Ответственность за упреждение социальных конфликтов, как части условий успешности транзита, лежит, в первую очередь, на структурах власти, а также сформировавшихся на местах отделениях российских парламентских политических партий и структур гражданского общества. Во многом (если не в решающей мере) от активности последних, среди которых особое значение имеют организации национальных диаспор в многонациональном Крыму.

Мотором развития социальной напряженности могут стать крымские татары (и с межджисом уже есть проблемы), которые на протяжении всех последних 25 лет выказывали готовность к отстаиванию своих интересов. А питательной средой зерен социальной напряженности может стать недостаточная активность структур власти и низкая самоорганизация общества.

Адаптационные процессы: проблемы и трудности их преодоления

П. Штомпка отмечал, что посттравматическая адаптация во всех странах имеет две формы: использование активных стратегий совладания с трудностями и пассивная стратегия примирения с ними [Штомпка 2001].

Преыдущая часть статьи показала, что общество в Крыму весьма неоднородно, поэтому смело можно утверждать, что реализуются и та, и другая стратегии. Следует отметить только, что пассивная стратегия в данном случае не означает бездействия: просто люди как жили до сих пор, сами себя обеспечивая, так и живут — при полном бездействии в Крыму не выжить. Таким образом, социальным контекстом адаптации является устойчивое постоянство части

общества как в своем экономическом поведении, так и в социокультурных установках. Это ориентация на Россию, легитимация родных языков (все три языка — русский, украинский и крымскотатарский — объявлены государственными), возвращение к собственной истории (кстати весьма патриотично ориентированной) и т. д. Все это создает прочную базу для осуществления процесса адаптации к российским реалиям. Теперь все зависит от тех, кто призван активно играть значимую роль в этом процессе.

Для власти трудности заключаются, в первую очередь, в том, что они должны успевать одновременно в трех направлениях: руководить процессом экономического развития Крымской Республики, адаптировать всю документацию к российским образцам (а эта бюрократия требует огромного напряжения), постоянно взаимодействовать с обществом — как с конкретными гражданами, так и с их объединениями и с целыми сообществами (городскими, сельскими и республиканским в целом). Еще одна сложность деятельности властных структур состоит в том, что новые кадры, пришедшие на волне борьбы за вхождение в Россию, нередко не являются сильными профессионалами. В этой связи все зависит от их способностей, желания научиться и отдать все силы на благо общества.

Жители полуострова вполне жестко оценивают деятельность новых властей, то подозревая их в саботаже (дескать, бывшие украинские чиновники не хотят служить России), то предполагая, что местные лидеры нечестны по определению, и нужно поэтому призвать профи из Москвы). Еще критичнее местные сообщества относятся к локальным властям. Правда, если быть до конца честными, то следует подчеркнуть, что резко осуждаются те, кто действительно слабо работает, а там, где работа идет, особых порицаний в адрес власти слышно не было.

Как бы откликаясь на эти настроения общества, а главным образом потому, что этого требует федеральный центр, — разворачивается борьба с коррупцией. Очень опасно развести в этой сфере кампанию, избирательно кого-то наказав, вместо осуществления комплексных и постоянно действующих мер.

Наиболее трудным процесс адаптации оказался в сфере бизнеса. Весьма сложен способ перерегистрации предприятий, встраивание в новую экономическую реальность, невероятные проблемы

с логистикой транспортировки товаров, совсем плохо с передвижением капиталов, ибо в связи с санкциями не работают российские банки, не говоря уж об иностранных.

Важную составляющую адаптационного процесса представляют собой общеобразовательные школы, учреждения дополнительного образования и культуры, поскольку именно от них зависит мировоззрение будущих поколений. И здесь, как и по всей России [Левченко 2014; Аксенова 2014], в Крыму они действуют самоотверженно, инициативно, способствуют поддержанию социокультурного потенциала сообществ, не давая им скатиться в архаику предотвращая его архаизацию [Аксенова 2014: 56]. Думается, что именно они воспитывают любовь к Крыму и мобилизуют людей на его обустройство, о чем в большинстве свидетельствовали наши респонденты из числа студентов.

Огромное значение для успешной адаптации имеет сфера здравоохранения. Она пребывала в весьма запущенном состоянии — это и нотремонтированные здания, и устаревшее оборудование (морально и физически), которого к тому же и недостаточно, это нередко и отставание от современного уровня компетенции врачей, и не потому, что у них плохое образование, но потому, что долгое время отсутствовала возможность повышения квалификации. Конечно, исправить все это сразу не удастся. Но главное не поступить в Крыму так же, как в России в плане оптимизации здравоохранения, которая часто выливается в закрытие медучреждений, поскольку государству нерентабельно их содержать. Ухудшение медицинского обслуживания очевидно чревато ростом социальной напряженности.

Отдельные опасения вызывает ориентация властей на создание в Крыму современной развитой инфраструктуры туризма. Споры нет, делать это необходимо, но только при условии сбережения уникальной природы полуострова.

Те же опасения возникают и в связи с возрождением промышленности, поскольку традиционно в Крыму были развиты отдельные отрасли ВПК.

Процесс адаптации должен содержать в себе и осознание обществом своего приграничного состояния. В интервью представители власти говорили, что с этим у них «полный порядок — полуостров защищен с военной точки зрения». Но дело ведь не только, а возможно,

и не столько в военном аспекте. Предстоит сделать так, чтобы только что вошедшее в состав России крымское население осознало себя ее гражданами и продолжало оставаться носителями ее культуры, а это большая и многоуровневая работа всех, кто заинтересован в дальнейшем развитии российского Крыма.

Как видим, трансформация происходит. Но она очевидно опирается на устойчивое постоянство граждан Республики Крым в их ориентацию на Россию, а также в экономическом поведении.

Исследование показало, что у этого базиса есть будущее, поскольку современная крымская молодежь, особенно студенты, твердо стоят на «крымских позициях» — учатся и планируют здесь остаться в будущем. На вопрос о том, почему они участвовали в референдуме, основная часть ответила, что так воспитала семья и школа. Добавим, что и общий настрой людей был таковым, хотя, конечно, наши молодые респонденты этого не осознают.

Дальнейшее развитие событий зависит, в первую очередь, от тех, кто сегодня управляет процессом, и от тех, кто будет управлять им завтра. Сверхважно, чтобы векторы мировосприятия у власти и общества совпадали. А для этого самому обществу необходимо занять более активную позицию и перестать придерживаться «пассивной стратегии».

Представляется, что многое могут сделать в этом направлении ученые-обществоведы Крыма. А они есть, о чем свидетельствуют дискуссии на Крым-ТВ. Правда, там это по большей части политологи. Но не менее важно сегодня осмысливать и социальные процессы и перспективы их развития. И крымским социологам предоставляется широкое поле научной и просвещенческой деятельности.

Список литературы

Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал, 1999. 176 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

Тихонова Н. Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. Вып. 10. М.; СПб.:

Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 110–126.

Халий И.А. Коммуникация власть — общество: стала ли система управления открытой? // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзеvских чтений (21–22 ноября 2013 г.) / А. В. Тихонов (отв. ред.). М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 27–231.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–17.

Darendorf R. Reflection on the Revolution in Europe. L.: Chatto and Windus, 1990. 154 p.

Genov N. Transition to Democracy and Nation-state in Eastern Europe // The analysis of the International Institute of Sociology. Vol. 7 / Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: Brill, 2000. P. 148–181.

Глава 2. Севастополь — защитник России и ее традиций

Как мы уже указывали в предыдущих работах [Аксенова 2013], образ российских регионов, представленный в федеральных медиа и блогосфере, весьма далек от реальности. Что уж говорить о Севастополе, который до марта 2014 г. и вовсе был регионом иностранного государства. Поэтому господствующее представление о ситуации там было, мягко говоря, не близко к настоящему положению дел. Только непосредственная работа на месте, полевые исследования, сочетающие качественные методы с принципами «третьей социологии» [Штомпка 2009] и элементами интуитивного знания, могли дать некоторое приближение к пониманию происходящего. Сразу оговоримся, что при подготовке данного материала мы опирались прежде всего на интервью²⁸ с представителями органов власти, работниками образования и культуры, и некоторыми случайно выбранными жителями Севастополя, поэтому ниже будем анализировать только те факты и проблемы, на которые указывали респонденты; дискурс СМИ нами рассматриваться не будет.

Общая историческая память и ценностное ядро массового сознания

Несмотря на то, что большинство россиян не воспринимало Украину как настоящую «заграницу», все-таки Крым (включая и Севастополь) не были частью РФ. Многие россияне и подавляющее большинство севастопольцев рассматривали это как ошибку, несправедливость, даже личную трагедию, но с течением времени приняли как некую данность. И то, что произошло в марте 2014 г., было неожиданностью. Опрошенные нами респонденты как один утверждали, что мечтали о возвращении города в Россию, но не надеялись на это. Думали, что если это и осуществится, то когда-нибудь, при детях или внуках. Что бы ни утверждали зарубежные политики и разнообразные СМИ, Севастополь вошел в Россию не просто добровольно, но с радостью и энтузиазмом.

Для севастопольцев вообще характерен ярко выраженный местный патриотизм, основанный прежде всего на гордости героической

²⁸ Интервьюирование респондентов проводилось нами в период 8–18 июня 2015 г.

историей города и связанного с ним русского флота. В городе высок «корпоративный дух», жители ощущают себя прежде всего севастопольцами, притом даже от Крыма отстраиваются довольно жестко. *«Где Вы здесь увидели крымчан? – говорили почти все респонденты, — крымчане в Ялте, а здесь севастопольцы»*. Вхождение Севастополя в состав РФ в качестве отдельного субъекта ими полностью одобряется, несмотря на все ощутимые издержки, о которых скажем ниже. Вместе с тем севастопольский патриотизм не отделяется от общероссийского, так как Севастополь воспринимается прежде всего как город русской славы (этот девиз встречается в городе повсеместно, можно сказать это своего рода местный брэнд), как бы ни пытались вымарать слово «русский» в независимой Украине, особенно в период президентства В. Ющенко. Севастопольская корпоративность в значительной степени поглощает этнические и религиозные различия, объединяя людей вокруг общих ценностей. Стержнем ценностной системы является общая историческая память, прежде всего о событиях Великой Отечественной войны, но также и о других значимых исторических событиях, так или иначе связанных с городом: крещение св. князя Владимира в Херсонесе²⁹, победы российского Черноморского флота, оборона Севастополя в годы Крымской войны.

Также характерно твердое неприятие как украинского национализма, так и «европейских ценностей» наподобие делегитимации брака, однополых отношений, индивидуализма, космополитизма и т. п. Ценностное ядро устойчиво и его сохранению способствуют сообщества педагогов, работников культуры и гражданских активистов (о которых мы еще скажем ниже). Благодаря их усилиям удалось не только вопреки украинской пропаганде уберечь ценностную систему от размывания, но и транслировать ее молодежи. Так, во время встреч работников культурно-просветительского центра со старшеклассниками, посвященных годовщине воссоединения с РФ, школьникам предлагалось подумать над следующим вопросом: «Вы ведь родились в государстве Украина, что ж вы так радуетесь,

²⁹ Византийский город Херсонес Таврический, где, по преданию, принял крещение св. равноап. Владимир, находился приблизительно в 2 км от центра нынешнего Севастополя.

что вы теперь в РФ? Вам не кажется, что вы поступили непорядочно, как по отношению к больной матери, когда у нее проблемы, а вы сбежали туда, где проблем меньше?». Конечно, языковые конструкции ответов различались, но в целом их можно свести к одному: *«Мы считали Украину своей родиной и готовы были за нее драться, но нам стали говорить, что Бандера – молодец, что в 1944 г. не освободили Украину, а одну оккупацию сменила другая и т. п. А это все не наша история, как мы ее знаем по рассказам наших дедов, родителей. Не мы отказались от родины, родина отказалась от нас, ибо та страна, где друзья Гитлера – герои, не может быть нашей страной»* (Из интервью с заместителем директора музея «35-я береговая батарея». Это не был классический опрос или фокус-группа. Школьникам предлагали самостоятельно обсудить тему и потом вынести некое коллективное резюме, которое озвучивал кто-то из них по собственному выбору аудитории).

Воссоединение с Россией и адаптация к иной социальной реальности

Данное выше краткое описание ценностной системы уже показывает, что приход в Россию мог быть воспринят ими исключительно как сбывшаяся мечта. Но сбылась она неожиданно. Поэтому, когда эйфория «русской весны» схлынула, обнаружились проблемы, о которых ранее никто не задумывался, ни в Севастополе, ни в России. Не задумывался не от низкого профессионализма или недалекости, а потому лишь, что не рассчитывал на такой оборот событий. Потому, когда возникла острая необходимость адаптации к иной институциональной среде, возникли и проблемы. Такая адаптация, насколько можно судить по многочисленным известным из истории примерам, никогда не проходит гладко и безболезненно. Реформы даже, в конечном счете, способствующие социальному развитию и улучшающие положение граждан, на начальном этапе всегда приводят к ухудшению ситуации и могут вызывать сопротивление тех социальных групп, которым приходится нести основные издержки [Przeworski 1991: 68].

Так и город Севастополь сталкивается с существенными трудностями. Первое, и, вероятно, самое болезненное — это сокращение доходов городского бюджета. Прежде львиная доля доходов

от платы России за аренду базы Черноморского флота оставалась в городе. Украинские власти, старавшиеся как можно меньше денег вкладывать в Крым, на эти деньги все же не решались покуситься, опасаясь взрыва сепаратизма. С присоединением Крыма и Севастополя к РФ Харьковские соглашения были денонсированы, уплата аренды прекращена, и бюджет города разом лишился главного источника финансовых поступлений. Хотя ресурсы России значительно больше украинских и федеральные власти начинают вкладывать деньги в Севастополь, все же пока общий уровень поступлений не достигает прежнего уровня. В результате приходится экономить на всем, в то время как город требует существенных вложений, поскольку за годы украинской власти инфраструктура предельно изнашивалась, а потому необходимы масштабные ремонтные работы.

Специфика гражданского общества и раскол управленческой элиты

Украинская власть, опасаясь сепаратизма и не доверяя местным жителям, старалась назначать на руководящие должности в Севастополь выходцев с «большой земли», особенно из Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской областей. Эти люди не ощущали своего единства с севастопольцами, да и сами севастопольцы воспринимали их как иностранцев. В результате у высшего чиновничества города сформировалась психология колониальной администрации, «временщиков», мечтающих только отличиться перед Киевом, чтобы отправиться на повышение куда-нибудь на родную Львовщину. Поэтому, с одной стороны, их не волновали интересы горожан и вопросы развития города, в то же время они сильно боялись масштабных уличных акций, так как сам факт возникновения беспорядков мог подорвать их репутацию в глазах киевских руководителей. Это весьма напоминает ситуацию, отмеченную нами в ряде российских регионов [Подъячев 2012], только многократно усиленную, образно говоря, возведенную в куб. В таких условиях никто из руководства думал не о развитии города, но только о предотвращении массового выражения недовольства. Поэтому власть не заботилась ни о вложениях в инфраструктуру, ни о культуре, ни о долгосрочных проектах, но лишь реагировала на массовые протесты, «латая дыры» там, где

это было необходимо. Основным каналом общения властей и граждан были уличные акции. Так что, насколько мы можем судить, украинский Севастополь являл собой самый яркий пример «отчужденной» властной модели. Такая модель местной власти отмечалась нами и в российских регионах (и муниципальных образованиях) [Халий 2014], но нигде она не была столь «лабораторно чистой».

Одновременно и со стороны гражданского общества сложилась специфическая модель «параллельного» существования с властью. Проблемы, которые власть не решала, общество старалось решать само, показывая тем самым пример подлинно активистского отношения к реальности. Так, там, где не осуществлялась уборка улиц, люди сами собирались и проводили субботники; где из-за отсутствия ремонта осыпались фасады, люди скидывались деньгами и нанимали штукатуров (а иной раз покупали штукатурку и штукатурили сами); на бульварах сами разбивали клумбы и т. п. То есть везде, где возможно, старались обходиться без власти. В тех же ситуациях, когда обойтись было нельзя, а чаще всего, когда власть сама вмешивалась в их жизнь, тогда выходили на улицу и требовали учитывать интересы горожан. Такая модель поведения обратна патернализму, который очень часто приписывается русскому народу. Но мы не видим здесь и классической отчужденности, когда недоверие населения к власти оборачивается гражданской пассивностью. Севастопольцы искренне любят свой город, привязаны к нему и хотят его сохранить и украсить. Видя же, что власти, ничего не предпринимают, граждане взяли инициативу в свои руки и по мере сил решали проблемы сами. При этом социально активное сообщество было институализировано минимально. Создавать какие-либо реально действующие общественные организации было просто опасно, так как их могла взять под контроль СБУ. Поэтому гражданское общество образовывало не НКО, а неформальные сообщества активистов, объединенных горизонтальными сетевыми связями (точно по М. Кастельсу). Причем коммуникация осуществлялась в основном не с помощью интернета, который мог бы контролироваться СБУ, а гораздо более традиционными способами — телефонными обзвонами и даже записками, передаваемыми с помощью бегавших из квартиры в квартиру мальчиков, словно во времена народовольцев. Выявить такие сообщества средствами институциональной социологии невозможно, почему

и складывалось впечатление, что никакого гражданского общества (по крайней мере, в широко принятой интерпретации) там не существует.

Но за более чем 20 лет существования такой оригинальной социально-политической модели в Севастополе сложилась своеобразная гражданская элита – активисты, выступавшие за русский мир, организаторы гражданских инициатив и (в случае необходимости) публичных акций протеста. Именно эти люди, наряду с гуманитарной интеллигенцией, являются основными носителями описанного выше «ценностного ядра» и севастопольского патриотизма. Они же и стали главной движущей силой «русской весны». По своей жизненной позиции и ценностным ориентациям, они как раз и есть «граждане не запуганные, а готовые стоять на своем и заставлять с собой считаться, когда под угрозой находятся базовые ценности» [Дарендорф 1992: 60], т.е. ровно та социальная сила, которая, по мнению Р. Дарендорфа, является главной опорой демократии и развитого гражданского общества.

После вхождения Севастополя в состав РФ многие из них заняли должности в администрации, заменив бежавших на Украину прежних руководителей.

Но из этого выросла существенная проблема: представители гражданской элиты Севастополя совершенно не имеют опыта госслужбы. Они блестяще умели работать в неформальной среде, но попав в мир бюрократии с инструкциями, субординацией, правилами делопроизводства и т. п. оказались в весьма сложном положении. При этом низовой состав властных органов, особенно «силовых», остался прежним, ведь невозможно же было заменить всех государственных служащих — на это просто не хватило бы кадров соответствующей квалификации. В результате стали возможными ситуации, когда у руководителя — бывшего активиста в подчинении находятся люди, в прежнее время писавшие на него доносы в СБУ, или во главе района оказывается активист, а отдел полиции в этом же районе возглавляет бывший украинский милиционер, который этого самого активиста при разгоне какого-нибудь пророссийского митинга задерживал и сажал в ИВС.

На это наложилось еще и появление среди чиновников значительного числа «варягов», присланных из России «на усиление». Они имеют свои представления о жизни, плохо знакомы с местной

спецификой и, как правило, высокого мнения о себе. По их понятиям, Крым и Севастополь – «отсталые» регионы, которые надо «подтягивать» до уровня «большой» России. Но если по уровню жизни и экономическому развитию это и так (и то не по вине крымчан и севастопольцев)³⁰, то по культуре и самоорганизации гражданского общества — нет. Севастопольцев очень раздражают их ссылки на передовой опыт США и ЕС: «Мы с Украины от чего бежали? От «евромайдана», чтобы тут не было западных порядков, а нам что предлагают теперь?!». Поэтому реформаторские поползновения «варягов» встречают неприятие как коллег из числа гражданских активистов, так и подавляющего большинства населения. Особенное недовольство вызывает реформа местного самоуправления и изменение содержания образования, о чем подробнее еще скажем ниже.

Таким образом, социальная группа госслужащих-управленцев Севастополя оказалась разделенной на три части: «старых», работавших еще при украинской власти, «новых», из числа гражданских активистов и «варягов», присланных федеральными властями. Кроме того, в каждой подгруппе существуют свои фракции. Например, среди «новых» руководителей выделяются так называемые «профессиональные революционеры» — организаторы публичных акций, активные борцы с украинизацией и «люди Чалого» — представители интеллигенции, всегда занимавшие пророссийскую позицию, но в гражданском движении участия не принимавшие. Этот внутренний раскол управленческой элиты Севастополя, конечно, никак не способствует снижению издержек правовой и социальной адаптации.

Переформатирование партийной системы

Похожая проблема сложилась и в партийной системе. Хотя в Севастополь (равно как и в Крым) после воссоединения с Россией напeregонки устремились российские политические партии, по настоящему закрепиться там удалось лишь тем, кто мог опереться на сохранившиеся с украинских времен партийные структуры, т.е. Единой России и КПРФ. Партии же вроде Яблока или ПАРНАСа вообще

³⁰ С 1991 г. вложения Украины в Крым и город Севастополь были минимальны. Промышленность там не развивалась, экономика в Севастополе держалась преимущественно на обслуживании Черноморского флота РФ и ВМС Украины.

не замечены, из-за их позиции по присоединению Крыма здесь им не рады и поддержка их ограничивается только кружком любителей современного искусства.

В Севастополе и при украинской власти активно действовали лишь две силы: Партия регионов (ПРУ) и Коммунистическая партия (КПУ). Никакие другие партии, вроде Нашей Украины, Блока Тимошенко или Радикальной партии (О. Ляшко) никогда не имели там поддержки и их отделения в городе де-факто не существовали. Зато открыто про-российская Социалистическая партия Н. Витренко, результаты которой на украинских выборах оставались в пределах статистической погрешности, в Севастополе получала поддержку, достаточную для того, чтобы проводить своих представителей в местные советы.

После воссоединения с РФ местное отделение КПУ с негласного одобрения лидеров партии в Киеве, в полном составе перешло в КПРФ вместе со всей организационной структурой.

Местное же отделение Единой России первоначально было сформировано из гражданских активистов. Но позднее бывшие члены Партии регионов, вступившие в ЕР, провели решение о расширении состава Политсовета партии, и в результате руководство партией было ими перехвачено. Попытки сопротивления основателей отделения – активистов и сподвижников А. Чалого были преодолены. Регионалы, которых активисты не хотели пускать в руководство севастопольского отделения ЕР, заявили, что те — люстраторы, льют воду на мельницу Порошенко, и так одержали победу. Сама причастность к гонимой на Украине ПРУ стала решающим фактором их успеха. Эта ситуация несет в себе угрозу внутреннего конфликта, что является серьезным вызовом для партии. Надо полагать, что административный ресурс Единой России в Севастополе не поможет, так как граждане там привыкли к сопротивлению властному давлению, и любые попытки его использования могут скорее оттолкнуть избирателя. Можно предположить, что в перспективе севастопольские выборы могут принести немало неожиданностей.

Местное самоуправление — механическое перенесение институтов

Реформа местного самоуправления, проведенная «варягами», вызывает у севастопольцев много вопросов. При всех недостатках

Украины, украинское муниципальное право было, по словам респондентов, гораздо более удобным и адекватным местным реалиям, чем российское. Кроме того, в составе Украины Севастополь имел особый статус, а в России он стал городом федерального значения (ГФЗ), как Москва и Санкт-Петербург. Поскольку опыта организации ГФЗ с нуля у российских чиновников нет никакого, в Севастополе была внедрена московская схема организации местного самоуправления, по которой муниципальные органы не несут существенных полномочий, а городское хозяйство находится под контролем правительства города. При внедрении московской схемы севастопольская специфика, как социальная, так и географическая (город изрезан бухтами, через которые нет мостов, что затрудняет транспортное сообщение между разными его частями) учтена не была, и это вызвало проблемы. На момент проведения нами полевого исследования система местного самоуправления в городе не начала полноценно работать, не все муниципальные образования даже успели принять уставы. В результате получилось так, что всем муниципальным образованиям сняли полномочия, соответственно обрезали финансирование, и в их ведении должны остаться по сути только культурно-досуговые мероприятия. Даже чтобы почистить улицу или похоронить покойника, приходится вызывать работников из центра, а им нужно ехать издалека. Разумеется, это вызывает недовольство жителей.

Реформа образования и идеологические противоречия

Еще одна болевая точка — образование. Впрочем, здесь недовольство проявляют не столько ученики или их родители, сколько педагоги. В этой сфере возникли две проблемы — административная и идеологическая. Первая заключается в том, что на Украине власть директора школы почти абсолютна. При условии идеологической лояльности директор практически неподконтролен административным органам, и внутри школы может свободно распоряжаться как в финансовых, так и в кадровых вопросах. Контроль над ним осуществлялся только идейный — чтобы не допускал распространения в школе «неправильных» взглядов, ставящих под сомнение официальную версию истории Украины (с «древними украинцами», «московской оккупацией» 1654–1991 гг. и героями-бойцами УПА), но и этим

занимались не органы управления образованием, а СБУ. А в России директоров школ сразу поставили в другие условия, когда они уже не могут неограниченно всем распоряжаться, что, конечно, вызывает недовольство с их стороны.

Идеологическая проблема более глубока. Она заключается в том, что, несмотря на все попытки украинской власти внедрить в сева­стопольских школах «идеологически правильную» концепцию истории и заменить русский язык украинским, педагогическое сообщество всеми силами этому сопротивлялось, проявляя подчас чудеса изобретательности. Так, например, поскольку идеологический контроль распространялся только на два предмета — историю и литературу, сева­стопольские учителя создали особый курс краеведения, где рассказывали в числе прочего о героических страницах истории города, двух оборонах, подвигах русских моряков и т. п. Курс этот был включен в состав уроков географии, и, таким образом, киевские контролирующие органы это долго не могли обнаружить. Такое же сопротивление (встречая в этом полное сочувствие родителей) педагоги оказали и попыткам продвижения в школах «европейских ценностей», вроде «сексуального просвещения», «прав ребенка» и тому подобного, начавшимся в период президентства В. Ющенко. Сколь же велико было их удивление, когда эти попытки возобновились после вхождения в состав РФ, но теперь уже со стороны «людей из Москвы и Санкт-Петербурга» (по словам респондентов)! Один из респондентов сказал нам: «Да, теперь к нам не пристают больше с «древними украми», но ведь мы не только от этого уходили! При Ющенко мы вполне наелись всеми этими «западными ценностями», толерантностью и однополостью, и мы этого хотим не больше, чем Бандеру и великую Украину. А тут к нам приезжают из Москвы и Питера, и начинают бороться с нашей отсталостью, внедрять снова все эти «евроценности». Мы от чего с Украины бежали? Не от этого ли? Нет, ребята, если будете нам такое навязывать, мы пошлем вас туда же, куда послали Яценюка и Турчинова!».

И если в решении административной проблемы власть может опереться на педагогическое профессиональное сообщество, не заинтересованное в сохранении всевластия директоров, то для решения проблемы содержательной необходим диалог с педагогами и родителями учащихся, иначе конфликта избежать не удастся.

Адаптация предпринимательского сообщества

Наиболее болезненно адаптационные процессы ударили по предпринимательскому сообществу: малому и среднему бизнесу. Предприниматели сталкиваются с большими трудностями, из которых основная — санкции, точнее вызванная ими невозможность нормально кредитоваться и страховаться, так как мало какой российский банк или страховая компания решается работать в Крыму, опасаясь проблем в Европе. Возникли также тяжелые проблемы с логистикой вследствие отсутствия моста и неналаженности морских перевозок, и еще более усугубившиеся с введением украинской стороной транспортной блокады со стороны Перекопского перешейка и Чонгарского моста.

Также вызывает серьезные затруднения отсутствие в Севастополе (равно как и в Республике Крым) земельного кадастра, поскольку за все время существования независимой Украины там его так и не удалось внедрить. А российское земельное право в принципе исходит из наличия кадастра, ситуация его отсутствия просто не была учтена. Из-за этого, по сути, остановились процессы выделения и перераспределения земельных участков, что сильно тормозит развитие целого ряда направлений бизнеса.

Наконец, российская система права, более детализированная, чем украинская, требует куда более высокой юридической квалификации либо самих предпринимателей, либо их консультантов, нежели прежде. По мнению опрошенных нами респондентов, в утверждениях представителей либеральной оппозиции, что на Украине было больше свободы, содержится доля правды. Но «свобода» эта происходила не от «демократичности», а от меньшей упорядоченности, гораздо более низкого уровня административной организации. Большая детальность и упорядоченность регулирования экономической деятельности в России в перспективе может быть более комфортной, чем «полудикая» бизнес-среда Украины. Но пока что предпринимателям трудно адаптироваться, особенно тяжелы для них постоянные проверки различных контролирующих органов, которых при украинской власти не было (а некоторых из этих органов даже не существовало).

Тем не менее, предпринимательское сообщество Севастополя, насколько мы можем судить на основании собранных данных, не настроено сожалеть об Украине и вернуться туда никто не хочет, хотя недовольное ворчание в этой среде и наиболее распространено.

В заключение важно отметить, что все описанные выше трудности адаптации не сказались на ценностных ориентациях севастопольцев. Тот факт, что город теперь — часть России, не рассматривается как случайность или результат чьей-либо милости. Жители в большинстве своем уверены, что они выстрадали право быть в России, завоевали его в борьбе. Хотя и ощущается их некоторое разочарование от пребывания в России, адаптационные проблемы и вызванное ими снижение уровня благосостояния вызывает недовольство, прежде всего среди работников торговли и мелких предпринимателей, но пока оно ограничивается только глухим ворчанием. И недовольство по поводу возникших трудностей никак не сказывается на позиции по вхождению в состав РФ: желания вернуться под власть Украины не выявлено. К тому же, если ворчащих и больше численно, общий фон публичного дискурса формируют не они, а упомянутая выше гражданская элита, а ее представители твердо стоят на позиции, что нахождение в составе России стоит того, чтобы потерпеть.

Собравшиеся на митинг 23 февраля 2015 г. севастопольцы (а это и был в основном гражданский актив) постановили так: «Мы пришли в РФ не для того, чтобы быть ей обузой. Страна и так испытывает трудности из-за санкций, а санкции она приняла на себя ради нас. Мы не имеем права стать якорем, который потянет страну вниз. Мы вправе рассчитывать на то, что наши интересы будут учтены, но не должны ждать от РФ каких-то привилегий, снисхождения и т. п. РФ уже нам помогла уйти от чужой нам власти. Теперь мы должны помочь РФ»³¹.

Таким образом, можно видеть, что хотя воссоединение города Севастополя с Россией и привело к существенным институциональным преобразованиям, вызвавшим определенные трудности социально-экономического характера, все эти трансформации если и сказались на системе ценностей севастопольцев, то только в сторону еще большего ее укрепления.

И, подводя итоги, еще раз сформулируем основные сделанные нами по результатам исследования выводы:

1. В городе Севастополе институциональная трансформация и адаптация к социально-экономической и правовой среде России

³¹ Из интервью с депутатом Законодательного собрания города

проходит тяжело, как, впрочем, и почти всегда в аналогичных случаях.

1. Несмотря на издержки переходного периода никто, включая даже предпринимателей, наиболее пострадавшей в ходе трансформации социальной группы, не жалеет о выборе, сделанном в марте 2014 г. и не собирается требовать возвращения в состав Украины или чего-то подобного.

2. Основными носителями как местного патриотизма, так и устойчиво пророссийских настроений являются гуманитарная интеллигенция и «креативный класс» (студенты, инженеры, работники IT-сферы), – ровно те, кто в Москве и Санкт-Петербурге в наибольшей части стоит на прозападных позициях.

3. Роль локальных акторов в Севастополе очень велика — именно они выступали главными хранителями исторической памяти и духовно-культурной связи с Россией во времена украинской власти, они стали главной движущей силой «русской весны» и до сего дня сохраняют прочные сетевые связи, что поддерживает высокий мобилизационный потенциал севастопольского гражданского общества.

4. Севастопольцы в большинстве своем полагают, что воссоединение с Россией ими выстрадано, и из родного дома им уже некуда уйти. Они рассматривали украинскую власть как чуждую, а российскую таковой не считают и готовы к сотрудничеству с ней. Но если власти будут проводить реформаторскую политику без оглядки на интересы горожан, протесты каузального характера не заставят себя ждать. И при наличии богатейшего опыта как пассивного, так и активного сопротивления административному давлению, накопленного севастопольскими гражданскими активистами, масштаб их будет значительно больше, чем в других регионах РФ.

Список литературы

Аксенова О. В. Затерянный город: медийный конструкт или реальность // Вестник Института социологии. 2013. № 7. С. 62–74.

Дарендорф Р. Благое общество // После 1989. Размышления о революции в Европе. Пер. с англ. М.: Ад Маргинем, 1992. 272 с.

Подъячев К. В. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник Института социологии (сетевой научный журнал). 2012. № 5. С. 145–163.

Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии. Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13.

Халий И. А. Коммуникация власть — общество: стала ли система управления открытой? // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзевских чтений (21–22 ноября 2013 г.) / А. В. Тихонов (отв. ред.). М.: Институт социологии РАН. 2014. С. 227–231.

Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. N.Y., 1991. 228 p.

Раздел VII

Выборы-2016 в России: результаты инноваций в социально-политическом развитии

Обсуждение результатов выборов кажется делом неблагодарным. На эту тему не высказался только ленивый (или тот, кому нечего сказать). Но надо заметить, что большинство поствыборных дискуссий разворачивались в СМИ и носили характер ситуативных комментариев. Собственно научный анализ не производится быстро, он требует времени. А выборы никак не могут быть безразличны для социологии и политологии, в первую очередь потому, что это — самый масштабный социологический опрос, по широте охвата респондентов значительно превосходящий любые возможные исследования, так как даже при низкой явке охватывает значительную часть генсовокупности. В этом смысле выводы, сделанные на основе анализа итогов выборной кампании, могут считаться твердо эмпирически обоснованными. Кроме того, даже самый предварительный анализ показал, что на этих выборах ярко проявились тенденции, отмеченные в ходе исследований, проводившихся авторами в российских регионах в 2013—2015 годах³². И представляется весьма полезным соотнести результаты данных исследований с основными итогами прошедших федеральных и региональных выборов.

Протестное движение и попытка становления малых партий

Первый вывод, который можно сделать — это бессмысленность протестных выступлений 2011–12 гг. и всей последующей информационной кампании в поддержку «несистемной оппозиции» и «креативного класса». Как известно, итогом тех протестов стала встреча

³² Исследования проводились в рамках проектов РФФИ № 13-06-00314А (ИКРБС ЕГИСУ 316021750028) «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества» и РГНФ № 13-33-01031 (ИКРБС ЕГИСУ 316021750027) «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России». Охвачено более 20 субъектов РФ, в том числе Московская, Тамбовская, Свердловская, Орловская, Смоленская, Ивановская области, Республика Крым и ГФЗ Севастополь. Основным методом сбора данных были глубинные интервью и фокус-группы.

Д. Медведева с лидерами «несистемного» движения 24 февраля 2012 г., по результатам которой в стране были проведены реформы избирательной системы институционального, организационного и кадрового характера. Но все эти меры по обеспечению прозрачности выборов если и дали результат, то лишь в смысле повышения уровня их легитимности, поскольку количество нарушений было незначительным, и формальных оснований для сомнений в результатах почти не появилось.

Тогда практически все требуемые реформы были проведены. Так называемый «проходной барьер» был снижен с 7 до 5%, возвращена существовавшая ранее норма о распределении половины депутатских мандатов по территориально-мажоритарному принципу, к тому же для мажоритарных округов была введена система простого большинства, ранее в России никогда не применявшаяся. Предполагалось, что все это будет способствовать успеху малых партий, в том числе и так называемых «несистемных». Действительно, провести успешную кампанию на уровне одной территории намного проще и дешевле, чем по всей стране, что давало малым партиям шанс получить хотя бы несколько мест в новом составе Госдумы. Были также приняты меры организационного и кадрового характера: усилен контроль на избирательных участках, фактически запрещено удаление наблюдателей, увеличено количество видеокамер, везде установлены прозрачные урны и т. п. Сделали обязательным участие всех партий (включая ЕР) в дебатах, которые транслировались по федеральным телеканалам в прямом эфире, чего давно добивались оппозиционеры. Наконец, незадолго до выборов обновили состав Центризбиркома, удалив из него непопулярных людей: вместо вызывавшего недовольство протестного движения В. Чурова ЦИК возглавила либерально настроенная Э. Памфилова. Но в результате все либеральные реформы и указанные выше меры по обеспечению прозрачности выборов если и дали результат, то лишь в смысле повышения уровня их легитимности, поскольку количество нарушений было незначительным, и формальных оснований для сомнений в результатах почти не появилось. Но на расстановку политических сил эти выборы никак не повлияли: «Единая Россия» (ЕР) получила на 105 (!) мандатов больше, чем в 2011 г. Притом в одномандатных округах ЕР имела даже больший успех, чем по округу федеральному. Так, по спискам, ЕР получила

менее 55%, а по одномандатным округам — 203 из 225, т.е. 90%! Также вполне сохранили свои позиции КПрФ и ЛДПР: их результаты по федеральному округу мало отличались от результатов 2011 г., а если они и потеряли в одномандатных округах, то по иным причинам.

А малым партиям не удалось ничего: все в совокупности они получили около 13% голосов (меньше, чем ЛДПР). Яблоко и Парнас, занимавшие откровенно капитулянтскую позицию, требовавшие возвращения Крыма в состав Украины и т. п., потерпели сокрушительную неудачу. И это при том, что власти ничем не препятствовали их агитационной кампании и даже закрывали глаза на поведение их представителей во время дебатов, иной раз имевшее признаки состава преступления (предусмотренного ст. 280 ч. 2, ст. 280.1 ч. 2, ст. 282 УК РФ).

Хотя, например, Яблоку, надо отдать должное: партия провела яркую кампанию (и вложила в нее больше средств, чем когда-либо³³), привлекла в свои ряды активную молодежь — но это все равно ей не помогло. Хотя в крупных городах Яблоко показало гораздо более высокие результаты, чем в среднем по стране, в Санкт-Петербурге, например, более 14% (второй результат после Единой России). Но это объясняется, по нашему мнению, наличием в крупных городах существенной прослойки населения, пребывающей в состоянии глубокого ценностного разрыва с подавляющим большинством граждан страны.

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что начавшийся в 2011 г. процесс, многими ошибочно принятый за «пробуждение гражданского общества» [Халий 2012: 104], пришел к естественному затуханию. Произошло ровно то, на что мы указывали еще несколько лет назад [Подъячев 2012: 161]: типичный каузальный протест сошел на нет по мере того, как вызвавшие его обстоятельства были устранены. Идейные же сторонники альтернативной политической линии остались в меньшинстве.

Неудача либерального и других альтернативных дискурсов

Особенно громким был провал именно тех политических сил, которые в 2011 г. выступали «застрельщиками» протестов, были

³³ По данным ЦИК РФ, объем избирательного фонда партии «Яблоко» достиг почти 413 млн р. — третье место после ЛДПР и ЕР.

главными инициаторами реформ избирательной системы и воспринимались многими экспертами как основные их бенефициары. Как прямо продолжавшие дело Болотной Яблоко и Парнас, так и более лояльные властям, но в принципе рассчитывавшие на тот же электорат («рассерженных горожан» и «креативный класс»), Партия роста и Гражданская платформа показали почти нулевые результаты: никто из них не смог набрать даже 3% голосов, необходимых для получения государственного финансирования в следующем электоральном цикле. Более того, они даже в совокупности не дотянули до преодоления 5%-го барьера, что указывает на бесполезность и бессмысленность давно призываемого, но так и не состоявшегося «объединения демократических сил». Причем, если вспомнить, что в марте 2011 г. на президентских выборах «несистемный» кандидат М. Прохоров набрал более 11% голосов, провал выглядит еще более сокрушительным: даже свой базовый электорат непарламентские партии либеральной направленности растеряли почти на 2/3. Таким образом, можно констатировать крах либерально-западнического проекта в России.

В связи с этим стоит обратить внимание и еще на одно обстоятельство, как-то не отмеченное в развернувшихся в СМИ поствыборных дискуссиях: даже не провал, а полное обнуление собственно «демократической» повестки. Ведь даже партии, претендовавшие на выражение интересов «креативного класса», не решились не то что сделать основой кампании, но и просто говорить о таких значительных для дискурса западного политического сообщества аспектах, как европейские ценности, толерантность, права меньшинств (в том числе ЛГБТ), свобода самовыражения, «демократизация демократии» (Э. Гидденс) и прочих идиомах современного секулярного либерализма. Ничто из вышеперечисленного за всю предвыборную кампанию нигде ни разу не прозвучало. Яблоко строило свою кампанию на социально-экономических лозунгах, Парнас – на антикоммунизме и борьбе с коррупцией, Партия роста — на защите прав предпринимателей и развитии малого бизнеса. Видимо, идеологи этих партий все-таки поняли, что восходящие к перестройке лозунги «демократии» в России окончательно утратили силу и на них не собрать даже тех 2,2 млн голосов, которые они в итоге получили. В пользу этого говорит и то, что попытки вдохнуть новую жизнь в «несистемное»

протестное движение, имевшие место в последнее время (март 2017) были основаны исключительно на антикоррупционной тематике, также добавлялись призывы увеличивать финансирование образования, здравоохранения, вообще социальной сферы — лозунги, обратные идеологии рыночного либерализма. О толерантности, правах меньшинств и секуляризации и на мартовских митингах никто не говорил. К тому же давний лозунг «Долой!» впервые сменил направленность: теперь требовали отставки уже не В. Путина, а Д. Медведева (одного из самых либеральных и прозападных влиятельных лиц российской политики). Таким образом, даже считающееся либеральным «несистемное» протестное движение полностью сменило окраску, взяв на вооружение левые и отчасти «почвеннические» идеи, позаимствованные из арсенала КПРФ и СР.

Однако, к большому сожалению, ряд представителей научно-экспертного сообщества, включая весьма уважаемых исследователей, продолжает рассуждать о демократии, демократизации и культурной модернизации так, словно бы с 2008 г. ни в стране, ни в мире ничего не поменялось [Дорожкин 2016].

Но надо обратить внимание и на то, что имперская, коммунистическая и националистическая повестки также на этих выборах не сработали. Партии, использовавшие жесткую антизападную риторику, критиковавшие В. Путина за нерешительность в 2014 г. (отказ от взятия Киева), уступки в Донбассе и Сирии и т. п., в сумме набрали больше голосов, чем партии либерального толка, но никто из них — ни Родина, ни Коммунисты России, ни Патриоты России — не смогли достичь и 3% уровня, и проходной барьер не преодолели бы даже в совокупности. Единственное исключение здесь — ЛДПР, но эта партия построена не на идеологических лозунгах, а на харизме лидера и социальной функции (о чем еще скажем ниже).

Личность vs партия: специфика электоральной культуры

Аналогичную ситуацию мы видим и в регионах: на губернаторских выборах победу 18 сентября везде одержали действующие руководители, представители Единой России. В региональных представительных органах также будет преобладать ЕР, хотя оппозиционные партии, в т.ч. непарламентские, там имели больший успех, нежели на выборах федеральных.

В целом это подтверждает тенденцию, отмеченную нами еще в ходе проведенных в 2013–2015 гг. исследований в регионах: избиратель голосует не за партию, а за человека [Актуализированные ценности.. 2015: 246]. Наибольший электоральный успех могут иметь либо известные личности, медийные персонажи («люди из телевизора»), либо локальные акторы, уже на протяжении длительного времени работавшие в данной местности и показавшие себя способными успешно решать те или иные конкретные проблемы. Вообще роль локальных акторов – людей, которые своей деятельностью изменяют социальную реальность в рамках определенной территории, — была на этих выборах если и не решающей, то весьма значительной. Можно сказать, что локальный актер, ранее выявляемый лишь в ходе специальных исследований [Аксенова 2016: 52] на этих выборах впервые по-настоящему показал себя. Локальные акторы далеко не всегда облечены властными полномочиями. Довольно часто они возглавляют муниципальные образования, но также они могут быть лидерами общественных организаций, директорами школ или краеведческих музеев, заведующими библиотеками и т. п. Неоднократно нами отмечались и ситуации, когда в качестве локального актора выступал просто активный гражданин, ни с какими институтами не связанный. Главное, что их отличает — это активность, основанная на энтузиазме и ценностях как на главной мотивации деятельности. Локальные акторы не ищут выгод для себя лично, и, как правило, не ставят перед собой политических целей. Главное для них — реализация своих собственных проектов, того, в чем они видят свой долг. Собственно говоря, любовь к Родине (и прежде всего к т. н. «малой родине») и чувство долга, проявляющееся даже в безнадёжных ситуациях – это базовые ценности российских локальных акторов [Аксенова 2015: 140].

И успех ЕР, и прежде всего в одномандатных округах, объясняется, по нашему мнению, прежде всего тем, что именно эта партия смогла втянуть в себя подавляющее большинство как медийных фигур, так и локальных акторов высокого уровня. Последнее в значительной степени было обеспечено сотрудничеством с ОНФ и предварительными выборами. Кроме того, как показали наши исследования, локальные акторы стремились в ЕР вовсе не из-за административного давления, а потому, что видели в этой партии наилучшее средство

для реализации собственных проектов и защиты интересов своих земляков.

Другие партии смогли добиться какого-либо успеха лишь там, где они также привлекли в свои ряды локальных акторов. Однако последние приходили в оппозиционные партии лишь в том случае, если им не удавалось найти себе место в Единой России (причем, как правило, по личным, а не идейным, причинам – либо предлагаемое Единой Россией место не соответствовало амбициям, либо имел место конфликт с руководством регионального отделения, с губернатором и т. п.).

Там же, где оппозиционным партиям удавалось привлечь в свои ряды локальных акторов, и действовать акторски, успешно решая конкретные проблемы жителей, там и электоральные результаты их были более высокими. Это можно продемонстрировать на примере Ивановской области. Так, руководство областного отделения КППРФ там активно и деятельно. Оно успешно сотрудничает с локальными акторами, помогает местным жителям решать конкретные проблемы территорий [Актуализированные ценности... 2015: 254–256]. И в результате КППРФ получила там больше голосов, чем в среднем по стране. Хороший результат Яблока в Республике Карелия (почти 8%) также подтверждает наше наблюдение о значении локальных акторов: там несколько авторитетных среди населения деятелей входят в состав этой партии. Кроме того, Карелия еще с начала 1990-х гг. имеет теснейшие связи с Финляндией, и потому идеи примирения и сближения с Европой находят там более позитивный отклик.

Если же наша гипотеза верна, то, значит, результаты прошедшей выборной кампании твердо и убедительно подтвердили, что люди в России голосуют не за партию, а за человека! Не партия дает людям известность и авторитет, а ровно наоборот.

Этому вполне соответствует и Единая Россия. Во-первых, на нее работает репутация самого авторитетного политика страны — В. Путина (который формально в партии не состоит). Во-вторых, в составе ЕР сегодня находится большинство действительно уважаемых людей, сильных профессионалов, авторитетных в своих местностях деятелей. Причем если сравнить показатели ЕР по федеральному округу и по округам одномандатным, выяснится, что авторитет Путина, на который принято списывать все успехи партии, принес

ей лишь 54% голосов. В одномандатных же округах ей удалось получить 90% мандатов, причем проиграли представители ЕР лишь в трех случаях — успех куда более значительный и обеспеченный уже отнюдь не именем Путина, поскольку тот физически не имел возможности посетить все округа и поддержать каждого из кандидатов. А система простого большинства, сыгравшая в пользу ЕР (в основном ее кандидаты побеждали с результатом 30–40%, при схеме времен Ельцина во многих округах потребовался бы второй тур), изначально рассматривалась как работающая на поддержку малых партий и самовыдвиженцев. Таким образом, полученный результат показывает, что, с одной стороны, именно ЕР привлекла в свои ряды наибольшее число уважаемых на местах людей, которых мы называем локальными акторами, а с другой — в регионах много ярких деятелей, не позволявших представителям ЕР однозначно доминировать. Это значит, что все разговоры о слабости гражданского общества на местах, о «забитости» и «патернализме» населения так называемой «глубинки», не имеют под собой солидного эмпирического обоснования.

Но на федеральном уровне почти все сколько-нибудь яркие фигуры, и просто хорошие специалисты сосредоточены в ЕР. Это стало просто очевидным во время дебатов, которые в этой кампании впервые стали обязательными для всех. Самое любопытное, что на обязательности дебатов больше всех настаивала оппозиция, и прежде всего — непарламентская. Все предшествующие годы со стороны «несистемной» оппозиции, а иной раз и КППРФ — в адрес ЕР звучали упреки в трусости, неспособности говорить с народом, разъяснять свою позицию — и систематическое уклонение лидеров партии от участия в дебатах давали для таких упреков хорошие основания. Надо думать, что оппозиционеры всерьез полагали, что если им удастся заставить ЕР участвовать в дебатах, уж на публичной-то арене они смогут продемонстрировать слабость и неспособность «аппаратчиков». На деле же вышло иначе. Именно представители ЕР показали на дебатах наибольший уровень профессионализма, открытости, способности четко, аргументировано и в то же время доступно излагать свою позицию. Оппозиция, по крайней мере, на взгляд авторов этих строк, выглядела значительно слабее. Малые же партии, для которых дебаты были главным шансом, которого они так добивались в 2011—2012 гг., показали себя настолько слабо, насколько это вообще возможно.

Диспут представителей ЕР или КПРФ с представителями этих, в недавнем прошлом «несистемных», движений вызывал в памяти переговоры лидеров царской Госдумы и Петроградского совета во время Февральской революции 1917 г., описанные А. Солженицыным: «Кто были здесь думцы? — всероссийские имена, прославленные политики. Кто были эти пришельцы? — никому не известные писаки, и неизвестно кем сюда выбранные, — и вот пришли они диктовать условия, даже свержение династии! И сила была — у них, это чувствовалось.» [Солженицын 2010: 510–511]. Разница состояла лишь в том, что спустя почти 100 лет никакой силы у них не было. Но вели они себя так, словно эта сила у них была, и они действительно могли, споря с представителями «власти», обоснованно говорить от имени народа. Выглядело это комично.

И в этом смысле вина Кремля в сокрушительной неудаче оппозиции действительно присутствовала — надо было бы выдвигать от ЕР меньше одномандатников, да и помочь малым партиям кадрами. Таким образом эта кампания показала: без применения административного ресурса перспективы непарламентской оппозиции крайне печальны.

Политические партии как элементы обратной связи и институты социализации

Важно отметить и роль партий как института обратной связи, канала, через который граждане добиваются решения определенных проблем. Как показали проведенные нами исследования [Актуализированные ценности... 2015: 253], ЕР довольно быстро стала восприниматься гражданами как общественная приемная руководителей государства — В. Путина, Д. Медведева — через которую можно эффективнее донести до них свои жалобы. В другие партии, как правило, обращались тогда, когда не удавалось решить проблему непосредственно с местными властями или через посредство ЕР. Оппозиционные партии, разумеется, к жалобам граждан относились куда более внимательно — так как каждая успешно решенная конкретная проблема была для них способом повысить свой рейтинг. Причем помочь обратившимся гражданам пытались, не обращая внимания на их социальный статус и политические взгляды. Пальму первенства в этом держала КПРФ, тесно сотрудничавшая с активными

гражданами и протестными Гражданской платформой, Партией пенсионеров, Родиной, которые также стали активно участвовать в этом процессе. Однако непарламентским партиям значительных успехов на этом пути достичь было невозможно прежде всего потому, что сами граждане не спешили туда обращаться, мало веря в их способность чем-то помочь. В последнем электоральном цикле ЕР также активно включилась в процесс решения конкретных проблем: к этому партию подтолкнули и необходимость продвижения в одномандатных округах, и сотрудничество с ОНФ.

КПРФ притягивала к себе значительную долю протестного электората, а также активно включалась в каузальные протесты граждан, направленные, в основном, на защиту городской среды от ее разрушения и учреждений образования / здравоохранения от оптимизации. Таким образом, партия выполняла важную социальную функцию, придавая стихийным каузальным движениям организованность, солидность и политический вес. Последнее часто способствовало успешному разрешению проблем и повышало авторитет партии. Но против коммунистов сыграло то, что КПРФ не предложила избирателям никакой привлекательной повестки, продолжая жить за счет советского капитала. И неуклонное снижение ее результатов, связанное, по-видимому, с естественной убылью ностальгирующего по прежним временам пожилого населения, показало, что багаж воспоминаний будет играть все меньшую роль.

Важную функцию выполняла также и ЛДПР, втягивая в себя низкосоциализированную, девиантную молодежь, и способствуя ее социализации через вовлечение в партийную работу (большей частью связанную не с политическими, а с социально-благотворительными акциями). Многие из этих юношей и девушек (таковых тоже немало!) получают с помощью партии образование (экономическое, юридическое, политологическое), в дальнейшем вливаются в руководящий состав региональных отделений и активно работают над различными проектами. Наиболее успешные из них становятся депутатами местных представительных органов. И мы видим обратную картину: электоральные результаты партии улучшаются. Это опять-таки говорит о значимости локальных акторов, которых ЛДПР не вовлекает извне, а выращивает внутри себя [Власть и общество... 2015: 48].

Справедливая Россия пыталась играть на «правозащитном» поле, но смогла достичь значительных успехов только в некоторых регионах, которые и принесли партии существенное количество голосов (пример: Свердловская область с результатом 15%). Что же касается непарламентских партий, то, как мы уже говорили выше, граждане не спешили к ним обращаться и поэтому у них было не так много шансов проявить себя в этой сфере.

Таким образом, мы видим и то, что социальная функция у политических партий явно превалирует над любыми идеологическими установками, что вполне соответствует отмеченной нами в ходе региональных исследований тенденции: «огромное количество неразрешенных социальных проблем ведет к доминированию социальных ценностей над политическими во всех сферах жизнедеятельности» [Актуализированные ценности... 2015: 37].

Уровень явки и проблема позитивной повестки

Некоторое время после выборов активно обсуждалась проблема низкой явки. Но уже достаточно сказано о том, что явка в 40-45% вполне нормальна для стран развитой демократии, поэтому повторяться нет нужды. А жалобы оппозиции на то, что низкая явка способствовала победе ЕР, вообще сильно напоминают известный афоризм о плохом танцоре. Весь опыт изучения избирательного процесса в разных странах говорит как раз об обратном: низкая явка всегда работает в пользу оппозиционных и особенно малых партий, так как их электорат более активен и мобилизован. Несостоятельно, на наш взгляд, и суждение о том, что невысокая явка говорит о недоверии всей политической системе. Если бы это было так, то и ЕР не показала бы столь высоких результатов, особенно на уровне территорий. С нашей точки зрения, в ситуации устойчивости режима люди не придают особого значения самому институту выборов, поскольку видят в них «процедуру легитимации действующей власти, имеющую во многом торжественно-обрядовый характер, что-то вроде венчания на царство» [Подъячев 2014: 32]. Однако люди вполне понимают, что основной носитель легитимности — Президент и именно президентские выборы являются в этом смысле по-настоящему значимыми. Но собранные нами в ходе исследований 2013—15 гг. данные позволяют утверждать, что если бы в ходе предвыборной кампании какая-то политическая

сила проявила себя ярко и ей поверили, то люди пошли бы голосовать. Но почти никто из оппозиционных партий не смог выйти на эти выборы с какой-либо позитивной программой, ограничившись только критикой действующей власти и общими лозунгами в стиле «за все хорошее против всего плохого». И в этом смысле за прошедшие со времени «болотных» протестов годы не поменялось ничего. Стоящие перед оппозиционными силами, особенно перед малыми партиями, проблемы остались с того времени неизменными: «Честные выборы — это чудесно. Под каким лозунгом? Под какую программу? Экономических идей (лозунгов) — нет. Социальных — нет. Внешнеполитических [*кроме капитуляции и возвращения Крыма — авт.*] — нет. Внутриполитических — нет. Лидера (лидеров) — нет» [Радзиховский 2012]. Приведенная цитата либерального автора, идейно весьма близкого «западнической» оппозиции, относится именно к периоду перед президентскими выборами 2012, но как видно, она остается актуальной и сегодня. Если не считать ЕР, то только КПРФ и Партия роста пытались предложить какую-то позитивную повестку. Но программа КПРФ опять сводилась к «возвращению в СССР», а сегодня это уже не работает, о чем говорилось выше. Что касается Партии роста, то она либо не смогла в полной мере донести свою программу до избирателя, либо же люди, которых в партии принимали за «свой» электорат, сами себя таким образом не идентифицировали. Так, например, в РФ есть большое количество самозанятых, которым программа Партии роста могла бы быть вполне близка. Но они сами себя не определяют как деловых людей, предпринимателей и потому не видят в «партии бизнеса» защитника своих интересов. Впрочем, учитывая, что эта партия была создана за несколько месяцев до голосования, ее результат (почти 700 тыс. голосов) — лучший, чем у ряда других партий, давно существовавших и ведших активную агитацию, — говорит о хорошей перспективе. Это подтверждает и то, что позитивная программа вполне может привлечь избирателя, считающегося аполитичным и равнодушным.

Судьба многопартийности

Также по итогам прошедших выборов можно сказать, что многопартийность в России не удалась. Это следует понимать в том смысле, что сформировать партии западного образца за прошедшее с 1993 г. время не получилось. Единая Россия существует не как партия, а как

институт обратной связи, и по мере вовлечения в ее ряды людей из ОНФ эта функция, насколько мы можем судить, выполняется все лучше. Кроме того, вовлечение в ряды ЕР активистов ОНФ дало обширное представительство в Госдуме профессиональных сообществ, а депутаты-одномандатники восстановили представительство территориальное. Таким образом, Государственная Дума Федерального собрания РФ в нынешнем составе будет институтом не столько партийного, сколько профессионально-территориального представительства. Такая ситуация, по нашему мнению, сложилась не из-за целенаправленных действий федеральной власти (ведь реформы 2012 г. были по сути вырваны у власти «болотным» протестным движением, а не инициированы сверху), а естественным образом, в силу сложившейся возможности опираться на поддержку общества. Связано это, вероятнее всего с тем, что западный парламентаризм, как бы это банально ни звучало, не соответствует российской политической культуре и не отвечает потребностям населения. Партии как агрегаторы интересов социальных групп у нас не прижились, поскольку таковых интересов не существует. Интересы группируются не по социально-имущественным стратам, а по профессиональным и территориальным сообществам, и складывающаяся на наших глазах система вполне адекватна объективно существующей ситуации. Характерным для современной России социальной структуре и политической культуре наиболее адекватной представляется система политического представительства, выстроенная по принципу «земского собора», но действующая Конституция устанавливает другую, заимствованную в западных странах, систему. Однако вектор социально-политических процессов таков, что никакой Конституции не переменить его. В результате в существующих, конституционно закрепленных институциональных рамках все равно сложилась система, настолько близкая к естественной, насколько это возможно в данных законодательных границах. Впрочем, это вопрос, требующий отдельного, и весьма основательного, исследования.

Электоральная культура, ротация элит и политические риски

Еще одно важное наблюдение, теперь получившее достоверное эмпирическое подтверждение — парадоксальное сочетание достаточно

высокого уровня недовольства социально-экономической ситуацией со столь сильной поддержкой «партии власти», причем не только на федеральном, но и на региональном уровне. На наш взгляд, это объясняется тем, что граждане, особенно на уровне локальностей, гораздо лучше многих «экспертов» осознают ограниченность возможностей самих властей. Они видят, что власти более или менее справляются с теми задачами, которые они в состоянии решить. Нерешенные же проблемы, как правило, вызваны экзогенными факторами, которые не исчезнут от смены лиц на высоких постах, и люди это понимают. Понимают они и утопизм призывов к «тотальной смене элиты» [Митрошенков 2016: 18], поскольку никакой полноценной контрэлиты (по Парето), могущей в полной мере заменить нынешнюю, в России не существует. Управленческие кадры есть лишь те, которые есть, и жить нужно с ними, поскольку альтернатива — лишь анархия и хаос по украинскому или даже ливийскому сценарию.

Следует указать и на возможные риски и вызовы, возникающие для обновленной политической системы России. На наш взгляд, серьезных рисков только два.

Во-первых, велик риск того, что даже не сама ЕР как партия, а федеральное правительство и региональное чиновничество воспримут такой результат выборов как основание для расслабленности и самоуспокоения. А граждане сегодня гораздо более бдительны, тем более что они имеют такой институт объединения локальных акторов, как ОНФ, и гражданские активисты накопили богатейший опыт и активного, и пассивного протеста [Актуализированные ценности... 2015: 237]. Так что если чиновники решат, что следующие 5 лет можно ничего не делать, их ждет много неприятных сюрпризов. Сегодня люди на местах весьма бдительны, и в ситуациях, когда власти не будут делать того, что они способны сделать, молчать не станут. Протесты в таких случаях, возможно, и не будут массовыми, но весьма активными. К тому же теперь, когда территории будут иметь представителей в федеральном парламенте, и при наличии у активистов накопленного в предшествующие годы опыта, просто заглушить протесты, организовав ярмарку на месте митинга, не получится. Так что властям придется с протестующими разговаривать, а вызывающую протест проблему решать.

Во-вторых, есть опасность, что пришедшие в Думу активисты-одномандатники будут не столько работать над законами, сколько

выступать ходатаями своих территорий, как во времена Ельцина, и это может негативно сказаться на качестве законотворческой работы.

В заключение обозначим основные выводы, что показали прошедшие в сентябре 2016 г. выборы:

✓ *Несоответствие ожиданий от реформы избирательной системы результату.* Реформа, проведенная под давлением внепарламентских оппозиционных движений на фоне массовых протестов, в итоге привела к усилению ЕР и провалу малых партий. При этом уровень открытости и прозрачности выборов начисто уничтожил любые поводы для протеста.

✓ *Удивительная трансформация институтов многопартийности и парламентаризма.* В итоге 25 лет экспериментов, попеременного «закручивания гаек» и либерализации, мы все равно получили партии как каналы обратной связи и институты социализации, и по сути профессионально-представительную палату вместо парламента классической теории.

✓ *Полный провал неолиберальной повестки,* категорическое неприятие подавляющим большинством населения РФ капитуляции перед США во внешней политике и западных нововведений (права ЛГБТ, конфискация детей, маргинализация православия, перевод образования в сферу услуг, продвижение за государственный счет «современного искусства» и т. п.) в политике внутренней.

✓ *Неудача и других радикальных дискурсов:* коммунистического, неоимперского, националистического, хотя число их сторонников и превысило количество «западников».

✓ *Полная и безоговорочная поддержка гражданами внешнеполитического курса В. Путина,* а во внутренней политике — безусловное предпочтение решения конкретных проблем территорий общим лозунгам.

✓ *Персоноцентризм электоральной культуры,* значение локальных акторов для успеха любой политической силы (может быть, даже нечто вроде харизматической легитимации, по М. Веберу). Голосование избирателей за личность, а не за бренд.

✓ *Изрядное расхождение в ценностных ориентациях* между определенными группами населения крупных городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга, и всех остальных регионов РФ.

✓ *Готовность власти слушать и слышать* голоса представителей самых разных групп общества. Судя по тому, что ЕР уступила половину комитетов представителям оппозиции, а власти разве что не помогали прямо малым партиям, руководство страны действительно заинтересовано в том, чтобы Дума стала «социологической», представляя весь спектр взглядов и мнений. И скорее вина малых партий, слабо выступивших на выборах, провалившихся в одномандатных округах, что этот замысел не реализован в полной мере.

✓ *Гораздо более высокий уровень сознательности и политической культуры жителей регионов*, чем это принято думать. Люди на местах усвоили «уроки майдана» гораздо лучше, чем политическая элита и экспертное сообщество.

Список литературы

Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.

Актуализированные ценности современного российского общества Отв. ред. И. А. Халий. М.: ИС РАН, 2015. 273 с.

Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия. Отв. ред. И. А. Халий. М.: ИС РАН, 2015. 183 с.

Дорожкин Ю. Н. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм // Власть. 2016. № 8. С. 14–18.

Митрошенков О. А. Есть ли жизнь без нефти и газа: управленческие аспекты смены экономической модели? // Власть. 2016. № 8. С. 19–28.

Подъячев К. В. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 145–163.

Подъячев К. В. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России. // Власть. 2014. № 10. С. 129–134.

Радзиховский Л. Дуракавалание // Взгляд (сетевой деловой журнал). 2012. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2012/2/14/561236.html> [Дата посещения: 30.09.2016].

Солженицын А. И. Красное колесо. Март семнадцатого. Книга 2 // Солженицын А. Собрание сочинений в 30 тт. 2010. Т. 12. М.: Время. 800 с.

Халий И. А. Государство и гражданское общество – враги или партнеры? (Материалы круглого стола) // Политические исследования. 2012. № 3. С. 117–140.

Ходорковский призвал Запад создать стратегию на «постпутинский период» 2016 // Веб-сайт РБК.ру URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/580f04169a79474d99bacc4d?utm_source=newsmail&utm_medium=news&utm_campaign=news_mail1 [Дата посещения: 30.09.2016].

Заключение

Исследования традиции и инновации в столь различных сферах жизнедеятельности российского общества позволило выявить общие для всего социума свойства модернизации. Инновационные паттерны, ориентированные на интеграцию России в постмодерн, большей частью имеют внешний источник: государственную политику, копирующую западные образцы в сфере здравоохранения, образования и культуры; экспансию крупного капитала, распространение торговых потоков, пропаганду ценностей и поведенческих паттернов средствами массовой информации и т. п. Стихийные и целенаправленные процессы в итоге приводят к распространению общего, четко выраженного паттерна, повторяющего устройство глобального мира: экономически развитые сети и узлы и нерегулируемое, забытое пространство между ними. В последнем сокращается или исчезает всякая инфраструктура (социальная, культурная, транспортная), маргинализируется и уходит в тень местная экономика. Эта модель может иметь разные масштабы, но всегда одну и ту же конфигурацию.

Влияние на социокультурную сферу внешних инноваций достаточно заметно. Модернизационный ценностный сдвиг уже фиксируется количественными и качественными исследованиями, но в то же время число носителей новых ценностей еще не велико: «Наиболее характерной особенностью этого процесса выступает рост ценностей самоутверждения и успеха в ущерб ориентации на интересы группы, сотрудничество и взаимопомощь. Этот рост свидетельствует о дрейфе культуры России от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным, хотя о сколько-нибудь массовом доминировании ценностей успеха и преуспеяния среди россиян говорить пока не приходится» [Тихонова, 2011: 15].

С нашей точки зрения, можно выделить две основные причины слабости модернизационных трендов в российской провинции. Во-первых, экономические условия для массовых социокультурных перемен в регионах отсутствуют. Постмодерн в его высокотехнологической ипостаси не наступает даже в больших городах, являющихся сегодня узлами сетей. Не случилось и колонизации высокими

технологиями всех сфер общественной жизни³⁴, она и в производственной сфере осуществляется точечно.

Второй, и наиболее важной для данного исследования, причиной является сопротивление, которое оказывает российская традиция внешним инновациям. Это сопротивление носит не только пассивный характер следования традиционным ценностям, оно в значительной степени активно и осознано, так как осуществляется действующим субъектом, способным формировать реальность в соответствии со своими установками.

Традиция, традиционные ценности и основанные на них паттерны деятельности в российской провинции есть результат исторического развития страны, но сложились они окончательно в период советской модернизации. По этой причине, они не являются традицией в ее классическом значении. Скорее это традиционная российская модель модернизации, основанная на сохранении и развитии исторически сложившейся социокультурной основы социума и ориентированная на экономический и технологический прогресс. В воспроизводстве этой традиции личность занимает ключевое место, на ее формирование ориентированы образование и культура. Вопреки распространенным представлениям, российская традиция не содержит патерналистских установок: индивид решает свои проблемы самостоятельно или с помощью друзей, а к государству за помощью обращается лишь в крайних случаях. Но интересы личности приоритетными не являются (наши респонденты их даже не упоминали, хотя надо помнить, что главным образом респондентами были люди зрелые, после 35 лет, исключить, что подрастает молодежь с другими установками, мы не можем), а установки на индивидуальный комфорт и потребление признаются разрушительными. Модернизационный характер российской традиции подтверждает также твердая ориентация на профессионализм в социокультурной сфере и противодействие попыткам от него отказаться под предлогом развития самоорганизации. Исследования наиболее консервативных составляющих российского социума (православной)

³⁴ Колонизация жизненного пространства системой описана Ю. Хабермасом [Хабермас, 1993]. Ж. Эллюль полагает, что происходит его колонизация технологией, которая интерпретируется как запрограммированная последовательность действий [Ellul, 1980].

и наиболее инновационных (экологического и политической) в результате дают одну и ту же картину: традиция ассиметрично велика, но она же содержит в себе установку на инновацию, если под последней понимать развитие, совершенствование уже имеющегося. Это подтверждается анализом традиций и инноваций в образовании, патриотизма, отношений к традиции в Крыму и Севастополе. Данный ассиметричный паттерн трансформаций характерен для всей российской модернизации.

Специфическая российская модернизация противостоит одновременно модернизации западного типа и архаизации провинции. Первая разрушает социокультурную сферу сообществ, не развивает, но радикально изменяет ее, практически ломая систему ценностей, вторая с ней неразрывно связана. Соппротивление в обоих случаях осуществляется посредством действий акторов. Их паттерны разнообразны, изменчивы, зависят от ситуации и множества различных, часто достаточно неожиданных факторов. Их общей чертой можно считать приоритет ценностей, смысла и цели деятельности. Нормы, правила, структуры и программы действий в этой модели вторичны. Их необходимость признается, но они играют инструментальную роль или используются как ресурс. В этом их коренное отличие от моделей деятельности модерна и постмодерна. Непосредственно в высокотехнологических «узлах» и «потоках» одним из базовых паттернов является безоговорочное следование правилу и соблюдение технологической дисциплины, то есть последовательное выполнение ряда предписанных действий. Жизнедеятельность социума складывается из регламентов (как в игре в лего), когда свобода конструирования ограничена и отчасти задана формой кубиков. Паттерны «традиционной модернизации» гибки и подвижны. Приоритет содержания деятельности позволяет преодолевать нормативные ограничения, которые воспринимаются как несущественные, а также соединять и комбинировать несовместимые или разделенные институциональными границами элементы социальной реальности, использовать те или иные технологии и при необходимости менять программы действий. Именно отсутствие формализованного функционального паттерна и жестких предписаний позволяет внедрять навязываемые нововведения, радикально не изменяя их формы, и осуществлять в их рамках собственные инновации. По этой причине «выращивание» институтов модерна и

постмодерна, которое ряд социологов рассматривал как эффективный инструмент модернизационного транзита [Кузьминов и др. 2005], само по себе не может радикально изменить российскую действительность.

Ориентация на смысл и цель действия позволяет воспроизводить данную модель в отсутствие управляющего центра или даже противостоять его решениям довольно длительное время. Противодействие не носит политического характера и большей частью осуществляется в неявной форме. Действия акторов поэтому невозможно оценить в категориях конформизма и нонконформизма. Они стремятся воспроизводить традиционную модель жизнедеятельности сообществ в любой экономической и политической ситуации.

Традиция, как было показано выше, разрушается под воздействием имплантированной модернизации. Кроме того, акторы, которые являются носителями ее ценностей, принадлежат к старшим поколениям, в иных случаях к поколению уходящему. В то же время экспансия новых моделей происходит медленно, а паттерны воспроизводства новых действующих субъектов пока удалось сохранить. По этой причине, жизнедеятельность большей части российского социума по-прежнему основывается на традиционных нормах, ценностях и способах действия.

В действиях локальных акторов в настоящее время прослеживается еще один паттерн, который можно назвать охранительным. Об этом свидетельствует установка некоторых представителей региональной и местной власти на противодействие деградации культуры и образования любой ценой, характерная в российской модели управления для военного времени или для ликвидации последствий крупной катастрофы, а также признание всеми респондентами права своих земляков на практически теневое предпринимательство, поскольку оно позволяет местным жителям и сообществу продержаться до лучших времен. Охранительным без сомнения является и рост патриотизма в регионах, наиболее яркое проявление которого наблюдается в Крыму и Севастополе, деятельность православных приходов и православных сетевых сообществ и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российское общество ориентировано на модернизацию и готово к ней, но это иная, и, по сути, альтернативная модернизация. К сходным выводам пришел А. А. Андреев, сравнивая ценности современных европейцев и россиян. Он обнаружил одержимость последних научно-техническим прогрессом и, одновременно, сильную приверженность традициям.

Он также делает вывод об особой модели модернизации, которую предлагает обозначить «традиционалистской» [Андреев, 2013].

Эта специфическая модель модернизации не востребована современной версией прогресса, перспективы ее сохранения не ясны. Однако современная эпоха показала, что общество постмодерна не является фукуямовским «концом истории». Неопределенность и неустойчивость глобализирующегося мира возрастает, и никому неизвестно, какой вариант модернизации будет необходим в будущем. Российское общество разумно не спешит встраиваться в мир глобальных потоков и не менее глобальных пустошей: *«У нас иной раз лучше не сделать, как велят, может, как-то разрешится со временем. Ведь вот сейчас замминистра говорит, что надо воссоздавать малокомплектные школы. Так что лучше подождать — может, рассосется».*

Образ модернизации, прошедшей через фильтр традиционных ценностей, вырисовывается достаточно четко: ее субъектом является человек, широко образованный, умеющий думать и ориентированный на традиционные ценности. Институциональные и технические инновации необходимы, но они не должны упрощать человека, редуцировать его к функции. Модернизация должна создавать возможности для актуализации ценностей, а не разрушать их.

Постоянное воспроизводство такого подхода к модернизации обусловлено сложностью, неопределенностью и разнообразием среды жизнедеятельности российского общества, невозможностью тотальной унификации. В этой среде всегда есть факторы, которые невозможно учесть и события, которые нельзя предсказать, а значит их нельзя предусмотреть в простом и надежном нормативном регулировании, закрепить в институтах. Непредсказуемые изменения среды лишают нормы и правила логики, делают их нерезультативными, а в иных случаях опасными. Передача функций субъекта действия на уровень системы, как это происходит в технологически развитых странах, поэтому неприемлема и вызывает сопротивление.

До сих пор в России успешной была модернизация, которая проходила через фильтр традиции, причем традиции не архаической, но прогрессивной по своей сути. Предсказать итоги современных реформ трудно, так как давление глобальной экономической и технологической системы велико. Но следует иметь в виду, что традиционные ценности не допускали инновации, которые на самом деле могли затормозить развитие страны.

Asymmetric life of modern Russian society: ratio of traits and innovations

Abstract. Russian society is constantly transforming under pressure of social, political, economic, cultural and technological innovations during last 30 years. This process we call asymmetry of the life in the title of this book. The monograph contains analysis of the data received by the authors in the 10 Russian regions in 2014-17. This analysis shows the innovations that are possible in Russia because the traditions are able to accept and adapt it to the dominating value paradigm. Several traditions supported by different communities (local inhabitants, professionals, teachers and students, environmental activists, orthodox congregation, etc.) are used as example of demonstration of possibility of its transformation under the influence of the innovations coming from the West and promoted by domestic political elite. The existence of the conservative and protective trends is also revealed as well as its bearers, which are the part of above communities.

CONTENT

Foreword	6
Part I. The influence of traditions on Russian society perception of innovations	8
Chapter 1. Tradition of modernization: social and cultural patterns of activities of Russian localities.....	8
The modernization as an attempt to overtake the West: problems of the conceptualization of the investigation.....	8
Socio-economic contest: global and local.....	10
Innovation and tradition in the life of communities: protective strategy.....	12
Risky innovations.....	13
Traditions of a development.....	16
Properties of traditional patterns.....	19
Bibliography.....	22
Chapter 2. Traditional values of Russian professionals at the modernization epoch.....	24
Technological system and values.....	24
Tradition of a modernization in Russia.....	26
Bibliography.....	42
Part II. Traditions and innovations in the education and in the consciousness of the students	33
Chapter 1. Ratio between traditions and innovations in the school.....	33
The types of the perception of innovations in the school.....	33
The results of educational activity.....	39
Bibliography.....	42
Chapter 2. Value orientations and living strategies of the students of secular and integrative universities.....	43
Value orientations of the students.....	45
Living strategies of the students.....	53
Part III. Environmental consciousness of Russians as an innovation in mass consciousness of society	60
Chapter 1. Environmental movement: vanguard of the bearers of environmental consciousness.....	61
The history of environmental movement.....	61
The goals and results of environmental movement activity.....	62
Chapter 2. Environmental policy and management in Russian Federation: context of environmental shift in people consciousness.....	65
The reasons of special features of environmental policy.....	65

Nature protection structures	66
Strategic goals and directions of activity of state environmental structures.....	68
Chapter 3. The limits of environmental awareness in consciousness of Russia citizens	70
Main concerns of Russia citizens.....	70
The level of Russian people concern of environmental situation in their living place.....	73
Behavior of Russians in their everyday life as the consequence of environmentally oriented change of their consciousness.....	76
Bibliography	82
Part IV. Orthodoxy in Russia: new forms of activity in the situation of social change	84
Chapter 1. Innovations in traditional activity of the parishes of Russian Orthodox Church	84
The types of activity of orthodox parishes in Russia.....	84
Is something like “apostolate of the lay people” in Russia?.....	93
Volunteer activity of Russian Orthodox Church or state-church partnership.....	96
Attitudes towards program of the construction of new churches in orthodox milieu.....	97
Attitudes towards traditional values and the defense of believers’ rights in the parishes.....	99
The relationship of the Russian Orthodox Church to Russian identity, interfaith relations, internal and external polity.....	102
Russian Orthodox Church parishes abroad.....	102
Bibliography.....	104
Chapter 2. Social interaction in the orthodox web-communities as new form of communication of orthodox believers	105
Digital sociology as new branch of sociological science.....	105
Orthodox segment of social net VKontakte and typology of the orthodox web-communities.....	111
Orthodox communities in VKontakte: social interaction online and offline.....	116
Bibliography.....	129
Part V. Patriotism as stable tendency in modern Russia	133
Chapter 1. Patriotism as a value: the backgrounds, types, dependence of innovations	133
Patriotism in the historical retrospective and its place in the analysis of Russian reality.....	135
The value of patriotism and the causes of its erosion in the modern Russia.....	136

The specificity of the love to «small patria».....	139
Bibliography.....	144
Chapter 2. Patriotic education of the youth in Russian regions: tradition or new form of citizens' activity	146
Theories of the civil society.....	146
Discourse of patriotism in modern Russian society.....	147
Regional experience in working with young people.....	149
Patriotic education: modern situation.....	150
Bibliography.....	155
Part VI. Crimea and Sevastopol: tradition to be Russia	156
Chapter 1. Crimea: preserved traditions and modern transit	156
Crimea: influence of traditions on the process of reunification with Russia.....	156
Possibility of successful modern transformation.....	160
Adaptation processes: problems and difficulties of its resolution.....	163
Bibliography.....	166
Chapter 2. Sevastopol as the defender of Russia and its traditions	168
Common historical memory and the core of values of mass consciousness.....	168
Reunification with Russia and the adaptation to other social reality.....	170
Specificity of the civil society and the split of administrative elite.....	171
Reformatting of political parties system.....	174
Local administration: mechanical coping of the institutes.....	175
Education reform and ideological contradictions.....	176
Adaptation of business community.....	178
Bibliography.....	180
Part VII. Elections-2016 in Russia: results of innovations in socio-political development	182
Protest movement and the attempt of formation of small parties.....	182
The fail of liberal and others alternative discourses.....	184
A personality vs party: specificity of electoral culture.....	186
Political parties as the elements of feedback and institutes of socialization.....	190
The level of the participation and problem of positive agenda.....	192
The destiny of multiparty system.....	193
Electoral culture, rotation and political risks.....	194
Bibliography.....	197
Conclusion	198

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Аксенова Ольга Владимировна, к. соц. н., ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Левченко Наталья Валерьевна, младший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Пахарь Анна Михайловна, научный сотрудник, Информационно-аналитический центр факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Писаревский Василий Геннадьевич, к. соц. н., старший научный сотрудник, Информационно-аналитический центр факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Подлесная Мария Александровна, к. соц. н., старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, заместитель директора Информационно-аналитического центра факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Подъячев Кирилл Викторович, к. полит. н., старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Рязанцев Игорь Павлович, доктор экономических наук, декан факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заведующий кафедрой общей социологии ПСТГУ, директора Информационно-аналитического центра факультета социальных наук ПСТГУ

Халий Ирина Альбертовна, д. соц. н., главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Научное издание

Аксенова Ольга Владимировна, Левченко Наталья Валерьевна,
Пахарь Анна Михайловна, Писаревский Василий Геннадьевич,
Подлесная Мария Александровна, Подъячев Кирилл Викторович,
Рязанцев Игорь Павлович, Халий Ирина Альбертовна

Асимметрия жизни
современного российского общества:
соотношение традиций и инноваций

Корректор *Елена Волгина*
Верстка (макет) *Фарида Мусина*

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук

117218. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5,

тел. 8 (499) 125-00-79

Официальный портал: <http://www.isras.ru>